

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

ВАЛААМСКОЕ ОБЩЕСТВО АМЕРИКИ
Valaam Society of America: P. O. Box 70, Platina, CA 96076 U.S.A.

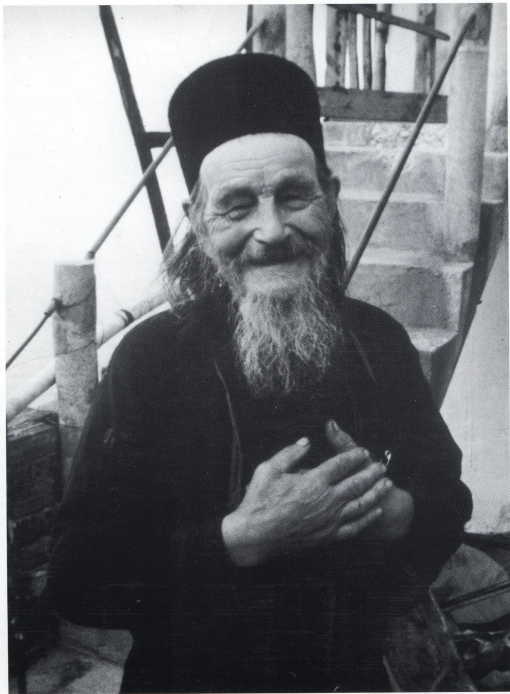
Годъ XLIV.

— № 24 —

2001 г.

Красота Спасеть Миръ

Схимонахъ Никодимъ въ 1979 году встрѣчаетъ паломника.
На обложкѣ картина С. А. Виноградова «На Святой Горѣ»,
Псково-Печерскій монастырь. 1930-е годы.

пугать и удивлять, а в старинных храмах — величия греческой или византийской ступеней по указанию жемчужины. Византизм — это старинный стиль, который имеет

византизм — это старинный стиль, который имеет

византизм — это старинный стиль, который имеет

византизм — это старинный стиль, который имеет

византизм — это старинный стиль, который имеет

византизм — это старинный стиль, который имеет

византизм — это старинный стиль, который имеет

Лавра на Аонии, южная сторона.

византизм — это старинный стиль, который имеет

византизм — это старинный стиль, который имеет

византизм — это старинный стиль, который имеет

византизм — это старинный стиль, который имеет

византизм — это старинный стиль, который имеет

Карульские Пустынники

I. НА СТРАЖЬ БОГОЛЮБИЯ

ЕРВОЕ, что поражает на Аонии — это духовная красота. Естественно, природа там прекрасна. Старинные здания живописно расположены как вдоль моря, так и внутри всего полуострова и у подножия Святой Горы. Все утопает в роскошной растительности. Двадцать старинных монастырей, как бастионы крепости, хранящие древною византийскую святость, наводят ощущение вечноности. Они хранят в себе величайшие святыни Православного Христианства: Чудотворные иконы (Иверской, Акакииной Богоматери, Троиручии и др.) и мощи величайших святых (Св. Иоанна Крестителя, Марии Магдалины, Св. Иоанна Златоустаго). Само убранство внутри храмов и трансных захватывает душу эстетическим величием. Да и малые скиты, келли и калиты, в миниатюре отражают тот же дух чего-то неземного.

От обитателей этой завтной «Страны монахов», как бы нищенски они не выглядели, исходит

какой-то мирный дух внутренней красоты, какой-то гармонии не подлежащей определению, подобно икх византийскому пьснопению, уходящему в далекую древность и отсюда передающему душой посетителя умилительную, сладко-печальную грусть о потерянном рае. Иногда это илане звучит плачем, даже ревом. А когда появляется торжественно-радостное восхваление Бога, то и тогда в этих гимнах звучит как бы недовольство земными звуками в отличие от Западного музыкального преноскоства земной гармонии при многогранных инструментах. Речь идет о внешнем проявлении той внутренней духовной красоты, которая называется отрешенностью от мира.

Внутреннее благолюбие необязательно связано с монашеством и с Аономом. Люди, всю жизнь свою посвятившие служению Богу, Творцу Красоты, Самой Истинь воплотившейся в Господи нашем Иисусе Христѣ, обладают этим качеством. Великий английский поэт Джон Китс сказал: «Красота есть Истина, Истина — Красота». Отъ всего искреннего, подлинного и правдивого дупа

«Красота спасет мир, а некрасивость погубит».
Евдорг Достоевский

О. Никодимъ на террасѣ подь Оптинымъ колодеземъ.

получать удовлетворение и смиренное преклонение предъ величьемъ Божьего Промысла. Это вызываетъ въ душѣ тихое успокоение страстей, умиротворение, и при помощи усердной молитвы возмущается мѣръ, и душа ощущаетъ нѣкую гармонію чувствъ, устройства и жизни. Это и есть примирение съ Богомъ.

На этомъ фундаментѣ вольнаго примиренія съ благолюбимъ Богомъ созданнаго бытія построены принципъ духовной жизни, и святогорцы являются, пожалуй, лучшимъ примѣромъ.

Отсутствие этой устремленности къ слиянію съ Божимъ міромъ и вражда противъ этого міро-созданія — дисгармонія, угловатая неестественность, «некрасивость», и, если слѣдовать Достоевскому, то она и погубитъ мѣръ.

Сегодня мы видимъ явное торжество этой «некрасивости» во всѣхъ проявленіяхъ современной «модерновой» жизни. Эта уродливость современного искусства вызываетъ въ душѣ смущение, разстройство и какъ бы тихій ужасъ бунта противъ Богомъ созданной нормы. Этотъ ужасъ, наполняющій душу страхомъ и именно върой въ побѣду неестественности и зла, порабащивающей чувствомъ безвыходности, преподносится современной культурой какъ нечто красивое. Она стремится затмить традиционное понятіе эстетики. Она приобретаетъ силу, ей служатъ все отрасли современныхъ искусствъ. Вотъ эта «некрасивость» и стремится погубить мѣръ.

Главная монашеская книга послѣ Библіи, открывающая бездну глубину духовной жизни, называется «Добротолюбіе», по-гречески «Силокалія», что въ переводѣ обозначаетъ «Любовь къ Прекрасному».

2. СХИМОНАХЪ НИКОДИМЪ

О. Никодимъ, авторъ краткаго жизнеописанія своего старца, Иеросхимонаха Θεодосія, прожилъ послѣ смерти старца еще почти полъ вѣка и оставилъ послѣ себя память истиннаго Святогорца — простеца съ мѣрской точки зрѣнія, а мудреца — съ духовной. Онъ дѣйствительно стоялъ на стражѣ Богомудрія и Боголюбія. Жизнь его иппекская на утесахъ Карульскихъ представляла непрестанный

подвигъ трезвенія, идя вѣрными стопами по указанному его старцемъ пути тысячелѣтняго опыта Святой Горы.

Былъ онъ въ революціонное время въ Бѣлой Арміи, защищая Государеву честь Православной Руси, но не побѣдили они, и оказался онъ за границей. Отъ дѣтства хотѣлъ онъ быть Афонскимъ монахомъ и тайно проникъ на Афонъ. Игумень Свято-Пантелеимоновскаго монастыря скрывалъ его до тѣхъ поръ, пока не подрастаетъ борода и вручилъ его простому монаху Силуану, впоследствии прославленному преподобному.

Послѣ того, какъ пустыннолюбивый О. Θεодосій, переписывавшій со Святителемъ Θεофаномъ Затворникомъ, поселился на Каруль, О. Никодимъ переехалъ къ нему, но старецъ не желалъ имѣть послѣдователей и всячески, даже резко, отстранялъ его, испытывая его терпѣніе, наподобіе того, какъ Преп. Антоній Великій смирялъ Павла Препростаго. Убѣдившись, что О. Никодимъ не отстанетъ отъ него, самъ смирился и принялъ его себѣ въ сотащники. И не пожалѣлъ. О. Никодимъ до самой старческой смерти былъ полностью преданъ ему, а по смерти сохранялъ его память какъ дѣлателя Иисусовой молитвы художественнымъ приемомъ. Не легко давалось ему претерпѣвать «этотъ» искусъ. Вотъ какъ писалъ онъ намъ о тренировкѣ старцевой: «Меня Старецъ то прутникомъ стягалъ, а то и крѣпо билъ за гордость. А когда я смирился, то по головкѣ гладилъ и въ щеки цѣловалъ. И такъ, и съякъ поступать со мною. Знакъ къ тому у него и у меня былъ такой: когда у меня было чисто на совѣстѣ къ старцу, не было непріязненныхъ презрительныхъ чувствъ къ нему и осудительныхъ помысловъ на него, то тогда я смотрѣлъ на старца открытыми глазами и съ поднятой головой и рѣчью веселой говорилъ съ нимъ, то это былъ признакъ преуспеянія. А когда я насунивался, опуская голову, и не смотрѣлъ на лицо старца, то тогда зналъ старецъ, что я не въ порядкѣ и исповѣдаться не могу. Тогда старецъ начиналъ употреблять разныя искусства, чтобы вызвать меня на «откровение. Иногда по 6 часовъ объедаемъ или ужинаемъ и въ это время старецъ употреблялъ

О. Никодимъ подымается съ пошеи въ свою келью.

искусство (и не без молитвы, навёрно), разными разговорами о чём-либо и спрашивал, как я понял то, или давал примёры поступков посторонних лиц, моля, как я понимаю так или же так, съ какого чувства сердца то исходило у меня. И искусно доводил меня до сердитвы (что я сердился) и до спора съ нимъ, т.к. онъ прочно «подозривал» во мнѣ недобрый чувства и поиятія. Тогда я уже со гневомъ отбивался и поневоѣ выказывалъ (открывалъ) ему свою душу, а въ концѣ смирялся и уже явно исповѣдывался во всемъ, что имѣлъ противъ старца. Затѣмъ начиналась тихая учительная беседа, и миръ во мнѣ и спокойствіе въ старцѣ водворялись до слышающаго раза. Надо искусно привязать къ себѣ ученика, чтобы онъ, какъ птичекъ, открытъ былъ передъ солнцемъ всеми лепестками своими всегда. А это для старца должно быть видимо всегда, и если замѣчено, что послушникъ не смотритъ обычно ласково въ лицо старца и говорить грубо, то не давая догадаться, что замѣчено вами неустройство его, и не обличая его, а умудряться вызвать на откровеніе, а по откровеніи придеть и смиреніе и надлежащее устроение...»

Жизнь О. Никодима тоже поучительна, и она составляетъ на основіи имъ оставленныхъ записей и писемъ. Онъ не хотѣлъ себѣ дѣлать рекламы, но желаніе вдохновить, какъ онъ выражался, «охотниковъ умнаго дѣланія», побуждало его не молчать. Былъ у него тайный духовный сынъ, который по указанію О. Никодима проводилъ умное дѣланіе въ міру, будучи свѣтскимъ священникомъ въ Австраліи, О. Ростиславъ Ганъ. Ему онъ поручилъ переписать и издать духовный дневникъ Старца Ѳеодосія, проходя на опытъ подвигъ Исусовой молитвы. Передъ смертью, послѣдовавшей до кончины О. Никодима, онъ, по просьбѣ старца, передалъ дневникъ намъ, и мы, свѣривъ съ оригиналомъ, подготовили текстъ къ печати.

Съ Божіей помощью въ прошломъ выпускъ «Русскаго Паломника» (№ 23) первую половину обнародовали съ особыми указаніями О. Никодима и ниже помѣщаемъ окончаніе. А жизнеописаніе самого О. Никодима будетъ издано позже, вкусь съ описаніями другихъ Карульскихъ русскихъ пустынянниковъ и сотаинниковъ О. Никодима. А пока начнемъ съ воспоминаній современниковъ О. Ѳеодосія, какъ онъ запечатлѣлся въ ихъ памяти.

3. СТАРЧЕСКІЙ ЗАВѢТЬ

Въ концѣ биографіи о своемъ старцѣ О. Никодимѣ писалъ, что, прощаясь съ нимъ какъ со своимъ приснымъ ученикомъ, О. Ѳеодосій «далъ мнѣ наставленія въ трехъ главныхъ словахъ», но какихъ именно не упоминалъ. Видно, потомъ хотѣлъ вписать, но не успѣлъ привести точныя слова. Мы такъ и напечатали, не зная ихъ (въ Р.П. 23). А теперь

въ бумагахъ, переданныхъ имъ намъ въ 1979 году, мы случайно нашли аккуратно сложенную записку въ конвертѣ съ помѣченнымъ однимъ словомъ «Духовная» записъ. Въ концѣ этой записки, т.е. «Старческаго Завѣтъ», рукой О. Никодима написано:

«А въ послѣдній день передъ смертью сказалъ, при благословеніи мя, «Богъ да благословитъ тебя и УКРѢПИТЬ (подчеркнуто) и СОХРАНИТЬ и въ крайній нуждѣ ПОМОЖЕТЪ». 2 Окт. 1937 г. въ 7 часовъ ночи предъ Причащеніемъ Св. Таинъ. А черезъ 25 минутъ скончался.»

Вотъ собственноручный текстъ Иеросхимонаха Ѳеодосія:

«СТАРЧЕСКІЙ ЗАВѢТЬ И БЛАГОСЛОВЕНІЕ»

Во имя Отца и Сына и Св. Духа (и Всгчест. Пресв. Владычицы нашей Богородицы).

1. Господь да проститъ тя, чадо, за всѣ твои грѣхи прошедіе, настояще и будуще, въ какихъ будешь каяться духовнику послѣ меня.

2. На семь основаній въри и смиренія твоего строй съ упованіемъ на Бога домъ добродѣтелей разумнымъ послушаніемъ послѣ меня духовнику съ соблюденіемъ моихъ старческихъ заповѣдей и послышамъ безмалѣемъ съ непрестанною молитвою ко Господу Спасителю Г. І. Х. С. Б. ном. м.я.

3. И покрой свой духовный домъ вѣчными добродѣтели — любовью къ Богу и ближнему, и да преселишься съ нимъ въ духовная небесная обители. Аминь.

Недост. Иеросхим. Ѳеодосій,
твой убогий старецъ,
просній св. твоихъ молитвъ.
2 Февраля 1937 года.

Рукой О. Никодима съ лѣвой стороны трехъ абзацевъ помѣчено:

1. вѣра и смиреніе.
2. упованіе и трудъ.
3. плоды добродѣтели.

Знали мы О. Никодима по перепискѣ съ 1954-го года. За 5 лѣтъ до его праведнаго успевія мы смогли его посѣтить и прожить съ нимъ нѣсколько дней и были очевидцами его подвижной и постоянно радостной личности. Вѣншей, веселостью онъ скрывалъ свое смиреніе. Умеръ онъ 15(28) Февраля 1984 года на рукахъ своего кельника, но уже послѣ кончины своего приснаго сподвижника О. Серафима. Умеръ онъ глубокой старости и погребенъ по соседству, гдѣ хранилась глава (черепъ) его горячо любимаго Старца Ѳеодосія.

АФОНСКИЙ ПАТЕРИКЪ

О. ѲЕОДОСІЙ

ВЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ СОВРЕМЕННОКОВЪ

І. О. МАКАРІЙ, ІЕРОСХИМОНАХЪ
КАРУЛЬСКІЙ.

ВЪ МОЕ время на св. Карульѣ, въ одномъ уединенномъ и малодоступномъ мѣстѣ, на св. Аѳонѣ подвизался Іеросхимонахъ батюшка О. Ѳеодосій, кандидатъ богословія Казанской Духовной Академіи. Нашъ любимый Ава.

Въ то время я также проживалъ на св. Карульѣ, имѣя свой исихастиріонъ съ церковкой св. Великомученика Георгія и часто посѣщалъ батюшку, и неоднократно приходилось мнѣ служить въ его Свято-Троицкомъ храмѣ.

Это былъ строгій и опытный монахъ-аѳонецъ, подвижникъ духа, уважаемый греческимъ святогорскимъ монашествомъ, что весьма редко наблюдалось среди грековъ. А вообще, всѣ его почитали и любили, кто зналъ его и посѣщалъ св. Карульѣ.

Вспоминая нашего любимого батюшку О. Ѳеодосія, съ которымъ одно время пришлось мнѣ жить въ его каливкѣ, гдѣ моя комнатуха была рядомъ съ его келейкой, я часто вспоминаю это блаженное время, когда пользовался его наставленіями на моемъ иноческомъ пути, и всегда молюсь за него за Св. Литургіей неопустительно и прошу Господа снова видѣть его въ вѣчности, которая уже такъ недалека.

Бывало зайду къ нему по дѣлу въ келейку и всегда нахожу его погруженнымъ въ умную молитву Іисусову, сидящимъ на ложничкѣ съ четками въ рукахъ, а на противоположной стѣнѣ картина Страшнаго Суда въ краскахъ, довольно большого размѣра. Постоянно смотря на эту картину, его ланиты орошались слезами. При моемъ входѣ онъ безмолвно кивнетъ въ

Входъ въ церковь. На терраскѣ стоитъ О. Никодимъ, гдѣ раньше сфотографировали и Старша Ѳеодосія.

сторону этой картины, какъ бы говоря: видишь, что ожидаешь насъ ... и снова погружается въ молитву, склонивши голову на грудь.

Помню, какъ онъ повѣдалъ мнѣ, что онъ былъ сыномъ простого крестьянина и жилъ въ бѣдности. Онъ дружилъ съ сыномъ священника своего села, бывая въ его домѣ. Священникъ полюбилъ его за серьезность и желаніе учиться, помогъ поступить ему въ семинарію. По окончаніи семинаріи поступилъ въ Казанскую Духовную Академію, которую успѣшно закончилъ.

Будучи назначенъ инспекторомъ въ одну изъ северныхъ семинарій въ то неблагоприятное время, когда университетская молодежь, въ томъ числѣ и студенты семинарій, увлеклась западными ученіями и всякого рода философій, О. Ѳеодосій попытался навѣсти порядокъ въ своей семинаріи, какъ бытовой, такъ и учебной, но встрѣтилъ грозное предупрежденіе. Видя, что онъ ничего не можетъ сдѣлать, оставилъ семинарію, посѣтилъ Св. Землю и послѣ этого навсегда поселился на Св. Аѳонѣ. Объ О. Ѳеодосіи я пишу кратко и далеко не все. Въ своихъ воспоминаніяхъ о подвижникахъ Св. Горы я пишу больше и обстоятельнѣе.

Греки, жившіе поблизости отъ Св. Карули поняли О. Ѳеодосія какъ истиннаго подвижника духа, полюбилъ его и имѣли его своимъ духовникомъ и наставникомъ уединеннаго монашескаго житія. Въ нашемъ монастырѣ Св. Влкъм. Паптелемона тоже были подвижники духа, въ скитахъ и кельяхъ, но подобнаго, какъ батюшка О. Ѳеодосій, трудно было встрѣтить. Не премину сказать, что среди грековъ были подобныя подвижники

духа и самъ батюшка пользовался ими на своемъ монашескомъ пути, гдѣ принять и постригъ великой схимы, указывая и намъ ихъ ревность и знаніе иноческаго пути.

Русскіе паломники Св. Горы въ то мирное время, видя пастыря О. Феодосія, искренне его жизни по святымъ отцамъ иночества, помогли ему построить малую церковь во имя Пресвятой Троицы, гдѣ онъ и служилъ. Вебъ карулыны почитали батюшку О. Феодосія, ходили на его службы, пѣли, читали въ его церковь, а для нѣкоторыхъ онъ былъ духовнымъ наставникомъ, но рѣдко брала на себя эту великую и отвѣтственную обязанность, такъ какъ требовалъ неопустительно исполнять святыя завѣты учителей и наставниковъ монашества.

Батюшка О. Феодосій ничего не писалъ, говоря, что всё написано Св. Отцами иночества и намъ только осталось исполнять это. Нѣкоторые монахи говорили, что О. Феодосій писалъ свои замѣтки о духовной жизни, но это не такъ. Я хорошо знаю, ибо говорилъ съ нимъ по этому вопросу. Просилъ написать объ умной молитвѣ и его дѣлании въ ней. Былъ короткій и ясный отвѣтъ: «Въ Добротолюбіи написано все объ этой молитвѣ. Аминь». Всякаго рода философіи О. Феодосій не любилъ, а всегда основывался точно на писаніяхъ Св. Отцовъ монашества. Я по возможности дѣлалъ записи нашихъ бесѣдъ. Онъ всегда былъ лакониченъ, и слова его по тому или иному вопросу были четкими и исчерпывающими. Я замѣтилъ, что онъ скоро уставалъ при разговорахъ и часто прерывалъ бесѣду, уходя умоумъ въ молитву.

Вся жизнь истиннаго христіанина есть ни что иное, какъ непрерывное восхождение на высоту сознания своей бѣдности и чувства самоуничиженія. Чѣмъ больше человѣкъ растетъ въ добродѣтели, тѣмъ больше онъ сознаетъ и чувствуетъ, что онъ ничто. А отсюда истекаетъ обиліе добродѣтелей такихъ, какъ смиреніе, самоукореніе, неосужденіе другихъ, безгнѣвие, невозмущаемый покой.

Можно было видѣть, что батюшка достигъ этого покоя и жилъ въ немъ постоянно, избегая тѣхъ встрѣчъ, съ людьми, которые могли его нарушить, ибо въ этомъ покоѣ и жила его умная молитва. Господь требуетъ, чтобы человѣкъ какъ существо

свободное предначалъ своею волею стремленіе къ Нему. И Господь подъ этимъ условіемъ ниспосылаетъ желающему благодатныя силы, потребныя къ животу и благочестію. Свобода нравственная не есть, такъ сказать, блуждающая комета, но определенное бытіе. Вотъ почему въ «Православномъ Исповѣданіи» говорится о свободѣ какъ власти человека «быть добрымъ сыномъ Божиимъ или злымъ сыномъ діавола».

Это существенное свойство свободы во всей силѣ своей раскрывается въ возрожденіи человека черезъ Св. Таинства Крещенія и Мирономасанія, гдѣ происходитъ тѣснейшій союзъ благодати со свободою. Съ этого союза «зачинается полная истинно-христіанская жизнь». Этотъ союзъ — душа всей христіанской жизни.

Во время совершенія Св. Литургіи его окружалъ какой-то особый розоватый свѣтъ, наполняя собою маленькій алтарь. Не буду говорить и о другихъ вещахъ, трудно постигаемыхъ людьми вѣка сего.

Отошли карулыны въ иночество, тѣ карулыны, которыхъ я зналъ. Отошли и оставили намъ свой святой завѣтъ: «ХРАНИТЕ СВѢТЬ ВЪ ВАСЪ И СВѢТИТЕ ДРУГИМЪ».

Прошли года. Жизнь человѣческая уклонилась отъ праваго пути и пошла широкимъ пространнѣмъ путемъ. Неправда міра сего коснулась Тебя, Твоей великой исторіи, Твоей жизни не отъ міра сего — **ВЕЛИКИЙ УЧИТЕЛЬ ПРАВОСЛАВНАГО МОНАШЕСТВА.**

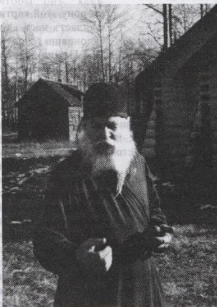
Прости, Святой Авоны, съ твоими святыми монастырями, твоимъ солнцемъ, хотя оно и погружено сегодня въ туманныя тучи, застилающія твое ясное небо... Прости и молись за твоего постриженника. Прости...

Вспоминаю написанное Святымъ Іоанномъ Златоустымъ: «Придетъ время, и у кормила ИСТИНЫ станутъ люди будучи далеки отъ НЕЯ».

Свободное Слово
№ 5-6, 1980

2. О СЕРАФИМЪ ИЗЪ ПОДЪКАРПАТСКОЙ РУСИ

Впервые я услышалъ объ О. Феодосіи во время своего перваго паломничества на Авоны въ 1923 году на Пасху, но повидать его не удалось, такъ

Терехимонахъ Макарій, постригавшій О. Никодима въ схиму по повеленію Старца Феодосія.

как наше паломничество студентовъ Българскаго богословскаго факультета продолжалось всего около 10 дней. Это было слиткомъ короткій срокъ, чтобы обойти весь Аѳонъ.

Въ 1924 году побывалъ на Аѳонѣ известный писатель морскихъ разсказовъ капитанъ второго ранга В. П. Апрельевъ. Онъ сдѣлалъ въ Българіи докладъ о своемъ паломничествѣ и о своемъ пощеніи Карули и О. Феодосія. Говорили, что старцы тамъ совершенно обносились и ходятъ просто въ рубищахъ. Нѣсколько насъ студентовъ загорѣлись имъ помочь. Произвели мы, гдѣ могли, сборъ пожертвованій и мнѣ было поручено переслать собранные деньги О. Феодосію, съ указаніемъ, что жертвователи желаютъ, чтобы эти деньги непременно были употреблены на приобретеніе теплой одежды для пустынниковъ Карули. О. Феодосій меня письменно поблагодарилъ. Завязалась переписка, увы, мною утеряны все его письма во время эвакуаціи изъ Владимировой на Карпатахъ въ 1944-45 годахъ.

Въ тѣ давніе годы, по окончаніи университета, я сталъ серьезно раздумывать о принятіи монашества, и мнѣ захотѣлось принять постригъ отъ О. Феодосія. Съ 1925 года я сталъ преподавателемъ Закона Божія въ г. Скопье въ Югославіи. Лѣтомъ 1926 года, послѣ окончанія занятій въ гимназіи, я поѣхалъ на Аѳонъ и съ однимъ проводникомъ монахомъ отправился пешкомъ на Каруло. Пришли мы туда за два дня до Петрова дня. Поднялись, держась за цѣпи, въ келію О. Феодосія. Ему незадолго до Первой Мировой войны одинъ благодѣтель построилъ на уступѣ скалы маленькую церковь, вмѣстимостью не больше чѣмъ на 20 богомольцевъ, а подъ ней келію для старца. Кромѣ того, у О. Феодосія была «гостиница» для приходящихъ къ нему: три малыхъ пещерки, въ которыя можно было войти только сильно согнувшись. Въ каждой деревянное ложе и... больше ничего. Пришли мы: келія открыта, но ни въ ней, ни въ церковь никого нѣтъ. Сели ждать. Часа черезъ два появился старецъ въ вѣтхомъ подрясникѣ, съ небольшою связкою сухихъ ветокъ, которые онъ собиралъ по крутымъ склонамъ горы. Проводникъ ушелъ. Мы остались вдвоемъ. О. Феодосій утишилъ меня сухимъ хлѣбомъ и кружкой воды, ибо петровский постъ еще не кончился. Я разсказалъ старцу о своемъ желаніи принять отъ него постригъ. Онъ улыбнулся и отвѣтствовалъ,

что онъ никого не постригаетъ въ отъездъ. Если я желаю быть имъ постриженнымъ, мнѣ необходимо дать обѣтъ навсегда остаться на Карулѣ. Къ этому я не готовился и попросилъ дать время подумать и помолиться. Поэтому я проводилъ у старца четыре незабываемыхъ дня, ютася въ пещеркѣ-«гостиницѣ». Большую часть ночи мы проводили за молитвой въ церкви. Помню всенощное бдѣніе подъ праздникъ св. апостоловъ Петра и Павла. Было оно действительно всенощнымъ, ибо продолжалось действительно отъ захода до восхода солнца. Я больше стоялъ на балконицкѣ изъ железныхъ прутьевъ. Подо мной страшная бездна, можетъ быть до тысячи футовъ. Чудный видъ на тихое морѣ гдѣ-то далеко внизу, освещенное мессяемъ и звездами.

Утромъ на самый праздникъ я причастился, поисповедавшись у О. Феодосія. На другой день послѣ праздника О. Феодосій и говоритъ мнѣ: «Давайте сдѣлаемъ такъ: я отправлю Васъ къ своему духовнику отцу Игнатію. Ему 105 лѣтъ, и онъ слѣпъ, но это действительно настоящій прозорливецъ, куда мнѣ до него. Разскажите ему все о себѣ, но ... какъ онъ решитъ, такъ Вы должны и поступить. Согласны ли Вы остаться на Карулѣ, если онъ Вамъ это благословитъ». Мнѣ такъ понравилось на Карулѣ, что я отвѣтилъ согласіемъ.

Тогда О. Феодосій далъ мнѣ проводника изъ пустынниковъ Карульскихъ — Схимонаха Дорошею, и мы начали взбираться съ нимъ по горнымъ кручамъ къ Иеросхимонаху Игнатію. Жиль онъ миляхъ

въ двухъ, а то и того меньше, выше Карули, но на болѣе пологомъ склонѣ горы. У него были трѣхъ келійникъ 90-лѣтній старецъ. Узнавъ отъ О. Дорошева, что я отъ О. Феодосія, онъ молча указалъ мнѣ отдѣльную келію, гдѣ обиталъ старецъ. Вхожу. Весь передній уголъ уставленъ иконами. Подъ иконами на узкомъ деревянномъ ложѣ сидитъ благообразный слѣпецъ старецъ и тянетъ четку. Я поклонился ему и сказалъ что меня къ нему послалъ О. Феодосій. Взялъ благословеніе. Отецъ Игнатій надѣлъ епитрахиль и благословилъ начало чина исповѣданія. Я прочелъ малое славословіе по «Отче нашъ» включительно и ... остановился, ибо, къ стыду своему, не зналъ тогда 50-й псаломъ.

Старецъ говоритъ: «Читай Помилуй мя Боже...» Я отвѣчаю, что не знаю Его назусть. «Какъ не знаешь. Ты — монахъ, и не знаешь...» Говорю: «Я не монахъ, а приезжіи изъ Сербіи богомольцы».

Старецъ Игнатій Болшаринъ,
духовникъ О. Феодосія.

Старець свое: «А я тебѣ говорю, что ты монахъ!»

Потомъ пальцемъ показавъ на висючую на стѣнѣ картинку, на которой было написано все послѣдованіе чина исповѣди. Я прочиталъ.

Послѣ этого старецъ велѣлъ мнѣ стать на колени предъ образами около него, покрыть меня спитрахилью и промолвилъ:

«Сначала исповѣдай всѣ грѣхи твои, а потомъ говори, что ты отъ меня хочешь».

Я поисповѣдался почти за всю свою жизнь, а затѣмъ разсказалъ старцу, что я состою преподавателемъ Закона Божія въ сербской гимназій въ г. Скопье въ Югославіи, что хочу стать монахомъ, хотѣлъ бы, чтобы меня постригъ О. Ѳеодосій, но

тотъ ставить условіемъ пострига остаться при немъ навсегда на Карулѣ и послать меня къ нему, чтобы онъ рѣшилъ мою судьбу. «Какъ Вы скажете, такъ я и поступлю» — прибавилъ я.

Говорилъ я, конечно, немного подробнѣе.

Старець терпѣливо выслушалъ меня и сказалъ: «Давай помолимся Богу».

Нѣкоторое время мы молча молились, причѣмъ старецъ держалъ свои руки на моей головѣ. Потомъ онъ совершилъ отпущение грѣховъ, причѣмъ довольно сильно, почти ударяя, крестообразно коснулся благословляющей десницей моей головы и произнесъ:

«Возвращайся обратно, откуда приехалъ. Ты тамъ нуженъ. Молись Великомученику Пантелеймону. А старца найдешь въ другой странѣ».

Съ этимъ напутствіемъ великаго старца я возвратился къ О. Ѳеодосію, сопровождаемъ О. Дорофеемъ, который поджидалъ меня у келейника грека.

О. Ѳеодосій внимательно меня выслушалъ и такъ растолковалъ мнѣ слова старца: то, что онъ настоячиво называлъ меня дважды монахомъ указывать, что онъ благословляетъ мое намѣреніе принять постригъ. Совѣтъ возвращаться обратно въ Югославію и молиться Св. Великомученику Пантелеймону означаетъ, что не онъ долженъ меня постригать, а меня постригнуть въ Св. Пантелеймоновскомъ монастырѣ. Указаніе, что старца я найду въ другой странѣ, свидетельствуетъ о томъ, что я долгу в Югославіи не останусь и уѣду трудиться въ какую-то другую страну.

На прощаніе онъ подарилъ мнѣ свою параманъ съ крестомъ, который онъ носилъ больше 25-ти лѣтъ,

пока былъ мантийннымъ монахомъ. Сей параманъ давно истерся, а крестъ его и сейчасъ на мнѣ, вотъ уже около 44-хъ лѣтъ.

Все случилось какъ предсказали мнѣ старцы: меня постригли въ Св. Пантелеймоновскомъ монастырѣ, въ Скопье я пробылъ еще только два года, а затѣмъ уѣхалъ на Карпатскую Русь, во Владимірову къ архимандриту Виталию, позднѣе архіепископу, въ которомъ и обрѣлъ себѣ старца.

Съ отцомъ Ѳеодосіемъ мы вели перекиську, правда, нечастую — 3-4 раза в годъ. Она была прервана его кончиной въ 1938 году.

Раньше я помнилъ немало повѣствованій о его прозорливости, которые слышалъ на Аѳонѣ, а теперь ихъ, къ сожалѣнію, забвѣлъ. Осталось въ памяти

только то, что касалось лично меня. Сіе я и написалъ.

Упокой, Господи, душу праведнаго раба Твоего приснопамятнаго Іероскимонаха Ѳеодосія, одного изъ послѣднихъ прозорливцевъ нашего скорбнаго времени.

Чикаго, 1976.

3. О СОФРОНІИ, УЧЕНИКѢ ПРЕП. СИЛУАНА

Прежде всего долженъ сказать, что мои встрѣчи съ Отцемъ Ѳеодосіемъ, блаженнымъ карульскимъ старцемъ, были немногочисленны. Первый разъ я съ однимъ русскимъ паломникомъ былъ у него въ 1925 г., т.е. во время моего первого приезда на Святую Гору. Въ то время самъ я былъ студентомъ Богословскаго Института Преп. Сергія въ Парижѣ.

Сильдовательно при нашей первой бесѣдѣ я былъ еще миряниномъ, искавшимъ разрѣшенія моей личной проблемы.

Первое впечатленіе отъ Отца Ѳеодосія было весьма глубокимъ. Весь его обликъ отражалъ кротость его сердца. Вышине онъ представлялъ собою часто встречавшіяся въ Россіи типъ смиреннаго монаха. Голосъ его былъ весьма тихій. Голова немного согнута къ груди. Взглядъ его свѣтлыхъ глазъ былъ живой и, въ какомъ-то смыслѣ, веселый. Худая, тонкая фигура; сухое гѣло; бедная одежда пустынника. Съ перваго момента общеніе съ нимъ было легкимъ и радостнымъ. Все прочіе насельники русской Карули, срѣди которыхъ въ то время были и Отецъ Кассіанъ, впоследствии Игуменъ, духовникъ русской миссіи въ Чехословакіи, окружали Отца Ѳеодосія трогательной почитательностью и преданной любовью. Теперь, послѣ почти полулѣтя, я уже не въ силахъ вспомнить деталей нашихъ бесѣдъ.

Архимандритъ Софроній Сахаровъ.

В 1926 г. в Пантелеимоновском монастыре. Сидят слева Архимандрит Кирик и Епископ Тихонь Сань-Францисский, стоят: Инокъ Василій (Кривошenny), Д. Шаховской, впоследствии Архиепископъ Иоаннь, и О. Софроній (Сахаровъ).

Помню, что для меня они носили скорбь «общий» характер, так как в самомъ себя я уже рѣшилъ остаться на Афонѣ и единственнымъ желаніемъ моимъ было какъ-то воспринять разные виды аскетической монашеской жизни на Св. Горѣ.

Послѣ того я еще разъ посѣтилъ Отца Θεодосія, будучи уже монахомъ Пантелеимоновскаго Монастыря. Во время этой новой встречи мы бесѣдовали уже на богословскія темы: главнымъ образомъ въ связи съ только что распространившимся на Св. Горѣ Катохизисомъ Митрополита Антонія. Никакъ не отрицая искупляющую мѣръ сострадательную любовь Христа, Отецъ Θεодосій вмѣстѣ съ тѣмъ не соглашался поставить молитву Геосиманскую въ центръ всего Дѣла искупленія, съ одной стороны, съ другой — отстаивалъ какъ истину идею «удовлетворенія» въ той перспективѣ, въ какой она представлена въ догматическомъ богословіи Митрополита Макарія.

Несмотря на эти расхождения во взглядахъ съ Митрополитомъ Антоніемъ, вся бесѣда блаженнаго Старца Θεодосія носила глубоко кроткій характеръ, и въ его присутствіи чувствовалась атмосфера святости. Больше мнѣ не пришлось встретить Отца Θεодосія. Когда я самъ посѣлился на Карулѣ, онъ уже почивалъ въ могилѣ и въ его «каливѣ» жилъ монахъ Отецъ Никодимъ, его ученикъ и послушникъ. Отъ него я узналъ некоторыя другія стороны жизни Старца Θεодосія, о которыхъ несомненно самъ О. Никодимъ писалъ вамъ въ Америку. Въ наше время все болѣе и болѣе теряется среди людей самое понятіе

о святости не какъ о моральномъ состояніи или поведеніи человѣка, но какъ о пребываніи въ Духѣ Святомъ, какъ еще въ теченіи земной жизни все существо человѣка можетъ быть бытіию погружено въ Богъ; нелишне сказать, что такіе подвижники, какъ Старцы Θεодосій, упокоиваются въ сонмѣ Святыыхъ; отъ вѣка благоугодившихъ Богу.

4. АРХИЕП. ІОАННЪ (ШАХОВСКОЙ).

По благословенію своего духовника я уѣхалъ на Афонъ, тамъ пробылъ два мѣсяца и былъ постриженъ въ иночество. Начальной проблемой моей на Афонѣ стало то обстоятельство, что старецъ-духовникъ афонскій, которому меня поручилъ Еп. Вепаминъ (и который былъ также его старцемъ), сталъ меня убеждать остаться навсегда на Афонѣ... Была въ монастырѣ большая нужда въ молодыхъ монахахъ, особенно образованныхъ. За годъ до моего пострига два молодыхъ человѣка пріехали изъ Парижа на Афонъ паломниками, пѣлились Святой Горой и остались тамъ. Я встрѣтилъ ихъ въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ. Одно изъ нихъ я зналъ по Парижу; это былъ Всеволодъ, въ иночествѣ Василій, Кривошenny. Другой былъ молодымъ художникомъ Сергеемъ Сахаровымъ, ставшимъ на Афонѣ О. Софроніемъ.

Я былъ плененъ Афономъ и не зналъ, что дѣлать — исполнить ли указаніе своего перваго старца, или того, къ кому онъ меня направилъ на Афонъ. Этотъ мудрый и простой душой архимандритъ Кирикъ,

духовникъ обители, разсудил мудро. Онъ сказалъ мнѣ: «Доверь жизнь твою Богу. Онъ укажетъ тебѣ путь. Исповедайся, причастись Св. Таинъ и поиди по Аѳону, предавъ себя волѣ Божіей. Она откроется тебѣ». Я такъ поступилъ и пошелъ по обителямъ Св. Горы. Очень большое впечатлѣніе на меня произвело пребываніе у старца Герасимонаха Θεοδοσία, отшельника средь скалъ Карули, у подножія Аѳонской Горы. Я провелъ у него около сутокъ въ молитвѣ и бесѣдахъ духовныхъ. Это былъ старецъ просвѣщенный, полный Христовой любви и той особой мудрости и разсудительности, которая считается у монаховъ даже выше самой любви, такъ какъ любовь безъ разсудительности несовершенна.

Меня, помню, удивило одно его замечаніе о томъ, что «Христосъ любилъ книжниковъ и фарисѣевъ». По неопытности моеѣ, мнѣ казалось, что Господь фарисѣевъ низвергалъ и обличалъ. «Но ведь это обличеніе и было слѣдствіемъ Его любви къ нимъ.» — отвѣтилъ старецъ. «Спаситель отвергалъ не души этихъ фарисѣевъ, а ихъ фарисѣйство, то есть зло, которое мучило ихъ самихъ, и въ этомъ именно была любовь къ нимъ».

5. ПИСАТЕЛЬ БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ

Раннимъ и чудеснымъ утромъ мы спустились къ пристани. Тамъ ждала лодка. Архимандритъ Кирикъ благословилъ меня на странствіе, овѣявъ своей легкой, снѣжною бороною, гребцы погрузили весла, слегка налегли, и мы мягко тронулись. Мы — это Геронахъ О. Пинуфрій, иностранецъ докторъ, юный монахъ переводчикъ, два гребца и я.

Вотъ — первый образъ нашего отплытія: стеклянно-голубое море, легкой туманъ у подножія Лонгоса, тихій свѣтъ утра. Лодка идетъ нетрудно. Рядомъ со мной черныи съ просѣдью, кареглазый спокойный и ровный, слегка окающий по-нижегородски О. Пинуфрій. Опустивъ руку въ воду, онъ пальцемъ чертитъ серебряный слѣдъ. Негромкимъ, привычнымъ голосомъ начинать пѣть: «Христосъ Воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть по-правъ, и сущимъ во гробѣхъ жи-вотъ дарова-авъ».

Мы подтягиваемъ. Оборачиваясь, вижу нашего юношу съ золотистыми волосами, золотистою бородкой вокругъ пунового рта и глазами задумчивыми, упорно глядящими вбокъ. Безмятежная голубизна воды, тишина, плескъ струи за кормой, юноша, напоминающій полновскаго Христа, мягко очерченный въ утреннемъ дымѣ евангельскій пейзажъ Геннисаретскаго озера.

«И су-шимъ во гробѣхъ жи-вотъ дарова-авъ...»

Итакъ мы огибасмъ юго-западный берегъ аѳонскаго полуострова, держимъ путь на Каруло, знаменитую южную оконечность Аѳона, гдѣ въ бесплодныхъ скалахъ живутъ пустынножители. А пока, слѣва, медленнымъ свиткомъ протягивается полуостровъ: горы, лѣса, по нимъ кручи, кое-гдѣ виноградники и оливки, кое-гдѣ пустынно-каменистыя взгорья — все непроходимое и первобитное. То выше, то ниже средневѣково-восточные замки греческихъ монастырей. Вотъ высоко въ лѣсахъ пестрый Ксиропотамъ. Симонопетръ, выросшій продолженіемъ скалы отвѣстной, весь уходящій высь, съ балконами надъ пропастью.

Мы зашли въ маленькій изумрудный заливчикъ Григоріата, гдѣ подводные камни слегка домались въ глазу подъ колеблющимся стекломъ — на полчаса навѣстили монастырь съ черно-курчавымъ привратникомъ у вѣковыхъ воротъ и приложились къ знаменитой иконѣ св. Николая Мирликійскаго. Древній храмъ, древнія ризы, глушь, тишина, отвѣсная скала, непроходимость, да лазурно-колеблемое стекло заливачка — вотъ что осталось отъ этого посѣщенія.

И уже вновь гребутъ отцы Эолий и Николай — плывемъ далѣе.

Когда въ ущельѣ показался Діонисіатъ, О. Пинуфрій протянулъ къ нему своей загорѣлый палецъ.

«Тутъ вотъ этотъ патриархъ жилъ, Нифонтъ по имени. У него въ Константинополѣ разная страданія вы-

шли, его стало быть понапрасну уволить, онъ сюда и перебрался».

«Налегай, налегай, О. Эолий!» сказалъ другой гребецъ, крѣпкій и заскорюзный, съ волосатыми руками, приземистымъ корявымъ носомъ — среднее между бурлакомъ и дальнимъ родственникомъ Тараса Бульбы: «а то батосъ подойдетъ, тогда намъ у карули не выгритъ».

«Не будетъ батоса,» — отдуваясь, отвѣтилъ О. Эолий.

«Какъ такъ не будетъ, всегда къ полудню батосъ, да и сейчасъ видно, вонъ ужъ онъ въ морѣ вихрится».

Батосомъ называется на Аѳонѣ юго-западный вѣтеръ съ моря, всегда разводящій волну. О. Николай былъ правъ: вдали по горизонту закурчалась полоска темной синьки, отъ нея къ намъ лежало море еще стеклянное.

Сзади шелъ разговоръ по-нѣмецки. Докторъ упрямо разспрашивалъ и разсуждалъ съ грубоватой настойчивостью. Юноша отвѣчалъ ровни и тихо, съ

Инокъ Іоаннъ Шаховской сразу послѣ пострига въ 1926 г.

неменьшим упорством и большой выдержкой. Левой рукой он придерживал руль, светлые глаза его смотрели несколько вбок. Вид у него был такой, что сколько бы его ни изводили, он не поддастся и не рассердится, до конца выдержит «послушание».

«Вот на мысок, на мысок держите.» — сказала О. Николай, «а коли что, так передайте ему руль» (он кивнул на иностранца), «пусть утшается».

Но доктор не «утшился». Он все выспрашивал, приблизительно так: почему нѣтъ на Аеоии хороших дорог. Почему нѣтъ врачей и т.п.

Батосъ застигъ насъ недалеко отъ мѣста высадки. Море сразу стало пѣнно-синимъ, мощнымъ, лодка затанцовала. Измѣнился и берегъ. Мы шли теперь рядомъ съ почти отвѣсными голыми скалами, совсемъ близко къ нимъ. Началась Каруля. Кое-гдѣ волны подлизали берегъ, такъ что онъ выступала. Если тузъ волна опрокинетъ лодку, то и умѣя плавать пропадешь, — некуда выплыть.

Мы едва двигались. Гребцы зались потомъ.

Надъ нами висѣли скалы, въ одномъ мѣстѣ колыхалась по волнамъ корзина на веревкѣ. Это отшельники спускаютъ, объяснили мнѣ, а рыбаки иной разъ что-нибудь кладутъ съдобное. Прежде подымали и людей въ корзинахъ съ берега на скалы, но сейчасъ этого нѣтъ.

Временами высоко наверху видишь домики, это «калива» пустыника, одиноко висящая надъ бездною. Головокружительная тропинка проложена по утесамъ. Отшельники не боятся ходить по нимъ въ темноту послѣ веношной (изъ близняго скита). Въ одномъ мѣстѣ я видѣлъ веревку, натянутую по краю пропасти — это верила скользящей тропки. Далѣе тропка уходитъ въ косую проточину въ скалѣ, подобную водопроводной трубѣ, по ней сползаютъ къ болѣе низкому мѣсту.

Аеоиѣ считается Земнымъ Удѣломъ Богоматери, но можно сказать, что онъ и страна Христа. Я очень ясно ощутилъ это въ тотъ день сіяющей, карабкаясь съ О. Пинуфриемъ по бѣлымъ камнямъ вверхъ къ каливѣ русскаго отшельника (О. Феодосія). Помните, мы встрѣтили одного, двухъ «сиромашъ» (бѣдняки, нѣредко странники). О. Пинуфрій говорилъ каждому — «Христосъ азѣсти».

Или, «Христосъ воскрес».

Ему отвѣчали:

«Воистину воскрес».

Вослѣдствіи такимъ привѣтствіемъ встрѣчали мы десятки людей, десятки тѣмъ же отвѣчали намъ. Вотъ полуостровъ. На немъ монастырь, скиты, небольшіе монастырьки въ пятнадцать, двадцать человѣкъ (т.н. «келіи»), есть, наконецъ, просто отдѣльные пустытники, живущіе въ каливахъ. Одни зажиточнѣе, другіе совсемъ нищие, одни все же начальство, другіе подчиненные, одни рѣшаютъ высія дѣла и служатъ въ церкви, другіе трудятся на «киперахъ» (огороды), но всѣ члны Христовой республики, для всѣхъ есть вотъ одно: «Христосъ воскрес».

Писатель Борисъ Запѣвъ.

«Воистину воскрес».

Это поражаетъ. Какъ поражаетъ то, что въ любой самой худой каливѣ — моленная съ образами, лампадками, а чуть побольше — «келія» — тамъ обязательно церковь, и на восходѣ солнца непременно служатъ литургію. Враи и преданность Христу здѣсь дѣло самоочевидное, къ этому такъ привыкли, что авонецъ съ трудомъ понимаетъ, какъ иначе можетъ быть.

Одинъ изъ встрѣчныхъ сиромашъ оказался ученикомъ отшельника. Онъ проводилъ насъ. Докторъ въ костюмѣ туриста тяжело шагала по камнямъ подкованными башмаками. Солнце некло. За нами синѣла туманная бездна моря, въ сіяющемъ дѣлу выступала таинственную тѣню островъ. Нѣсколько бѣлыхъ крылъ разбросаны по синевѣ.

«Вотъ, здѣсь полечетъ».

Мы съѣли на низкія сидѣнья. Тамъ сидѣнья землянымъ (если не ошибаюсь) поломъ было прохладно, но очень светло. Вошелъ отшельникъ — высокій человѣкъ съ очень добрыми небольшими глазами, довольно полными щеками, одѣтый небрежно — чуть не на босу ногу туфли — и видъ его менѣе напоминалъ монаха, чѣмъ все видѣнное мной доселѣ. Станнымъ образомъ и онъ, и другіе пустытники, кого я встрѣтилъ на Аеоиѣ, будучи глубоко монахами и церковниками, внешне болѣе вызывали образы «свѣтскихъ» мудрецовъ и учителей жизни. И тутъ на Карулѣ, какъ позже на Эивандѣ, тѣмъ оперколленгаго и «православленнаго Толстого» проходила предъ глазами. (Это и былъ О. Феодосій).

Отшельникъ — одно изъ извѣстѣйшихъ лицъ на Аеоиѣ, человѣкъ образованный, бывший инспекторъ Духовной Семинаріи, «смирившійся», какъ про него говорятъ аеоицы, и ушедшій въ однокое подвизничество по примѣру древнихъ. Очень многіе

поклонники желают его видѣть и послушать его мудраго слова. Посттители вродѣ насъ начинаютъ утомлять его. Докторы переписывался уже съ нимъ. По письмамъ пустынный заключилъ, что онъ не только хочетъ перейти въ православіе, но и принять монашество. Иностранецъ, действительно, нѣсколько дней прожилъ въ Пантелеимоновомъ монастырѣ, но не только не приблизилася къ монашеству, а скорѣе настроился критически, его удивляла «непрактичность» монаховъ, да и его собственныя иды были совсѣмъ иныя.

Отшельникъ встрѣтилъ его вначалѣ крайне привѣтливо, почти какъ своего — да и вообще отъ его быстроговоримыхъ, негромкихъ и застычивыхъ словъ шла удивительная горячая влага, меня этотъ человекъ сразу взволновалъ и растопилъ, я точно бы внутренне «потекъ». Онъ конфузливо сидѣлъ на табуреткѣ, не зная, куда дѣвать большія руки, какъ быть съ ногами, и виноватого, скороговоркой, подавалъ краткія реплики юношѣ нашему, переводчику. Юноша съ тою же невозмутимостью, какъ въ лодкѣ на морѣ, небыстро переводилъ.

Вотъ приблизительный отрывокъ разговора:

Докторы: «Мнѣ нравятся монастырскія службы. Но можно быть монахомъ и устроить себѣ удобную жизнь, улучшить хозяйство, завести прочную торговлю».

Отшельникъ: «Это насъ не интересуетъ».

Докторы: «Жизнь есть жизнь. Она имѣетъ свои законы. Я понимаю, что на этихъ основахъ скалахъ ничего не вырастишь... Но кто живетъ въ монастырѣ, имѣя лѣса, виноградники, оливки...»

Отшельникъ (съ улыбкой): «Въ міру помѣщики... мало ли какъ раздѣлываютъ... заводы ставятъ, фабрики, торгуютъ...»

Докторы: «Въ этой странѣ можно превосходно жить. Можно было бы пригласить инженеровъ, агрономовъ, проложить дороги».

Отшельникъ (грустно и быстро): «А намъ бы только отъ всего этого уйти».

Докторы: «Вы должны пропагандировать свои монастыри въ Америкѣ».

Отшельникъ: «Мы должны вѣчно стоять предъ Богомъ и въ смиреніи молиться».

Докторы: «У католиковъ существуетъ пропаганда. Я недавно видѣлъ фильмъ, гдѣ показана жизнь католическаго монастыря».

Отшельникъ, «А намъ нечего показывать. Мы считаемъ себя послѣдними изъ людей... что ужъ тамъ показывать. Нѣтъ, намъ показывать нечего... Молчимся, какъ бы душу спасти».

Докторы: «Если правильно поставитъ пропаганду въ Америкѣ, оттуда можно получить хорошія средства».

Отшельникъ (тихо и быстро): «Отъ чего и забави насъ, Господи».

О судьбѣ Россіи...»

Отшельникъ: «...потому и рухнула, что больно много грѣха накопила».

Докторы: «Западъ не менѣе грѣшенъ, но не рухнулъ и не потерялъ такого бѣдствія. Россія сама виновата, что не справилась».

Отшельникъ: «Значитъ, ей было такъ положено».

Докторы: «Какъ же положено, за что же Богъ, сильнѣе покаралъ еѣ, чѣмъ другія страны?»

Отшельникъ (мягко и взволнованно): «Потому, что возлюблю больше. И больше послалъ несчастій, чтобы дать намъ скорѣе опомниться. И покаяться. Кого возлюблю, съ того и взыщу, и тому особенный дамъ путь, ни на чей не похожий...»

Кажется, это была высшая точка разговора. Отшельникъ воодушевился, тихая горячность его стала какъ бы сверкающей, какъ бы электрическія искры сыпались изъ него. Онъ быстро, почти нервно сталъ говорить, что хотя Россія многое пережила, перестрадала, многое изъ земныхъ богатствъ разорено, но въ общемъ отъ всего этого она выигрываетъ.

Докторы: «Какъ выигрываетъ?»

Отшельникъ: «Другого богатства много за это время дано. А мученики, это не богатство, убиенные, истерзаные. Митрополита Веніамина знаете?»

И опять сталъ доказывать, что мученичество Россіи — знакъ большой къ ней милости, что раньше пастоящаго мученичества за вѣру у насъ не было, если не считать единичныхъ случаевъ, а теперь впервые данъ крестъ исповѣдничества.

Но на этой высотѣ бесѣда не удержалась. Молніи сдержаннаго раздраженія, разочарованія въ человекѣ, котораго по письмамъ онъ считалъ почти своимъ, выступали у отшельника всё яснѣе.

Докторы упрямо, грубовато продолжали свое. Отшельникъ видимо охлаждался и уходилъ. Когда докторъ дошелъ до того, что надо техническими и химическими средствами уничтожать большевиковъ, отшельникъ вовсе замолкъ.

Юноша увелъ доктора къ лодкѣ. Его убѣдили не идти съ нами далѣе, а вернуться въ монастырь. Мы съ О. Пинуріемъ поспѣшили отступитъ въ горы.

По какому-то ущелью, казавшемуся безконечнымъ, мы карабкались всё выше, задыхаясь, иногда — изнемогая. Тропинку намъ показывалъ сиромашъ-ученикъ отшельника. Онъ безшумно и неумолимо шагалъ впереди на своихъ кривыхъ ногахъ въ обуви вродѣ мокасиновъ. Вотъ одинокая калита. Здѣсь живетъ иконописецъ. Съ высоты егѣ балкона открывается синій дымъ моря, тѣни острововъ Архипелага, и всё свѣтъ, свѣтъ... (молчалъ)

«...Надъ нами зубцы Аюона. Къ нимъ мы не дойдемъ — лишь сквозь лѣса и заросли поднимемся на полуостровъ и започемъ въ келліи Св. Георгія».

Къ закату тѣни залиловѣли въ нашемъ ущельѣ. Стало холодиѣ и сырѣй. Розовымъ сияньемъ верхъ Аоона, сзади туманно свѣтилось ещѣ море, и вокругъ густѣль мракъ. Было радостно достигнуть перевала, сразу оказаться въ — растолстованномъ — высокоствольномъ лѣсу подъ дубами, увидѣть иной склонъ Аеонскаго полуострова, идти по ровному мѣсту къ живописнѣйшей келлиѣ св. Георгія.

Какъ всегда, ласково встрѣтили насъ въ наступающей ночи монахи — только что возвратившеся съ покоса. Пахло сномъ. Раздавались голоса коренной русской рѣчи, было похоже на большую крестьянскую семью трудовой и благоустроенной жизни. Звѣзды очень ярко горѣли. Ночь прозрачна, черна.

Париж, 1928

6. ПИСАТЕЛЬ МАЕВСКІЙ.

Я решилъ исполнить свой паломническій долгъ передъ Карулей во время одного изъ пребываній своихъ на пристани Дафини, откуда легче всего отправится туда вдоль морского берега. И съ особымъ удовольствіемъ вспоминаю теперь это плаваніе по волнующемуся морю, разнообразіе причудливыхъ очертаній дикихъ и скалистыхъ береговъ и туманныя морскія дали — съ противоположной стороны. Не забуду и чистаго, свѣтло-голубого неба, тогда вѣнчавшаго нашу небольшую группу во время пути, вмѣстѣ съ ярко горѣвшимъ надъ головою солнцемъ, палище лучи котораго умерялись морской влагою. Незабываемыя переживанія, неизгладимыя впечатленія... Высоко высоко на скалистомъ обрывѣ высится вдали неприступнымъ средне-вѣковымъ замкомъ живописный греческій монастырь Симонопетръ; затѣмъ наша лодка тихо прошла мимо монастыря Григоріана, съ изумительной живописностью точно повиснушаго въ маревѣ южнаго воздуха. А за этими двумя ординами гѣздами слѣдовали монастыри — Діонисіатъ, Святой Павелъ и ещѣ какіе-то приюты отшельниковъ, уцепившеся за выступы скаль.

«Странно смотреть», — услышала я замѣчаніе одного изъ спутниковъ. — «А вотъ живутъ тамъ наши братья; до скончанія своего вѣка живутъ и подвизаются во славу Божію... А поглядишь, воть-вотъ оборвется въ морѣ ихъ гнѣздышко...»

Я молчала, слушая эти простодушныя замѣчанія моего спутника и продолжая въ то же время, какъ зачарованный, смотреть на настояще чудо Карули, многочисленныя калитки которой, по мѣрѣ приближенія нашей лодки, вырисовывались все яснѣе на серомъ гранитѣ скаль.

«Вотъ такъ иноки поднимаются туда на веревкѣ», — продолжалъ монахъ, — «Вы видите веревку. Вотъ извольте примѣтить... она правѣе черныхъ камней тянется... По веревочкѣ же имъ и

пищу посылаютъ, отшельникамъ нашимъ. У веревки на концѣ корзиночка... ну, и кладутъ въ неѣ пропитывающіе... Иные калитвы изъ этихъ гнѣздышекъ лѣтъ по десятку не выходятъ: такъ тамъ и живутъ годами въ постѣ и молитвѣ».

Наша лодка остановилась у камня невдалекѣ отъ тропинки, ведущей къ одному изъ древнѣйшихъ скитовъ, Святой Анны, расположенному среди громадныхъ нависшихъ утесовъ. Мы вышли: я, мой провожатый и ещѣ одинъ монахъ, направившійся изъ Св. Пантелсимона тоже на Карулю. Знакомство съ послѣднимъ оказалось для меня особенно ценнымъ: этотъ схимонахъ, отецъ Никодимъ, былъ ученикомъ извѣстнаго вѣсму Аеоону карульскаго отшельника — Геросхимонаха Θεοδοσία, котораго я очень хотѣлъ повидѣть.

«Вотъ немного отдохнемъ на камешкахъ, а потомъ и двинемся съ Богомъ», — приветливо сказалъ О. Никодимъ. — «Понесу сухари своему старцу».

Только теперь я замѣтилъ, что съ О. Никодимомъ былъ некоторый дорожный грузъ въ видѣ мешка съ сухарями.

«Вы мнѣ и свой чемоданчикъ извольте», — любезно предложилъ онъ, забирая, послѣдній и къ нему присоединяя ещѣ и большой зонтикъ моего спутника, Геродиакона Аванасія. — «Мнѣ подниматься туда дѣло привычное, а вамъ впервые всё же будетъ трудно...» И О. Никодимъ легко пошелъ впередъ и вверхъ, переспрыгивая какъ коза съ камня на камень и, повидимому, не прилагая особенныхъ усилій для достиженія ещѣ далекой отъ всѣхъ насъ цѣли. А мы слѣдовали за нимъ; но, о Боже, сколь отличномъ являлось это наше движеніе.

Солнце палило нестерпимо. Но укрытися отъ лучей его не было возможности, всё было скалисто, раскалено. Останавливались мы съ Геродиаконемъ Аванасіемъ почти послѣ каждыхъ 10-15 шаговъ, иногда судорожно хватаясь за выступы скаль; тяжело дышали и не мало мешали отцу Никодиму, принуждая его немольно задерживать свой прыткій ходъ и докаяя ему явно разговорами и разспросами. Но особенно тяжело было подниматься вѣрхъ моему тучному спутнику, беспрепятно утиравшему огромнымъ платкомъ свое лицо. Онъ положительно задыхался отъ трудности восхожденія. Что же касается меня, то при каждой остановкѣ я находилъ прекрасное средство почти немедленно забывать эти трудности: стоило мнѣ обернуться — и тотчасъ же я делался созерцателемъ неисусемой красоты, всё время находившейся за моею спиною во время хода. Позади меня было море съ его зеркальною поверхностью водъ, дреманвшихъ въ волнѣбномъ полусѣи подъ золотыми лучами полдневнаго солнца. А надъ этимъ царствомъ красокъ и свѣта стояли громадныя изсиня-темныя прибрежныя скалы, у ногъ которыхъ играли и шескали прозрачныя волны.

Но плескались они тихо, как бы боясь нарушить царившую вокруг тишину этих удивительных мьсть.

А мы поднимались всё выше и выше, оставаясь в полномъ неведении о томъ, куда ведъ насъ неутомимый монахъ и гдѣ намъ удасть остановиться на болѣе продолжительное время. Но вотъ вдругъ раздался веселый и звонкій окрикъ нашего вожаго, показавшійся даже несколько страннымъ по своей простотѣ въ обстановкѣ всего окружающего насъ величя.

«Отчеъ Дороеей, а отчеъ Дороеей», — прозвучало впереди насъ. — «Веду къ вамъ дорогихъ гостей... землячковъ... выходите-е-е!»

Нашъ О. Никодимъ кричалъ куда-то влѣво, въ направлени къ почти отвесному склону горы, находившемуся отъ насъ уже совсемъ близко. Тропинка въ это время свернула влѣво, и энергичный О. Никодимъ въизпаго исчезъ за какими-то кустарниками, а черезъ минуту до насъ снова доносся его гольсь, вторично окликавшій отца Дороеей... Но послѣднго такъ и не отыскали: по уверению отца Никодима, онъ пошѣлъ за «дровишками».

Передохнувъ, мы двинулись дальше. Тропинка вьзбегала всё выше и круче, а повороты ея были всё чаще и неожиданнѣе... И вдругъ, передъ нами сразу открылась калитка, положительно какъ бы прилипшая къ основанио громадной каменной стѣны. Отецъ Никодимъ, по прежнему не обнаруживавшій признаковъ усталости отъ восхождения, радостно стоялъ теперь передъ наглухо закрытою дверцею калитки, наполовину скрытой подъ гирляндами какого-то вьющегося растеня. Онъ звалъ по уставному, но никто не откликнулся изнутри.

«Видать, молится старецъ», — пояснилъ онъ. — «Ну да ничего, отрость».

И онъ вновь постучалъ въ глухую дверцу, повторяя обычную молитву... За калиткой послышались старческие шаги, прогремѣлъ отодвигавшій засовъ — и вслѣдъ за тѣмъ, на фонѣ темнаго четырехугольника открывшейся дверцы появилось передъ нами прекрасное лицо старца-пустынника, одно изъ замѣчательнейшихъ человеческихъ лицъ, какіе мнѣ приходилось видеть въ жизни. Оно было чистымъ, открытымъ, обрамленнымъ бѣлыми, какъ лунъ, волосами головы, съ такою же бѣлою бородою, ниспадавшею на вѣтхую монашескую рясу. Но что было самымъ замѣчательнымъ, самымъ чарующимъ на этомъ свѣтломъ старческомъ лицѣ — это лучистые и ясные глаза, которыми онъ какъ бы обнималъ и привлекалъ къ себѣ всякого приближавшегося. Привлекательна была и его добрая, детская ласковая улыбка, какъ бы озарявшая всё вокругъ какимъ-то нездешнимъ тихимъ свѣтломъ.

«Милости просимъ, дорогие гости», — прозвучалъ тихій, привѣтливый гольсь. — «Прошу васъ... входите съ Богомъ».

Это былъ прославленный афонскій старецъ-отшельникъ Иеросхимонахъ отецъ Θεодосій, въ далекомъ прошломъ воспитанникъ Казанской Духовной академіи и ея профессоръ. Вслѣдствіи, по глубокому духовному устремленію, онъ удалился на Аоонъ, а затемъ ушѣлъ въ отшельничество на Каруло. Здѣсь, проводя время въ постъ и уединенной молитвѣ, онъ не чуждался и богословскихъ вопросовъ, углубляясь въ нихъ и ведя очень интересную полемическую переписку съ выдающимися учеными богословами: митрополитомъ Антоніемъ (Храповицкимъ), проф. Н.Н. Глубоковскимъ, Добролюбовскимъ, Титовымъ и др.

Я спустился въ его крошечную, но чистенькую келлею и вслѣдъ погрузился въ созерцаніе этого замѣчательнаго человѣка. Я старался понять отца Θεодосія; присматривался внимательно и серьезно, боясь пропустить какое-либо его слово, какой-либо случайный отвѣтъ. И въ то же время съ истиннымъ восхищеніемъ слѣдилъ за его спокойными движеніями и тихимъ свѣтломъ его взгляда. И, дѣлая всё эти наблюдения, я вскорѣ убѣдился въ одной непреложной истинѣ: тихій и привѣтливый старецъ отецъ Θεодосій былъ человѣкомъ исключительнымъ, необыкновеннымъ, выходящимъ изъ ряда другихъ людей по сочетанію тѣхъ добродѣтелей, какіе такъ и излучало отъ себя все его существо, казавшійся такимъ простымъ, и несложнымъ. Чистота душевная и телесная, цѣломудренное сердце, непоколебимая и горячая вѣра во все то, во что долженъ вѣрить истинный подвижникъ; детская простота и полное довѣріе къ людямъ — всё это выявлялось изъ словъ и жестовъ старца. И не было никакого сомнѣнія, что всѣ добродѣтели О. Θεодосія были прочно спаяны въ одно прекрасное цѣлое однимъ живительнымъ цементомъ, а именно: любовью о Христѣ, соединенной съ неизблемой вѣрностью Православию.

Но старецъ пріобрѣталъ свои духовныя богатства цѣною нелегкаго. О его неуныномъ трудолюбіи, непрерывной молитвѣ, полной нестяжательности, высокой степени воздержанія въ пищѣ и совершенномъ отсутствіи чѣстолобія, — много рассказывали въ разныхъ обителяхъ Аоона.

«Батюшка Θεодосій Карульскій... это вода въ чистомъ озерѣ», — сказалъ мнѣ одинъ изъ святогорцевъ. — «Чистая вода съ зеркальною гладью... Вотъ это и есть отецъ Θεодосій... А небеса-то Божьи въ этомъ зеркалѣ и отражаются... вотъ и всё».

Удивительно мудрая сравненія можно услышать изъ простодушныхъ монашескихъ устъ.

Въ то время, когда я былъ увлеченъ первою бесѣдою съ О. Θεодосіемъ, монахи заботливо хозяйничали на крошечной площадкѣ, гдѣ подъ

виноградным навесомъ вкопанъ былъ старенькій столикъ. А вскорѣ, узнавъ о нашемъ прибытіи, къ пустынному пріюту старца подошли его сосѣди: О.О. Досіеѣ и Иовиль... Добросердечный и гостеприимный О. Никодимъ, ученикъ старца, дѣловито суетился подѣ нависшей скалою надъ закоптелымъ и помятымъ самоваромъ, который вскорѣ и закипелъ, къ удовольствію присутствующихъ. И мы стали пить чай подѣ грозно нависшею скалою на крошечной площадкѣ, гдѣ былъ сооруженъ виноградный навѣсъ надъ покосившимся столикомъ. Закусывали сухарями — обычной пищею мѣстныхъ подвижниковъ. Было больше, чѣмъ скудно, но въ памяти сохранилась приятная беседа, какую мы вѣли сообща въ тѣ часы... Время летело незамѣтно. И, улучивъ минуту, я удалился съ О. Феодосіемъ, посвятившимъ мнѣ два часа личного собесѣдованія.

Не забуду я этого разговора, оставившего неизгладимый слѣдъ въ моей душѣ. Онъ касался исключительно вопросовъ моей личной жизни, но какъ хорошо понималъ старецъ эту мою жизнь, протекавшую отъ него такъ далеко среди мірской суеты. Какіе простые и въ тоже время мудрые совѣты преподавалъ онъ мнѣ из глубины своего авонскаго уединенія. И тогда понялъ я, какое великое благо представляетъ собою для христіанскаго міра подлинное отшельничество и старчество во Христв; какихъ духовныхъ высотъ могутъ достигнуть его истинные и достойные служители.

Затѣмъ отецъ Феодосій повелъ меня въ свой крошечный «храмъ»-пенсерку, и я простоялъ къ немъ вечерню. Церковка, прилепавшая къ скалѣ, не превышала несколькихъ шаговъ въ длину и ширину, гнездившаяся высоко надъ крутымя скатомъ. Но чувства благоговѣнія и высокаго настроенія владели сердцемъ во время молитвы въ этомъ храмѣ. Тихо мерцали восковые огарочки передъ ликомъ закоптелыхъ иконъ, проникновенно звучали слова молитвъ. А за спиною, за выходомъ изъ этого скромнаго дома молитвы, простиралось безкрайное море и синели суровые горные склоны, такіе далекіе и чуждые всему суетному міру. И выстаивая богослуженіе въ церковкѣ О. Феодосія, я совсѣмъ позабывалъ о своей усталости отъ тяжелаго подъема на карульскія высоты, почти валившей меня съ ногъ еще такъ недавно.

Когда вечерня окончилась, я не могъ удержаться, чтобы не побеспокоить старца новымъ просьбой еще побесѣдовать, что онъ исполнилъ съ

Карульскіе пустынники Дороеѣй и Никодимъ ведутъ паломника Маевского.

прежнею охотою и любовью. Мы уселись у входа въ келіи старца и, глядя на море и прильнувшія къ скаламъ калитки, стали бесѣдовать, какъ очень давніе знакомые и друзья. Я обратился съ вопросомъ: возможно ли спастись, живя въ міру... Выслушавъ мой вопросъ, старецъ немного задумался, а затемъ ласково сказалъ:

«Въ этомъ случаѣ повторю лишь слова моего учителя, оптинскаго старца, который на подобный вопросъ мудро отвѣтилъ, что въ своихъ ршеніяхъ нужно руководствоваться здравымъ разсужденіемъ, основывающимся на заповѣдяхъ Господнихъ... Но при этомъ нужно помнить, конечно, что и все добродетели крайне пужны тѣмъ, кои ищутъ Бога. Но мы знаемъ и то, что многіе измождали свои тѣла, удалялись въ пустыню, усѣрдно ревновали въ трудахъ, любили нищету и, несмотря на всё это, падали, склонившись на зло, и дѣлались достойными осужденія. Причина тому, что они не обладали

Один из последних фотоснимков О. Никодима на Троицу у себя.

добродѣтельно разсужденія и благоразумія, ибо эта добродѣтель направляетъ челоѵка по прямому пути и удерживаетъ его отъ уклоненія. Разсужденіе есть око души и ея свѣтильникъ... Разсужденіе есть главная добродѣтель, по определению Св. Антонія Великаго, а потому нужно руководствоваться здравымъ разсужденіемъ, основывающимся на заповѣдяхъ Господнихъ и на любви къ ближнимъ... Удалившись отъ міра и покинувъ семью, челоѵкъ далеко не всегда находитъ покой душѣ своей. Подвиги нищеты и самоотверженія могутъ только отдалить отъ Бога... Помогайте по усердію беднымъ, соблюдайте уставы Св. Церкви и получите желанный миръ душѣ, и будете жить во славу Божію».

Таковъ совѣтъ высокой и практической мудрости, преподанный святогорскому паломнику.

Время летело, а я готовъ былъ слушать О. Феодосія еще и еще. Но вотъ онъ поднялся и съ ласковой улыбкой сказалъ: «Теперь простите, простите меня грѣшнаго... Вотъ и солнышко уже заходить...»

Огненный его шаръ, действительно, уже скрылся за горами и краски приближающейся ночи быстро покрывали морскую даль. Отецъ Феодосій удалился въ свою келлію и, какъ я узналъ отъ О. Никодима, далеко не для отдыха и сна!

«Онъ еще молиться будетъ часа два, батюшка-то нашъ», — съ любовью сказалъ его преданный ученикъ. — «Редкій подвижникъ... Отъ него только и учиться намъ, грѣшнымъ монахамъ».

Сталь накрапывать дождикъ, и я рѣшился дожидаться утра при келліи добрейшаго Отца Феодосія, выбравъ себѣ для ложа доски около отвѣса скалы подъ церковкой старца. Дверь осталась открытой. Ночь была теплой и тихой, съ темнымъ небомъ, усыяннымъ мириадами звездъ. Я улелся, но сонъ долго не приходилъ ко мнѣ: слишкомъ необычны были впечатлѣнія минувшаго дня, изъ коихъ самыми сильными были бесѣды съ благостнымъ старцемъ. Ихъ приходилось не только помнить, но и подлинно переживать въослѣдствіи.

Подъ конецъ я все же заснулъ, убаюканный чуть слышимымъ шумомъ моря и ласковымъ ветерка, дувшаго со стороны аонскихъ скалъ. А на разсвѣтъ мы уже двинулись дальше, направляясь въ Кираши.

О. Никодимъ принимаетъ паломника-иѵнца съ угощеніемъ.

АФОНСКИЙ ПАТЕРИКЪ

ДУХОВНЫЙ ДНЕВНИКЪ ИЕРОСХИМОНАХА ТЕОДОСИЯ КАРУЛЬСКАГО

Окончание (см. «Русский Паломникъ» № 24)

6-го Сентября

И на утро впечатлѣннѣе вчерашняго дня отвлекли часть къ себѣ вниманія ума, несмотря на напряженіе его усиліемъ воли, сокрушеннаго же чувства, какъ прежде, которое бы могло привлечь къ сердцу и держать въ немъ вниманіе ума, не было по развлеченію ума, ибо они одно другое поддерживаютъ. Впрочемъ, милостію Царицы Небесной, на «Честивѣйшую» сердце умилилось чувствомъ Матерня Ея милосердія къ намъ грѣшнымъ и немощнымъ. Литургія, слава Богу, прошла благополучно. После обѣда читали много выписокъ изъ писемъ Еп. Теофана о теплотѣ при «умной» молитвѣ, сдѣланныхъ прежде. Главнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: 1) «Когда вниманіе сойдетъ въ сердце, то привлекаетъ туда въ одну точку всѣ силы души и тѣла. Это средоточіе всей человѣческой жизни въ одно мѣсто тотчасъ отзывается особымъ ощущеніемъ, сіе ощущеніе и есть начало будущей теплоты...» 2) «Они, вниманіе и теплота, другъ друга поддерживаютъ и должны пребывать неразлучно...» 3) «Эта теплота не духовная, а обыкновенная кровяная, но какъ способствующая вниманію и развитію духовныхъ движеній, она называется духовною, въ томъ, однако, случаѣ, если не сопровождается сластію похотною, хотя легкою, но держать и душу и тѣло въ трезвенномъ настроеніи...» 4) Духовную эту теплоту можно познавать тогда, когда она сопровождается духовными молитвенными движеніями страха Божія, сокрушенія, благодаренія и пр. Держи свою натуральную теплоту, ни во что ея не вбрасывай, а только приготовленіемъ ѣвкимъ къ Божіей теплотѣ почитать бываетъ и естественная теплота и умиленіе. 5) Благодатная теплота особая и она собственно есть духовная и свидѣтельствуется тонкимъ сладкимъ чувствомъ... 6) «Первый плодъ

Старецъ Теодосій Карульскій.

Божіей теплоты есть собраніе мыслей во едино и устремленіе ихъ къ Богу неотходное... (Собраніе писемъ. Т. 2, Письма 244, 318, 322). Изъ этихъ выписокъ я обратилъ вниманіе на ту мысль, что не всякая первоначальная теплота зазорна, какъ мнѣшающая правильному художественному творенію Исусовой молитвы и должна быть отрываемая, или по крайней мѣрѣ не должна обращать на себя вниманіе, а только сопровождающіеся похотною сластію, хотя бы и въ малой мѣрѣ. А бываетъ и другая такая же обыкновенная, естественная кровяная теплота, не только не мнѣшающая правильному творенію Исусовой молитвы, но и способствующая къ сему, какъ привлекающая къ себѣ и поддерживающая взаимно вниманіе, какъ и сама происходящая отъ него, сопровождающаяся духовными молитвенными движеніями и приготавливающая къ Божіей благодатной теплотѣ. На это сужденіе Еп. Теофана объ естественной теплотѣ я обратилъ свое вниманіе потому, что прежде всякую естественную теплоту, безъ различія ея свойствъ и дѣйствій считалъ мнѣшающей молитвѣ, а потому иногда и, когда она начиналась безъ причины, смущался и опасался ее, тогда какъ не соединяя

съ похотною сластою и не почитаемая за что-либо особое, а естественное, она способствует вниманію и вообще молитвѣ и не должна быть отрываема. Ибо только не на мѣстѣ держанія вниманія, да еще съ самоиѣніемъ — причина сущающаго теплоты. (Въ житіи Старца Паисія Величковскаго, въ предисловіи Старца Василія на писанія Преп. Исихія, с. 114). Въ этомъ убѣжденіи спокойно творилъ вечеромъ свою «умную» молитву съ умиленіемъ и теплою сердечною. Когда за ужиномъ я передалъ свое состояніе молитвенное своему ученику, онъ на это сказалъ, что «бываетъ естественная теплота и умиленіе», какъ объ этомъ замѣчаетъ выше и Еп. Ѳеофанъ (Письмо 322). Этотъ отвѣтъ ученика я принялъ какъ отъ Бога посланное замѣчаніе къ смиренію моему, что согласно съ нашей художественной молитвой. И Еп. Ѳеофанъ пишетъ въ другомъ мѣстѣ: «Художественное дѣланіе молитвы Иисусовой, твореніе ея простое со вниманіемъ въ сердцѣ, или хожденіе въ памяти Божіей, суть нашъ трудъ и сами по себѣ имѣютъ естественный неблагодатный плодъ. Плодъ сей — собраніе мыслей, благоговеніе и страхъ Божій, память смертная, умирненіе помисловъ и нѣкоторая теплота сердечная. Все сіе суть естественный плодъ внутренней молитвы. Надо это хорошо затвердить, чтобы предъ собою не трубить и предъ другими не выдвигать. Пока въ насъ только естественные плоды, до тѣхъ поръ мы гроша не стоимъ и по существу дѣла и по суду Божію. Цѣна намъ, когда благодать придетъ. Ибо когда она придетъ, это и будетъ значить, что Богъ воззрѣлъ на насъ милостивымъ Своимъ окомъ. А пока не придетъ, то что бы мы ни дѣлали, каковы бы подвиги ни несли, значить, что мы шлевая личность, на которыхъ Богъ и взглянуть не хочетъ». (Собраніе писемъ. М. 1898. Вып. 1, Письмо 12, с. 8).

7-го Сентября

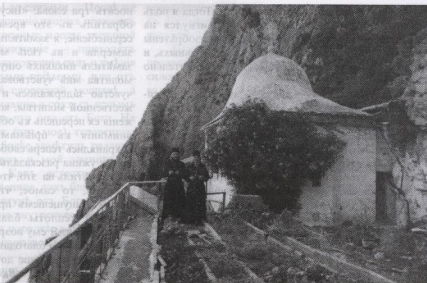
Въ ночь испытывалъ небольшой жаръ въ головѣ и въ всемъ тѣлѣ, впрочемъ правило утреннее, хотя и съ разбѣяніемъ, но кончилъ, на «Честнѣйшую», по милости Божіей Матери, и теплоту сердечную съ умиленіемъ почувствовать. Послѣ утрени на отдыхѣ отъ жара не могъ заснуть, не могъ творить и молитвы Иисусовой хоть лежа. Сердце было какъ изломано и всякое напряженіе на полную и половинную молитву усиливало боль его. Но потомъ въ сердцѣ само собою вырвалось съ умиленіемъ и слезами начальное слово молитвы: «Иисусе». И вниманіе ума само собою припѣвалось къ Нему и я нѣсколько времени поддерживалъ свое полученное молитвенное настроеніе сладостнымъ повтореніемъ одного Сладчайшаго имени Иисуса, съ умносердечнымъ припаданіемъ къ Господу Спасителю о

помилваніи и такъ незамѣтно заснулъ. Часы сначала провели въ молитвѣ, хотя съ принужденіемъ, а потомъ сидя болѣе свободно и сосредоточено. Послѣ чая опять часъ помолчился и жаръ въ тѣлѣ какъ будто успокоился и я кончилъ молитву, продолживъ свой дневникъ, начиная съ 6-го числа, и принималъ на исповѣдь. Днемъ не отдохнулъ, заснулъ предъ бѣдніемъ, ибо жаръ въ тѣлѣ совсѣмъ не проходилъ. Вечеромъ въ 10 часовъ (4 часа пополудни) съ трудомъ ходилъ и оботоровалъ болящаго брата. Изнемогли съ вечера, не могъ уже молиться внимательно, и всю ночь продолжалась перемежающаяся лихорадка — то жаръ, то холодъ. Съ 2-хъ до 8-ми часовъ я не вставалъ съ постели, молитва творилась въ полусознаніи сонномъ. Немного походивъ и посидѣвъ, въ 9-мъ часу опять легъ, чтобы отдохнуть передъ Литургіей.

8-го Сентября

Къ утру (11-мъ часомъ) жаръ успокоился немного, такъ что я благополучно отелужилъ Литургію и братію причастилъ. А послѣ Литургіи, хотя въ большомъ изнеможеніи, сходилъ причащать больного Св. Ташъ. Послѣ чая вмѣсто обѣда легъ отдохнуть, но мало спалъ, ибо жаръ въ тѣлѣ не прошелъ совершенно и къ молитвѣ усердіе и способность ослабѣла, а тутъ нѣкоторое время противъ воли занялъ поспѣтитель Хартафилакъ, писмоводитель изъ Лавры, и ученый разговоръ съ нимъ добавилъ разбѣянія ума. Прилежъ послѣ него еще отдохнуть, но сонъ не приходилъ и молитва ослабла и я пошелъ продолжать записывать свой дневникъ. Вотъ какая моя слабость въ молитвенномъ подвигѣ, малая болѣзнь тѣлесная, малое стеченіе дѣлъ и обстоятельство — и ослабла не только прежняя ревность къ молитвѣ, но и обычное продолженіе сего подвига съ однимъ «вышнимъ дѣланіемъ». Нужна постоянная ревность къ молитвѣ, съ понужденіемъ себя и Божія помощи. — *«Яко безъ Мене не можете творити ничесоже»*. Воздвигни, Господи, силу Твою и приди во еже спасти насъ. За часемъ послѣ обѣда мой сотрудникъ замѣтилъ, что навыкъ къ всегдашней непрестанной молитвѣ — основаніе умо-сердечной «художественной» молитвы. Такъ какъ мы всегда не можемъ еще по немощи нашей творить молитву «художественными» приемами, что требуютъ вначалѣ напряженія душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, то намъ для постоянства непрерывности молитвы нуженъ напередъ навыкъ къ простой словесной молитвѣ безъ художественныхъ приемовъ. Эту свою мысль онъ послѣ подтвердилъ мѣстами изъ второго тома «Странника» (с. 67-68). Собразивъ сии опытные наставленія святыхъ Отцевъ, приходилъ къ тому истинному заключенію, что главный, единственный и удобнѣйшій способъ къ приобрѣтенію дѣлъ спасенія и духовнаго совершенства есть частость, безпрерывность молитвы, какъ бы она

ни была немощна... Частость молитвы непременно произведет навывковение и обратится в натуру, привлечь по времени умъ и сердце въ достодолжное настроеніе. Частость въ молитвѣ есть единственный способъ къ пріобрѣтенію чистой и истинной молитвы, есть самое лучшее и самое действительнѣйшее пріуготовленіе къ молитвѣ и вѣрнѣйшій путь къ достиженію молитвенной цѣли и спасенія». (Изъ разсказовъ странника о благолатномъ дѣйствіи молитвы Иисусовой, подъ ред. Игум. Серафима. 1933. Перепечатано съ 1-го Изд. Троице-Сергіевой Лавры. Сергіевъ Посадъ. 1911).

Общій взглядъ на Троицкую келью О. Феодосія. О. Никодимъ съ паломникомъ передъ огородомъ, землю котораго нужно нанести на каменистый обрывъ и удобрить, чтобы пріосилъ плоды.

ИЗЪ АВВЫ ВАРСОНУФІЯ:

«Вопросъ 428-й: Хорошо ли всегда помышлять о Богѣ въ сердцѣ своемъ или сердчно молиться Ему безъ содѣйствія языка? Когда случается, что я упражняюсь въ семь, мысль моя погружается въ разсыянность, я ощущаю тяжесть и мнѣ видятся какъ бы какіе предметы и призраки и пребываю какъ бы въ сонныхъ мечтаніяхъ. Отвѣтъ: Не уклоняться умомъ и не погружаться сильно въ разсыянность или мечтаніе есть дѣло совершенныхъ, могущихъ управлять умомъ своимъ и содержать его всегда въ страхѣ Божіемъ. А тотъ, кто не имѣетъ постояннаго трезвенія къ Богу, увлекается, передавая размышленія свои языку. Подобно сему видимъ и на плавающихъ въ морѣ: тѣ изъ нихъ, которые искусны, смѣло ввергаютъ себя въ морь, зная, что оно не можетъ потопить хорошо обучившагося искусству плаванія. Начинаяшій же обучается сему искусству, почувствовавъ, что онъ находится въ глубокомъ мѣстѣ, изъ опасенія утонуть, спѣшитъ выбраться изъ глубины на берегъ и отдохнуть немного, снова бросается во глубину и упражняется такимъ образомъ, чтобы совершенно узнать это искусство, пока достигнетъ стени изучившихъ оное прежде него». Вышеприведенныя слова вопроса и отвѣта мой собесѣдникъ относитъ къ художественной и простой словесной молитвѣ въ томъ смыслѣ, что немощные не всегда должны упражняться въ первой, только по временамъ — 1-ый часъ, 2-й и т. д. Когда же утрудится въ ней по своей немощи, то долженъ возвращаться ко второй, совершаемой «при

содѣйствіи языка». (Вопросъ.) Въ томъ смыслѣ онъ понимаетъ и слова отвѣта «увлекается, передавая размышленіе свое языку». Последнія слова мнѣ какъ-то непонятны, какъ онъ доказываетъ его мысль: чтобы избавиться отъ мечтанія, бывшихъ въ умно-сердечной безъ словъ молитвѣ, нужно переходить на прежнюю словесную (безъ особаго вниманія), свойственную новоначальнымъ только, какъ въ «Странникѣ» пишется. Мнѣ же кажется, тогда только простая словесная молитва избавитъ отъ влеченій и мечтаній, бываемыхъ у немощныхъ умно-сердечныхъ молитвенниковъ, когда они вниманіе ума будутъ влагать усиліемъ въ каждое слово молитвы, что имъ возможно, какъ упражняющимся уже въ умно-сердечной молитвѣ, что есть одинъ изъ прѣемовъ художественной молитвы. Въ этомъ смыслѣ и нужно понимать слова отвѣта: «передавая размышленіе свое языку», т. е. свои прежнія умно-сердечныя помышленія (о Богѣ) и сердечную молитву содѣйствіемъ и управленію словесной, не простой только, но и внимательной къ словамъ молитвы, держать въ ней свой умъ на якорѣ отъ увлеченія и мечтанія его. Какъ и священно-инокъ Доровой пишетъ: «Егда что дѣлаешь прилежно нужнѣйшая или помысли насилуютъ зелью умъ, или дреманіе и сонъ одолювають, тогда подобаетъ устами и языкомъ молиться прилежно, дабы внимати умъ гласу» (Глава 32).

Послѣ бесѣды въ семь онъ пошелъ совершать вечерню, а я остался по болѣзни на койкѣ, промолвилъ нѣсколько времени просто словесно, якобы мнѣ теперь въ болѣзни неподильна художественная,

но время все прошло въ разсѣянности. Тогда я под конец собралъ всѣ свои силы, подвинулся на художественную, думая, что прѣйма ея и изобрѣтены Отцами для насъ разслабленныхъ и разсѣянныхъ, и скоро установилась, такимъ образомъ, сравнительно внимательная молитва.

(Примѣчаніе собесѣдника: Усиленное удерживаніе вниманія на словахъ молитвы не доказывается, передышка отъ умно-сердечной молитвы, какъ по смыслу (отвѣта) Аввы Варсонофія: ради немощи по временамъ «передавая размышленіе языку», какъ бы «спѣша изъ глубины вырваться на берегъ отдохнуть немного», чтобы потомъ снова въ крѣпости опять погрузиться «во глубину» умно-сердечной молитвы, заключеніе ума въ слова молитвы тоже есть притрудное художество, новонаначальному и отъ него требуется повременная передышка.

Схим. Никодимъ)

9-го Сентября

На утрени ощущался жаръ въ тѣлѣ, посему я началъ молиться сразу сидя умною молитвою, но слабо, на «Честѣйшую» опять умирался, какъ бы соскучившись, что долго не обращался съ молитвою къ Пресвятой Богородицѣ, будучи занятъ одною умною молитвою ко Господу Иисусу Христу. На это замѣтилъ ученикъ послѣ, что послѣ обѣда надо творить молитву Иисусову съ прибавленіемъ: «Богородицею» (помилуй мя), по примѣру Преп. Серафима Саровскаго. Въ простой молитвѣ это удобно, но при навыкновении художественной молитвѣ и одно слово прибавленное затрудняетъ ее, ибо тогда всѣ слова молитвы полной, съ прибавкой, не выйдутъ у меня въ одинъ прѣймъ дыхания моего слабого. Часы и послѣ часовъ и утреняго чая молился обычно. На вечерѣ молился художественною молитвою съ постепеннымъ, а не вразъ примѣненіемъ всѣхъ художественныхъ прѣймовъ: 1. Стояніе умомъ въ сердцѣ, 2. Вниманіе къ словамъ молитвы, 3. Соединеніе молитвы съ дыханіемъ, 4. Съ сердцебіеніемъ, а также съ подобающимъ внутреннимъ духовнымъ настроеніемъ, благоговѣніемъ, смиреніемъ и сокрушеніемъ. И молитва черезъ полчаса возстановилась свободная и самодвижная, требовалось только поддерживать со вниманіемъ. Когда же я особенное вниманіе остановилъ на чувствѣ молитвеннаго благоговѣнія и старался какъ бы ощутить присутствіе Божіе, то вниманіе къ словамъ молитвы остановилось. Тогда взялся опять только за внимательное твореніе молитвы, то опять пошла молитва самодвижная и черезъ нѣсколько времени вниманіе углубилось. Я ощущалъ въ сердцѣ только присутствіе Божіе въ Его святомъ Имени и себя самого. Полная молитва, т. е. произношеніе умно-сердечно пяти словъ: Г. І. Х. п. м. мнѣ стало затруднительно. Тогда я сталъ умно-сердечно произ-

носить три слова: «Иисусе, помилуй мя». Случайно обратилъ въ это время вниманіе на дыханіе и сердцебіеніе, я замѣтилъ, что они стихли и какъ бы замерли и въ тѣлѣ моемъ неподвижномъ я не замѣтилъ никакихъ ощущеній. Внимательная такая молитва мнѣ чувствовалась пріятною. Вниманіе и чувство задержалось и по окончаніи умной художественной молитвы, когда послѣ часового продолженія я перешелъ къ обычной простой безъ особаго вниманія къ прѣймамъ художественнымъ. Они сохранялись теперь свободно сами собою. Когда я во время ужина рассказалъ ученику свое состояніе, онъ мнѣ замѣтилъ на это, что это не отъ благодати, а отъ естества, то самое, что Еп. Феофанъ называетъ нѣкимъ ощущеніемъ предшествующимъ, началомъ будущей теплоты благодатной, но это еще не благодатная. Я ему возразилъ: Какъ неблагодатная? Я и это считаю благодатью отъ Бога, безъ Котораго и естественное наше добро не совершается однимъ нашими силами: «Яко безъ Мене не можете творить ничесоже», потому что въ другое время и при всемъ напряженіи своихъ силъ не достигнешь этого. За особенную же молитвенную благодать я это не считаю, какъ и самъ замѣчаетъ Еп. Феофанъ. Онъ согласился съ тѣмъ, что все естественное совершается по благодати, но испытанное мною въ концѣ молитвы тонкое вниманіе съ ощущеніемъ присутствія Божія и послѣ хранившагося онъ продолжалъ настойчиво считать то не благодатнымъ дѣйствіемъ, а естественнымъ. Ради монашескаго послушанія и смиренія и ввиду настоячиваго различія теплоты естественной и духовной, я согласился держаться его мнѣнія о перешитомъ мною въ молитвенномъ состояніи какъ безопаснаго, но и вынужденъ былъ замѣтить своему ученику для смиренія его, что онъ по тщеславію и гордости своей изъ чина соудника собесѣдника переходитъ самонадѣянно въ чинъ учителя и руководителя моего — руководителя своего Старца. Когда нѣсколько дней тому назадъ онъ своею неопытною отказывался отъ того. Хотя мы простились и помирились, но нѣкоторое непріятное чувство взаимной неудовлетворенности осталось у обоихъ насъ. Черезъ нѣсколько минутъ на повечеріи мой собесѣдникъ приходитъ съ покаяніемъ, что совѣсть его заираетъ за то, что осуждалъ меня за мое невниманіе къ святоотеческой письменности и малоначитанности въ ней.

10-го Сентября. На утрени.

Такъ какъ послѣ ужина я ощутилъ жаръ въ тѣлѣ, то началъ молиться съ вечера, чтобы время не прошло напрасно — ни въ отдыхѣ, ни въ молитвѣ. Сѣдши на стулѣ, все время принуждалъ себя къ простой молитвѣ. Въ концѣ же — углубившись вниманіемъ въ присутствіе Божіе, я внутренно отъ души воззвалъ: Господи, пожалей меня, помоги мнѣ,

и тотчас опутить умиление со слезами. . . После же у меня явилась мысль въ поясненіе нашихъ прежнихъ суждений, что наши естественные плоды усердной молитвы — теплота и вниманіе — приходятъ постепенно по мѣрѣ нашего напряженія силъ и умѣнія пользоваться художественными приѣмами, или отъ одного усердія въ простой словесной молитвѣ, а благодатныя дѣйствія неожиданно и сразу съ яснѣмъ ощущеніемъ и извѣщаемъ, что оно отъ Бога. На этомъ основаніи сравнивая (это мое) теперешнее дѣйствіе со вчерашнимъ, я болѣе замѣтилъ различіе между ними, какъ говорилъ и мой ученикъ на основаніи Еп. Оеофана. Какъ естественное я принимаю, какъ свое собственное, такъ благодатное не за свое, а данное мнѣ вступитъ отъ Бога. Естественное только держитъ наше внутреннее и внѣшнее въ должномъ чинѣ страхъ и порядкъ, а благодатное оживляетъ душу и тѣло и сопровождается какимъ-либо просвѣщеніемъ ума — новымъ благодатнымъ мыслію. Сладость же теплоты благодатной и естественной могутъ различать только долгимъ опытомъ искусившіеся въ познаніи добра и зла. Духовное, конечно, болѣе тонкое, чѣмъ естественное плотское, кровавное. Передать во время утренняго чая пережитое состояніе умиленія своему собесѣднику. Онъ призналъ его за благодатное посѣщеніе. Потомъ сталъ рассказывать о своемъ молитвенномъ состояніи вчера вечеромъ и сегодня утромъ, что уследила чтеніемъ псалмовъ и днѣмъ, а потомъ перешель отъ сего въ помысль тщеславія, и на основаніи этого свое услажденіе считалъ какъ простое естественное. Потомъ, не безъ дѣйствія врага, разговоръ перешель на вчерашнюю тему о естественныхъ и благодатныхъ дѣйствіяхъ молитвы. Опять нѣкоторое препирательство со взаимнымъ укореніемъ другъ друга въ гордости, а меня и въ легкомысленной горячности, съ какою я беру за молитву, а потомъ при первомъ искушеніи малодушествію, разстраиваюсь и бросаю. Все это я не отрицаю въ себѣ, но и ученикъ мой, думаю, нуждается въ леченіи. И снова прошеніе другъ друга, прошеніе хотя и не отъ всего сердца, пока время и вниманіе не очистятъ его совершенно отъ всякаго остатка неспрѣятности. Такъ немощь наша и врагъ мѣшаютъ преуспѣянію нашему въ молитвенномъ подвигѣ. Потребно

О. Никодимъ возлѣ Св. Троицкой церкви въ дворикѣ пустыньки.

всегдашнее глубокое смиреніе и усердная молитва къ Господу о помощи. Помози намъ, Боже, спаси насъ имени ради святаго Твоего.

Послѣ обѣда за чаемъ, пересмотрѣвъ свою прежнюю бесѣду, совершенно примирился и согласился. Однако я пожалѣлъ потомъ и немного поунывалъ, что время у насъ проходитъ часто въ спорахъ, а молитва наша не движется. Когда ученикъ вышелъ отъ меня, меня сразу повлекло желаніе на молитву, которая сама изрѣкалась въ сердцѣ моемъ съ умиленіемъ и слезами: «Иисусе, Сыне Божій, помилуй мя». Въ это время я лежалъ отъ немощи и молился простою молитвою около получаса съ умиленіемъ и слезами, потомъ сталъ иногда увлекаться въ простыя краткія помыслы, а поему всталъ для большаго сосредоточеннаго вниманія и продолжалъ творить простую молитву сидя. Но разсыянность по временамъ не проходила. Когда же изнемогши опять прилечь въ

сознаніи своей немощи, опять пришли умиленіе и слезы, и внимательную молитву по немощи поддерживать напряженіемъ съ художественными приѣмами не могъ, и она опять стала уклоняться въ разсыянность. По прошествіи часа я закончилъ свое вечернее правило простою, не художественною молитвою. Память умиленнаго чувства, отъ ощущения милосердія къ нашей немощи Господа оставалась и послѣ окончанія молитвеннаго правила.

11-го Сентября

Утреню, часы и вечерню молился обычно — и разсыянню, и со вниманіемъ и умиленіемъ безъ особаго различія естественныхъ и благодатныхъ дѣйствій, все приписывая Божіей помощи, себѣ же одну немощь и грѣбовность. Во смиреніи нашемъ, помняи насъ,

Господи.

12-го Сентября

Болѣзненное состояніе продолжается, и правило совершается обычно.

13-го Сентября

Обычно.

14-го Сентября

На вечернемъ правилѣ во время умной художественной молитвы усилилось постепенное бленіе сердца съ не особенно большимъ жаромъ въ

немъ, такъ что отъ частаго бѣненія его я не могъ прозиснить всѣхъ словъ молитвы. Потомъ бѣненіе, утихая постепенно, стало едва замѣтно. Въ такомъ видѣ сопровождалось и дыханіе, однако болѣзненности отъ этого я не ощущалъ ни въ сердцѣ, ни въ легкихъ, ни въ головѣ. Особыхъ духовныхъ чувствъ въ это время перемены сердцебіенія и дыханія не переживалъ, кромѣ умиленнаго вниманія къ молитвѣ, которымъ я отвѣскалъ умъ отъ приходившей перемены въ процессѣ сердцебіенія и дыханія, предавъ то волѣ Божіей. Наконецъ сердцебіеніе и дыханіе постепенно опять усилились и пришли въ обычное состояніе. Мой сотрудникъ, когда я ему о семъ рассказалъ, сказалъ, что у него послѣ усиленія сердцебіенія оно не ослабѣваетъ совершенно, какъ у меня, и мое состояніе призналъ болѣзненнымъ. Разгоряченіе сердца объяснилъ соединеніемъ молитвы съ сердцебіеніемъ, напряженное вниманіе къ молитвѣ передалося и сердцу чрезъ соединеніе съ нимъ молитвы и тѣмъ усилило его до ненормальнаго состоянія, послѣ чего послѣдовало безсиліе его, а вмѣстѣ съ нимъ и дыханія. И положили мы не соединять мнѣ слабую сердцебиенію молитвы съ сердцебіеніемъ намѣренно, хотя оно и помогаетъ своимъ непрестаннымъ дѣйствіемъ, а соединять ее только съ дыханіемъ, тѣмъ болѣе, что этотъ послѣдній пріѣмъ указываетъ святыми Отцами, а тотъ первый упоминается только у «Странника». Ему можно развѣ только не препятствовать, оно происходитъ само собою. Когда же замѣтите его вредное усиленное вліяніе на сердцѣ, тогда отвергать его и останавливать, задерживать по малу дыханіе и тѣмъ успокаивать и быстрое движеніе сердца. И вообще, положили мы, довольно намъ «художественныхъ» пріѣмовъ, т. е. 1) Твореніе молитвы въ сердцѣ, 2) Вниманіе къ словамъ молитвы съ вѣрою въ присутствіе въ нихъ Самого Господа и 3) Раздѣленіе молитвы на двѣ половины соответственно процессу дыханія — вдыханія и выдыханія, 4) Обрѣсти внимательную въ сердцѣ молитву, а теплоты и чувства сердечныхъ желать смиренно только покаянныхъ, какъ безопаснѣйшихъ, а не какихъ-либо высокыхъ и радостныхъ, что свойственно безстрастнымъ только. Творить же молитву всегда, какъ можно въ спокойномъ духѣ и тѣлѣ.

На вечернемъ правдѣ, по вышеуказанному способу, молитва «художественная», хотя краткая по недостатку времени, совершалась тихо.

16-го Сентября

По слабой (по слабости тѣлесной) умной молитвѣ со скорбію о семъ легъ отдохнуть и чрезъ полчаса, какъ замѣтила по бою часовъ, проснулся съ пламенной умно-сердечной молитвой, начавшейся, какъ оказалось при пробужденіи, въ сновидѣніи, вѣдшемъ въ краткомъ послѣдствіи отдыхъ.

Сновидѣніе же таково: будто проходимъ мы съ братомъ по двору церковному, бесѣдуя о двухъ послушникахъ одной келліи, что они до пострига много претерпѣли искушеній. Потомъ я взглянулъ на небо, увидѣлъ въ полумракѣ сначала какъ бы половину луны, а всматриваясь далѣе, замѣтилъ крестъ большой, изображенный четырьмя круглыми лунами, и обратилъ на это видѣніе вниманіе шедшихъ со мною въ церковь братьевъ. Одинъ изъ нихъ на это сказалъ: «Какъ бы жди внимательно, то многое и другое бы увидѣли на небѣ». Потомъ оказался какъ бы на помѣсти нашего дома въ селѣ: шали чрезъ гумна и строенія видѣлась наша сельская церковь съ колокольней, и вдругъ слышу звонъ въ большіе колокола съ колокольни, какъ бывало въ давнемъ дѣтствѣ. Этотъ звонъ ... такихъ онъ исполнилъ меня нѣжно-умилительныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ высокаторжественныхъ чувствъ, ибо въ это время я помнилъ, что церковь наша закрыта большевиками, сняты колокола и вдругъ неожиданно звонъ, и мнѣ представилось, что кончилось владычество ихъ большевистское. (*Замѣтка ученика: Въ этомъ году Старецъ получалъ изъ дому съ Родины письмо съ извѣщеніемъ, что присланы были изъ Москвы въ ихъ деревню ѡвчакъ-коммунисты, которыхъ сняли съ колоколы колокола и разбили ихъ на куски.*) Въ глубокомъ молитвенномъ чувствѣ я упалъ ницъ на землю, потомъ всталъ на колѣни и съ простертыми руками пламенно молился за Россію, благодарилъ Бога, Освободителя ея, и славословилъ непостижимое въ этомъ величество Его. Переполнившее этии чувствами сердце мое искало слезъ для пролітія ихъ и облегченія отъ нихъ. Въ этомъ состояніи я и пробудился. Сердце мое, восславленное восхваленіемъ, во избыткѣ чувствъ и по пробужденіи долго повторяло со слезами только слова молитвы: «Сыне Божій, помилуй мя». И всякій разъ, какъ вспомню слышанный мною умиленный и торжественный звонъ тотъ колокольный, то горячія чувства и бѣненіе сердца усиливались во мнѣ, такъ что я сталъ уже останавливать его задерживаніемъ дыханія, и оно успокоилось. И думалъ я тогда, какого блаженства мы лишаемся своимъ невниманіемъ къ жизни христіанской. И о Россіи пришла мысль, что Господь, очистивъ ее скорбями, снова прославить благочестіемъ. И отъ мысли о Россіи перешла моя мысль къ торжеству будущей вѣчной жизни, послѣ временныхъ скорбей въ земной жизни. Припомнились мнѣ слова Апостолу: «Сіи суть прилоща отъ великой скорби» (7:14). Послѣ этого не могъ заснуть, а проведши два часа въ размышленіи по поводу пережитаго во снѣ и въ молитвѣ, всталъ и записалъ все это въ дневникъ. (*Весь этотъ день Старецъ былъ въ радостномъ измѣщеніи. — Ученикъ.*) Поутру перелалъ свои свой и порожденное имъ душевно-тѣлесное состояніе своему сожителю. Онъ призналъ его за «утѣшеніе» отъ Бога и побуждающее меня къ умной

молитвѣ. Я не противился, со смиреніемъ и благодарностью Богу принявъ и его слова. Но потомъ, черезъ нѣсколько дней проговѣвши изъ своихъ «Выписокъ» объ умной молитвѣ одного Аѳонскаго Старца-подвижника, не принимая и не отвергая происшедшаго, и сужденіе о семъ предалъ волѣ Божіей и вразумленію болѣе утвердительному въ будущемъ и держаться смиренной доли какъ безопасной. Слова же выписки слѣдующія: «Когда случатся при этомъ какія-либо видѣнія, то не довѣрять имъ. Должно полагать, что для нашего спасенія необходимо одно лишь покаяніе, плачь о своихъ грѣхахъ и никакъ не допускать мысли, что мы достойны какихъ-либо видѣній небесныхъ. Слезы благодарныя бывають со смиреніемъ и радостію о Господѣ, облегчающія сердце отъ скорби грѣховной. Съ тѣмъ же слезы и высокоуміемъ неудобны Господу и бывають лишены тѣхъ благодѣтельныхъ плодовъ, почему и должно тщательнѣе охранять сердце отъ всего тщеславнаго и грѣховнаго» (изъ Рукописи Схимонаха Герасима-грека).

Такъ изобразилъ Старецъ свое видѣніе:

17-го Сентября

Вчера вечеромъ посѣтили гости, греки (зилоты) и хотя особыхъ разговоровъ съ ними не было, но они не дали времени совершить вечернее правило. Простое любопытство (если не болѣе того хуже), съ какимъ они, по словамъ ихъ, мимоходомъ зашли посѣтить меня, замѣтное необщенье ихъ съ нами, хотя прикрываемое лицемѣрно внѣшнимъ мірскимъ приличіемъ — пожатіемъ рукъ, пріятностью въ лицѣ и голосѣ — и послѣ краткой въ немногихъ словахъ, а уже не согласной бесѣды, оставило чувство пустоты, а потомъ съ вечера затронутый нѣсколько больной вопросъ (о стилѣ) породилъ цѣлый потокъ сужденій, уже было забытыхъ, но теперь снова оживленныхъ и не только перебившихъ умную молитву, но и спать не дававшихъ. Какъ вредно для занятія умной молитвою пристрастіе къ богословскимъ разсужденіямъ, и особенно бесѣды съ неединомысленными, необходимыми безъ словопрерій, они производять бурленіе въ мысляхъ, отъ которыхъ трудно бывасть отвлечь умъ, особенно когда и сердце бывасть раздражено словопреріемъ. Вотъ почему Апостоль заповѣдалъ ко всѣмъ христіанамъ не словопреріати ни на какую потребу, особенно же эта заповѣдь касается монаховъ (Свят. Василій Великій) и тѣмъ паче безмолвниковъ.

18-го Сентября

Молитва шла обычнымъ порядкомъ, въ немощи и на утрени, и на часахъ. Извѣщеніе о смерти намѣстника нашего русскаго монастыря и одного схимонаха того же монастыря — знакомыхъ моихъ, какъ вѣстники и о моей близкой, но неизвѣстной, когда и какъ, кончинѣ по жестокости сердца моего, не было воспринято мною въ чувствѣ молитвеннаго сокрушенія о себѣ самомъ по погибшихъ. Также сегодня и завтра справлять будемъ память годовщины по смерти моего Старца по постригу и сослужителя по Карулѣ I. И. (еросхимонахъ Игнатій), во всемъ близкаго ко мнѣ человѣка. Господи, упокой души ихъ и за молитвы ихъ даруй и мнѣ живую память собственныя моей смерти, которую святые Египетскіе Отцы соединяли съ умною молитвою для большаго успѣха въ ней. «Добрый педагогъ тѣлу и душѣ, — говоритъ Преп. Исихій Іерусалимскій, — есть незабвенная память смертная и то, чтобы минуя все посредь сущее (т. е. между настоящимъ минутою и часомъ смертнымъ) ее всегда предъ собою зрѣть, и тотъ же самый одръ, на которомъ имѣешь лежать, различаясь съ тѣломъ», и прочее.*

19-го Сентября

Переживаю послѣ болѣзни разсѣянность и охлажденіе въ молитвѣ. И не разберу, отъ немощи болѣзни или отъ лѣности, то и другое требуетъ отъ меня смиренія предъ Богомъ и усерднаго прошенія Его помощи, какъ сказалъ Опъ Самъ: «Яко бже Меня не можете творити ничесоже» (Ин. 15:5).

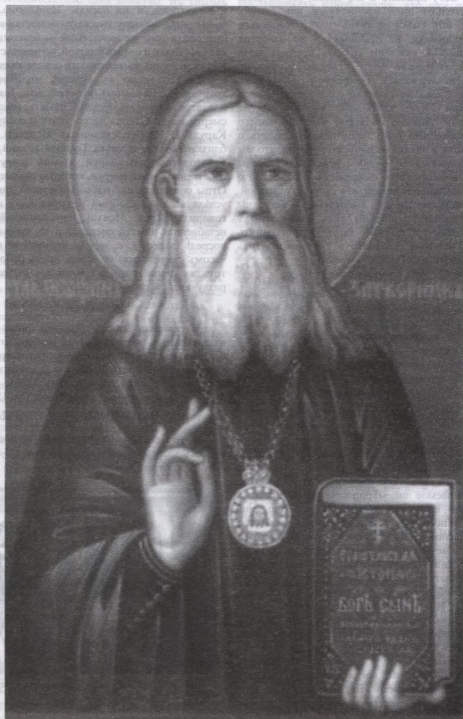
КОНЕЦЪ ДНЕВНИКУ СТАРЦА.

20-го Сентября Старецъ слегъ въ постель и уже не могъ записывать Дневника своего, а 2-го Октября претавился ко Господу.

Иконостасъ Троицкой церквушки О. Феодосіа.

* Душеспасительное и полезное слово о трезвеніи и молитвѣ, Преп. Исихій Іерусалимскій, Гл. 95.

СВЯТИТЕЛЬ ОЕФАНЪ ВЪШЕНСКІЙ ЗАТВОРНИКЪ.

Современное иконописное изображеніе.

СОВРЕМЕННАЯ ПАТРИСТИКА

ПИСЬМА

СВЯТИТЕЛЯ ТЕОФАНА ЗАТВОРНИКА

къ Будущему Старцу Теодосію Карульскому Святогорцу

Первые публикуются письма Великаго Отца Церкви послѣдняго времени, недавно вселенски прославленнаго чудотворца, Святителя Теофана. Они хотя и лежали сотню лѣтъ, неопубликованными, но вся жизнь великаго нашего Старца Теодосія была построена на принципахъ, изложенныхъ въ этихъ письмахъ. Они дышали для него той подлинно возвышенной жизнью, ради которой человекъ отдаетъ рвѣнительно все, — только бы дышать этимъ неземнымъ, небеснымъ воздухомъ, посредствомъ чего вырабатывается ощущение пустотворнаго міра, не теряя глубоко пониманія реальности здѣшняго. Его «Духовный Дневникъ» свидетельствуетъ о стяжаніи дара трезвѣнія, о томъ какъ въ концѣ жизни пріоткрылась ему завѣса бууущаго.

ПИСЬМО I

Милость Божія буди съ Вами.

ЗБРАННЫЙ Вами для кандидатакаго сочиненія предметъ хорошъ, но надобно къ выбору Вашему приложить одобреніе академическаго начальства. Смыслъ будетъ приступитъ къ работѣ и продолжать ее.

Хорошимъ считано Вашу предметъ не потому, чтобы онъ былъ хорошо представленъ въ моихъ книгахъ, но болѣе потому, что онъ теперь лучше всякаго другого подходитъ къ Вашему настроенію душевному: что для успѣха сочиненія есть первое условіе. Онъ будетъ руководитъ Вами и въ собраніи нужноа, и въ обработаніи собраннаго. Въ моихъ книгахъ общій обликъ аскетичества представленъ достаточно полно. Онъ писанъ съ природы и Вами слѣдуетъ его держать. Есть въ нихъ подробности, но далеко не всѣ. Но Вамъ для своего труда этого не нужно. Гдѣ искать подробности Вамъ. Первая книга — *Путь ко Спасенію*. Изучитъ ее хорошоюко. Она главная... Что въ ней, то вошло потомъ въ толкованіе посланія. Затѣмъ беритесь читать письма: *Что Есть Духовная Жизнь, Письма о Духовной Жизни по Поводу Писемъ Сперанскаго, Письмо о Христіанской Жизни, Слова о Покаяніи* и проч. И другія книжки. Идетъ отчасти и общее начертаніе христіанскаго нравоченія. *Напоминаніе Инокіямъ*... Всѣ сіи книги

посылаю Вамъ, съ желаніемъ Вамъ добрѣ усвоитъ обликъ аскетизма, — по немъ потомъ преобразовать и свою жизнь.

Образованная въ Васъ потребность духа есть пробужденіе духовной жизни. Да дастъ Господь возрасти изъ него древу полному. Храните сіе расположеніе и къ нему подлаживайте порядокъ жизни своей. Норма жизни — заповѣди Божіи, по коимъ слѣдуетъ направлять всѣ шаги. И ходите по нимъ при дневномъ свѣтѣ, поча незнающемъ. Свѣтъ сей есть неспрестанная память о Богѣ, хожденіе предъ Богомъ, и сознаніе Ока Божія, смотрящаго въ душу Вашу. Это главное... За тѣмъ страхъ Божій, отрешившій мысли, чувства, пожеланія неуголдіи Богу. Подъ нимъ духъ сокрушенъ, сердце сокрушено и смиренно... Вышнее — малоястіе, мало спаніе, усиденіе, молчаливость... Все сіе можете начертать, и такъ вести себя, не давая другимъ видѣть это.

Благослови Васъ Господь. Спасайтесь, старецъ. Е. Теофанъ

Въ концѣ книги — *Письма о Христіанской Жизни* — Статья В.В.Г. — писалъ студентъ... Поминано о семь для воудшвенія Васъ. *Начертаніе Христіанскаго Нравоченія и Путь ко Спасенію* — мои академическіе уроки въ С.П.Е. Академіи, въ 45-7 годахъ и еще: Что потребно.

Но о томъ, что Я писалъ Вамъ, никому не пересказывайте.

ПИСЬМО 2

1-го Ноября 1893 г.

Милость Божія буди съ Вами.

Письмо Ваше доставило мнѣ большое удовольствіе, и я съ первыхъ дней по полученіи его все собирался написать Вамъ нѣсколько строкъ и насилу собрался.

Вы хорошо взялись за дѣло жизни. Вѣншній порядокъ жизни, установленный Вами, вполне приспособленъ къ цѣли Вашей. Въ немъ все хорошо и держите его. Но Вамъ нѣчего говорить, что главное не въ вѣншней жизни, а въ внутреннемъ строе: въ чемъ суть этого внутреннего строя, Вы можете найти въ книгѣ *Путь ко Спасенію*, въ 3-мъ отдѣленіи. Все это отдѣленіе на то и направлено, чтобы начавшій ясно могъ видѣть, куда теши и чего искать... и какіе къ тому способы... Прибавить къ тому ничего не имѣю... Взмагивайтесь и прилагайте къ себѣ дѣломъ.

Какъ-то, тамъ прояснено, что главное — внутри-пробываніе, или стояніе въ сердцѣ предъ лицемъ Господа. Вотъ это возьмите себѣ въ главный урокъ. Въ наставленіяхъ отеческихъ это называется памятью Божіей или хожденіемъ предъ Богомъ. На словахъ это просто, а на дѣлѣ не такъ просто и не такъ спѣшно, какъ сказать о томъ...

И возьмитесь за сей трудъ — стоять вниманіемъ предъ Господомъ и всякое дѣло дѣлать предъ очами Его и какъ бы по повеленію Его. Когда навыкнете сему, тогда мало будете имѣть нужды въ указаніяхъ со стороны, ибо внутри будете имѣть указателя и вѣрнаго и неотступнаго.

Какъ навывать. Дѣло просто... стоять вниманіемъ предъ Господомъ не въ головѣ, а въ сердцѣ... Стоять вниманіемъ въ сердцѣ и быть тамъ, созная, что Господь близъ и око Его на Васъ обращено. Начинайте... понемногу привыкнете...

Сопутствовать должно благоговѣнство ко Господу, и строгая къ себѣ жизнь во всемъ, и въ большемъ и въ маломъ.

Великое благо, что Вы можете всякій день бывать въ церкви и не разъ, ничто такъ не раскрываетъ духа молитвеннаго, какъ церковь... Благослови Господи бывать Вамъ тамъ всегда съ благоговѣнствомъ.

Искать же надо молитвеннаго духа, который когда веселитъ въ сердце, найдетъ у Васъ непрестанную молитву. Она цѣль. Признакъ — сердечная къ Богу теплота, или чувство къ Богу... Успѣхъ въ этомъ идетъ въ рядъ съ успѣхомъ преподбжденія страстей. Свидѣтельство что есть успѣхъ — внутренняя свобода, отрадное состояніе, неотступное зрѣніе Бога, дѣтское простосердечіе, миръ помысловъ, огонь въ сердцѣ...

Благослови Васъ Господь. Спасайтесь. Е. Ософанъ.

ПИСЬМО 3

30-го Ноября 1893 г.

Очень радъ, что Вы внимаете себѣ и тѣщите вести духовную жизнь съ яснымъ сознаніемъ прямиоты ея направленія. Прямото сію Вы сами хорошо опредѣлили, созная, что единственная цѣль жизни есть Богоугодженіе. Вотъ Вамъ и компасъ. А прочее все опредѣляется заповѣдями.

Сознаніе необходимости руководителя — доброе сознаніе. Въ началѣ иночества — изъ стари — отецъ духовный замѣнялъ все, и обрѣтшій его отлагать уже все заботы о себѣ и о своихъ дѣлахъ: что прикажетъ отецъ, то и дѣлать... И скоро вырабатывались такіе и являлись слѣды совершенства духовнаго. Нынѣ не найти руководителя, какъ слѣдуетъ ему быть. И опытныхъ мало, и тѣ не полной опытностью опыты: одинъ въ одномъ, и другой въ другомъ опытенъ, недостатокъ руководства замѣняетъ нынѣ молитва къ Богу усердная, исканіе смиренное (ищите и обрящите), пожатіе и всматриваніе. Какъ дѣло пойдетъ, держитесь однакожь всегда опредѣленнаго заведеннаго порядка. Меня не считайте руководителемъ, и совѣтомъ не берусь никого руководить, а говорю только: когда спросишь, буду отвѣчать, сказывать, что знаю, а чего не знаю, о томъ говорю: не знаю, или предположеніе какое выражаю.

Заведенъ у Васъ порядокъ жизни — держитесь его не отступая... Ничего нѣтъ хуже, какъ отступать или измѣнять... Смущаетъ Васъ мысль, не слишкомъ ли много удѣляетъ времени на молитву, и какъ бы отъ сего не опоздать съ сочиненіемъ — не слушайте се. Все Богъ исправитъ: Въ молитвѣ силы собираются на сочиненіе, особенно такое, каково Ваше. Дѣло идетъ у Васъ о главнѣйшемъ предметѣ вѣденія христіанскаго. Я, кажется, Вамъ напоминалъ, что полную программу для моихъ писаній найдете въ книгѣ: *Путь ко Спасенію*, — и во всей, и особенно въ 3-мъ отдѣленіи. Есть своя доля познесеній сего и въ статьѣ: *Норма Хр. жизни*. Вы оставляете работу надъ сочиненіемъ, когда западетъ въ голову какое-либо недоумѣніе. Не дѣлайте такъ. На недоумѣніи нельзя не обращать вниманіе, но и бросать все другое ради ихъ не слѣдуетъ. Надо другія дѣла дѣлать какъ слѣдуетъ, а въ свободное время подумывать и о нихъ. Лучше же молиться и придеть моментъ, когда рѣшеніе недоумѣнія само собою нарисуетъ въ умѣ удовлетворительнымъ образомъ. Ваше недоумѣніе о родственничьихъ чувствахъ предъ лицемъ полнаго самоотверженія и отъ всего отрѣшенія стоитъ у Васъ на томъ, что родственныя расположенія Вы внесли въ статью о пристрастіяхъ вообще, какъ страсти. Разположенія же родственныя стоятъ въ ряду заповѣдей... Чада, любите своихъ родителей, и недоумѣніе здѣсь можетъ касаться только того, что чему предпослать должно. Вопросъ тутъ: оставаться ли въ быту житейскомъ изъ расположенія къ родителямъ,

или желая для совершенства жизни во Христе полной свободы отрешения отъ всего, отрешиться и отъ родителей. Ненависть въ словахъ Спасителя не есть нечувство, а ршительность отрешения, въ коемъ любви къ родителямъ присущая приносится въ жертву лучшему. Студенческая обязанность Вы нарушаете не тогда, когда молитвъ отладее время, которое могло быть употреблено на сочинение, а тогда, когда, предаваясь недоумываньямъ бросаете сочинение. И если бы Вы когда-либо сдѣлали это, т.е. сократили бы молитву для сочинения, то у Васъ не было бы ни молитвы, ни успѣха въ сочиненіи, и были бы Вы только посмѣшищемъ для врага.

Какъ прикрывать отъ виднья другихъ свои дѣйствія благочестія. Всачеки скрывать стараться, не заботясь о томъ, видять ли то другіе, или нѣтъ, чтобы внимание все было устремлено на дѣло Божіе, а не на что-либо другое. Худо стараться себя показать, или для того и дѣлать что-либо. А когда дѣлать все благочестно, въ простотѣ сердца, не заботясь о стороннихъ, тогда виднѣе стороннихъ не дѣлаетъ никакой помѣхи дѣлу и не искажаетъ его.

Чтобы уединеніе и молчаливость не считались одичаніемъ ирава, поставить закономъ въ сношеніяхъ съ товарищами являть всегда простоту и теплоту и въ рѣчахъ, и въ взорахъ, и въ движеніяхъ. И это будетъ закрывать кажущееся отъ нихъ чудженіе при молчаніи и уединеніи.

Воздержаніе въ пищѣ должно быть строгое. Какая мѣра. Всякій самъ для себя долженъ опредѣлить се: ибо не у всѣхъ одинаковые желудки. Положено выходить изъ-за стола съ небольшимъ чувствомъ голода. Такую мѣру можно скоро дѣлать узнать и затѣмъ держать. Воздержаніе никогда не убыточно, немного перетерпѣть можно, когда желудокъ или гортань выражаютъ свое неудовольствіе. Осужденіе другихъ при воздержаніи бываетъ, но это не натурально, что и искажаетъ натуральности... какъ и вообще осужденіе. Уродливое это дѣло. Если внимать себѣ и исправитъ мысли и чувства отрыватъ и правое возстановлять и держать, то все придетъ въ порядокъ.

Что изъ двухъ — страхъ или любовь — должно быть господствующимъ въ жизни? То и другое нераздѣльно. Надо и страшиться изъ любви, и любить со страхомъ. Они взаимно себя содержатъ. Страхъ любви содержитъ, а любви страхъ, и только въ такомъ видѣ они являютъ полное свое благотворное дѣйство. Не надо забывать, что мы виновные и ищемъ прощенія, больной ищемъ врачеванія, изгнаники и отечество зыскуютъ... Потому кореннымъ глубочайшимъ нашимъ чувствомъ должно быть болѣзненное сокрушеніе: духъ сокрушенъ, сердце сокрушено и смиренно... и когда его нѣтъ, почитать свое состояніе духовное неисправнымъ. Душа забываетъ... Приведите на память слова,

которая высшій въ разговорѣ говорить низшему: не забывайся... Этому мы въ отношеніи къ Богу почти поминутно подвергаемся, безъ зазрѣнія совѣсти.

Что Вы пропали въ концѣ: «Мои свѣтлыя минуты, когда спокойно по порядку исполнешь каждый день все, что тебѣ представляется въ данную минуту сообразнымъ съ волей Божіей, и такъ уповашеи всю жизнь провести, не загадывая о будущемъ и не задавая многимъ, — поставте себѣ нормою жизни, и держите себя въ семъ стрѣбѣ, прибавивъ къ тому еще, что всякій разъ Вы дѣлаете первый шагъ въ жизни къ Богу. Пусть сіе будетъ у Васъ нормою жизни...»

Говорите: «Не умю разобратъ въ себѣ...» Когда будете держать прописанную Вами же норму, тогда и нужды не будетъ разбираться, ибо все будетъ идти въ порядкѣ одно за другимъ.

Очень благодаренъ за портретъ О. Ректора и Благослови Васъ Господи. Спасайтесь, Е. Ософанъ. Нашите это на клочкѣ и каждое утро просматривайте.

ПИСЬМО 4

15-ое Декабря 1893 г.

Милость Божія буди съ Вами. Слава Богу.

Совершившаяся въ Васъ перемѣна есть прямое дѣйствіе благодати Божіей. И оживленіе въ Васъ стихій духовной жизни въ такой силѣ, и Ваше вслѣдствіе того рѣшеніе Богу себя посвятить въ иноческой жизни, и обѣтъ данный въ силѣ сего — все отъ дѣйствія благодати Божіей. Вѣрте сему и благодарите Господа Спасителя. Вы заключили описаніе всего бывшаго словами: «не умю разобратъ». Но собственно тутъ не въ чемъ разбираться. Какъ необычное дѣйствіе, сопровождавшееся необычными мыслями и чувствами, оно представляется длиннымъ и многосложнымъ, въ сущности же тутъ только два акта: Господь призвалъ, и Вы откликнулись, на сіе званіе и положили идти вслѣдъ Господа. Сія два акта и держите въ мысли, почитайте ихъ окончательно и безвозвратно рѣшенными: почему когда врагъ начнетъ наводить на мысли опять о томъ же, будто еще не начатомъ съ иблѣю возмутитъ Ваше спокойное стояніе въ рѣшеніи, — гоните ихъ прочь безъ всякаго къ нимъ вниманія, какъ не нужная уже и неумѣстная. Это первое. Второе: опредѣлите, что сдѣлалось съ Вами, какого это достоинствѣ и вѣса въ дѣлѣ жизни. У Васъ обновился духъ, но дѣйствіеіе по нему еще не начато. Вы похожи на челоѣка, который собрался въ дорогу — одѣтъ, обутъ, сумка на плечахъ, костьль въ рукахъ, вступилъ на настоящую большую дорогу и готовъ шагать... Желано Вамъ добраго пути. Но чего чаять впереди.

Во время совершившейся въ васъ перемѣны, у Васъ было маленькое пареніе ума, какъ на крыльяхъ

парили Вы ... в готовности совершить то одно, то другое ... все казалось легкимъ — просторъ, ни камушка на пути... На дѣлѣ совсѣмъ иное встрѣтите. Благодать Божія съ послѣдовавшимъ за сея внушеніемъ: «*стропотію ходитъ во первыхъ*» и проч. (Сирахъ 4,18 и д.) Иосифъ въ дѣтствѣ себѣ получилъ свѣтлыя обѣтованія, а что вытерпѣть до полученія ихъ. Давидъ помазанъ на царство юношею, а получилъ его послѣ какихъ испытаній. Вотъ подобнаго сему ждите себя и Вы... Пойдутъ испытанія и внутреннія и внѣшнія: послѣднія, можетъ быть, не такъ скоро, а первая точася. Вы уже ихъ имѣли въ видѣ припадковъ охлажденія и быстрыхъ порывовъ. Посему не распускайте ни мысли, ни членовъ тѣла, ни дѣйствій. Держите себя какъ солдатъ въ строю на смотрѣ.

Возьмите теперь въ руки книгу — *Путь ко Спасенію*, и читайте третье съ отдѣленіе. Начинать съ первыхъ словъ и далѣе, все тамъ къ Вамъ прямо относится. Потрудитесь все обдумать приложите къ себѣ и точася вводите въ дѣло. Здѣсь я замѣчу только о двухъ дѣйствіяхъ неотложныхъ, безъ коихъ не ждите успѣха, и даже, можетъ быть, продолженія начатого, — это о внутри пребыванія и о школеніи плоти.

Дѣло духовной жизни зарождается глубоко внутри, тамъ оно и растетъ, тамъ оно и вражескимъ нападкамъ подлечить. Тамъ надлежитъ быть и Вашему вниманію — стоять тамъ неосходно предъ лицемъ Господа, вездѣсущаго, всевидящаго и все содержащаго, и все угодное Ему принимать, а негодное отвергать и изгонять. Въ этомъ существе внутри пребыванія. Враги всячески будутъ оттуда Васъ выманывать чрезъ внѣшнія впечатлѣнія и воспоминанія о внѣшнемъ ... ибо воспоминанія, хотя внутри происходятъ, но вниманіе чрезъ него увлекать наружу. Сердце остается безъ стража, туда точася подкрадывается врагъ и бросаетъ свои сѣмена. Какъ только замѣтилъ что, то и займетъ сердце, и точася охлажденіе. Это Вы уже испытали. Охлажденіе, если не прогнать его точася, есть дверь къ навьюку недобрыхъ представлений и сочувствій, колеблющихся главную рѣшимость. Вы хорошо дѣлали, что точася обратились внутри и старались пресѣчь охлажденіе. Возьмите себя сіе въ законъ и дѣйствуйте по нему всегда немедля. Для прогнанія охлажденія Вы ищите мѣсто, гдѣ стать на молитву. Это хорошее средство. Но когда это невозможно, Вы кажется отдаетесь въ руки теченія обстоятельствъ. Это пагубное дѣло; надобно углубляться внутрь сердца, и тамъ стать предъ Господомъ, взывать о прогнаніи холодности и возвращенія теплоты, — и дѣлать это пока не возстанетъ теплота, не измѣнія своего внѣшняго положенія.

Внутри пребывая всегда надо держать память о Господѣ присушемъ и внимаемъ съ соотвѣствующими чувствами. Для сего свое вниманіе тамъ держать, чтобы оно не нарушалось Вашего внутрен-

няго... Надо держаться подальше отъ другихъ, не вмѣшиваться въ разговоры и въ споры... сидѣть уединяя и отдаляясь... Пусть считаютъ медвѣдемъ... убьютъ отъ сего мало. Наблюдайте, что вызываетъ изънутри и удаляетъ отъ того. Повторяйте себѣ чаще слова пророка: предлѣжь Господу предю мною Выну, и такъ далѣе непрерывно. Благослови Господи. Это главное. Изъ внѣшнихъ пособій къ сему, главное — молитва Иисусова. Это я назначеніе — держать всегда вниманіе предъ Господомъ.

Начните блонсти свое внутри пребываніе и дѣломъ научитесь, какъ его держать и какъ отгонять противное ему. При внутри пребываніи необходимо школить тѣло. На Востокѣ хозяинъ, купившій себѣ чернаго араба, желая сдѣлать изъ него добраго слугу, школитъ его — для сего носилъ плетку въ карманѣ — бить нещадно, но послѣ сего слуга сей становится у него майордомомъ, правителемъ всего честнымъ и неусыпнымъ. Такъ извольте школить свое тѣло... никакого даже малѣйшаго угодія не творите уму, все суровое, жестокое, неудовлетворительное. Въ Вашемъ лицѣ это главный врагъ... и врагъ всегда будетъ выставлять его противъ Васъ, какъ только замѣтитъ, что Ваше вниманіе вышло наружу. Движенія плоти точася замѣтитъ ... и точася же надо дѣлать противное сему. Не давать ему (тѣлу) вдоволь ѣсть, спать или поконить отъ труда; держать его въ струнку, въ напряженіи. Не забудьте этого школенія. Имѣйте себѣ распятьямъ на крестѣ ... и не сходите съ него...

Что есть тутъ требуется, позаимствуйте изъ книгъ. Теперь коротко отвѣчу на Ваши вопросы. Часть отвѣтовъ Вы найдете уже въ написанномъ. — Данъ отвѣтъ, — когда и какъ исполнять его. Духовный отецъ — одинъ — уже отвѣтилъ Вамъ на это: когда и какъ Господь позоветъ. Теперь всю заботу обратите на это, чтобы установиться внутри. — Оставаться ли при прежнемъ образѣ жизни, или предпринять что-либо другое. Вотъ апоостольское рѣшеніе: въ какомъ положеніи призванъ, въ томъ и пребывать (1 Кор. 7,17 и д.). Безъ всякаго лома и шума... Охлажденіе приходитъ, есть при семь опасность, но если позаботиться о внутри пребываніи ... охлажденію мѣста не будетъ. Оставьте все какъ есть, и только внутреннее держите строго. Пусть и замѣтятъ, что тамъ что-то произошло ... не бѣда.

— Студенческія обязанности исполняете и сочиненіе пишете, чтобы представить къ определенному сроку. Трудъ надъ сочиненіемъ не противорѣчить Вашему духовному состоянію, а будетъ въ числѣ поддерживающихъ моментовъ. Сейчасъ Вамъ надо прочитать третье отдѣленіе «*Путь ко Спасенію*». Это необходимо для Вашего духовнаго устроенія, — а вмѣстѣ нужно и для сочиненія. Если будете держать

себя внутри съ теплою, трепетомъ, то никакое занятие не будетъ противно Вашему настроенію.

— Въ числѣ возбуждающихъ мыслей и поддерживающихъ возбужденіе... на первомъ мѣстѣ да будетъ у Васъ воспоминаніе всего того, какъ совершилась полная переменъ, особенно образа Спасителя, оставившаго въ Васъ такое впечатлѣніе — вразумительное, какъ Вы и дѣлаете. У Васъ все записано. Прочитывайте то почаще.

— Вы прочитали брошюрку, что необходимо каюшмуся, и увидѣли, какъ необходимъ руководитель старецъ. Но тамъ также изображено и каковъ онъ долженъ быть въ истинномъ своемъ значеніи. Вотъ тутъ-то и горе намъ. У меня изображено, каковы были руководители и какъ относились къ нимъ руководимые въ оныя давнія времена. Нынѣ Вы ни тѣхъ, ни другихъ не найдете. Старецъ Паисій Величковскій, Нижегородскій настоятель, искалъ себя руководителя въ Россіи и не нашелъ. Отправился на Афонъ, тамъ искалъ и не нашелъ. И порѣшили, что нынѣ руководство одно — книги отеческія, а чтобы не сдѣлать ошибки въ своихъ рѣшеніяхъ, надобно двумъ — тремъ единопутнымъ соединиться, и руководить общимъ совѣтомъ по указаніямъ книгъ. Это замѣчаніе Вамъ пригодится послѣ, а теперь пока живите при тѣхъ указаніяхъ, которыя можете имѣть въ теперешнемъ положеніи.

Ахъ, Меня хотѣли бы Вы избрать. Я никаку негожо по этой части. На это особый даръ. Не вздумайте прѣхать сюда въ нашъ монастырь. Я никого не принимаю, не приму и Васъ. Трудъ будетъ напрасный. Не жалѣйте, не радуйтесь, что симъ образомъ избавитесь отъ опасности быть уклоненнымъ на кривую дорогу... Вы хотѣли рвануться ко мнѣ, но неопредѣленное чувство удержало. Это Ангелъ Хранитель удержалъ Васъ и охранялъ отъ бѣды...

У Васъ бываютъ быстрые порывы. Положите закономъ никогда имъ не слѣдовать. Скорые шаги всегда почти суть вражескіе... Блудите како опасно...

— Въ первый день Вы чувствовали себя не сущимъ отъ міра сего, но потомъ дали волю сердцу, а оно породило уродливую мысль объ особой близости Вашей къ Богу, съ уничтоженіемъ другихъ, плодомъ чего была разсыянность и охлажденіе. Слава Богу, что Вы очнулись и укрѣпились подъ кровъ покаянія. Помните сію исторію. Оно повторится не разъ. Но если будете держать себя въ струнку, съ острымъ вниманіемъ къ происходящему внутри, и безжалостнымъ изгнаніемъ всего чуждаго... всякій разъ омывая себя покаяніемъ, если что прокрадется воровски внутри и произведетъ тамъ смѣяніе. Въ этомъ все дѣло трезвенія.

— Успѣте ли воротить чистоту дѣтства. Да, но потребенъ трудъ и безжалостность къ себѣ, къ плоти своей. Будьте для плоти хозяинъ негра съ плеткомъ

Общій видъ на Вышенскую Пустынь. Снято, когда тамъ жилъ Святитель Оеофанъ.

Зданіе, гдѣ въ загворѣ на второмъ этажѣ жилъ Святитель Оеофанъ.

въ кармаи... Поминайте Марію Египетскую, которая 17 лѣтъ боролась и одолѣла врага... Такъ и другія грѣшницы и грѣшники каявшіеся одолѣли себя и очистились совершенно... но трудъ... и безжалостность.

Кажется, все сказалъ Вамъ, чего Вы ожидаете, и что мнѣ приходило на мысль сказать при чтеніи написаннаго. Господь да управитъ путь Вашъ... Часто у Васъ прорывалось опасеніе, что не устоите, что придетъ охлажденіе, и все разстроится... Только не жалѣйте себя, и всегда устоите, ибо болѣе есть иже въ Васъ, нежели иже въ мірѣ. Онъ блудитъ труждающихся надъ исправленіемъ себя съ плѣною угожденія Ему. Это — Его воинство. Вспомните, въ началѣ жизни Андрія, Христа ради юродиваго — два полчища — черное и бѣлое, и онъ посылѣлъ... Одолѣлъ... хоть противникъ чернѣй былъ гигантъ, а онъ маленькій человекъ... Сила Божія въ немощи совершается.

Благослови Васъ Господь. Спасайтесь.

Вашъ доброхотъ,

Е. Оеофанъ.

Иноческая Лура

ЛЕГЕНДА О РАЙСКОЙ ПТИЧКѢ

На Авоинь лѣтъ сто тому назадъ распространился среди многотысячныхъ паломниковъ «Авоно-Ильинскій листокъ». Онъ пользовался большою популярностью. И расходился такъ же и по всей Руси, вызывая въ благочестиво настроенныхъ христіанахъ чувства умиления, покаянія, тяги къ Правдѣ Божіей и къ красотѣ надмірнаго чаянія.

Печатались тамъ простыя истины для простого народа простымъ языкомъ, часто въ поэтической формѣ. Одинъ такой листокъ (55 за 1911 годъ) помѣщаемъ ниже. Онъ предназначенъ къ чтенію какъ бы нарस्पѣвъ, какъ народные «канты» или «псалмы» на какую-либо незамысловатую мелодію, доходящую до втѣряющаго сердца, «чающаго воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка»...

ЖИЛЬ ЮНЫЙ отшельникъ, онъ въ кельѣ
молясь,

Священную книгу читалъ, углубясь.

Въ той книгѣ прочелъ онъ, что тысяча лѣтъ,

Какъ день передъ Богомъ, мелькнетъ и пройдетъ.

Монахъ впасть въ сомнѣнье; сталъ думать о томъ,

Какъ тысячу лѣтъ сравнить съ однимъ днемъ.

Не вбрызгитъ, въ священную книгу глядитъ,

Но видить, что въ келью вдругъ птичка летитъ.

Вся блещетъ, сияетъ, и прелестъ для глазъ.

Какъ яхонты перья, а пухъ — какъ алмазы!

Когда же вдругъ крылья она распахнетъ,

То радугой свѣтитъ, то златомъ сверкнетъ,

Прекрасная птичка въ полетѣ легка,

Быстрѣе и легче весны вѣтерка.

Летать ужъ устала, у двери сидитъ,

И радостно юный отшельникъ глядитъ,

Не слышно подходить, молчитъ, не дохнетъ.

Лишь только бѣ схватить ужъ, а птичка вспорхнетъ!

Она отъ него, а отшельникъ за ней,

И вотъ онъ изъ кельи выходитъ своей.

Идетъ за ограду и полемъ идетъ,

А птичка-то свищетъ, какъ будто зоветъ.

Туда и сюда надъ цвѣтами кружась,

Какъ звѣздочка въ воздухѣ, свѣтитъ носясь.

Но вотъ монастырь за пригоркомъ исчезъ,

А внокъ за птичкой идетъ въ тѣнь деревьевъ.

И съ вѣтки на вѣтку всё птичка впередъ

Порхаетъ, летаетъ и сладко поетъ.

На дуба вершину присѣла она,

И пьнемъ чудеснымъ вся роща полна!

Растроганный сердцемъ, въ восторгѣ душой,

СКИТЪ ВЪ ПРОРОКА ІЛІИ

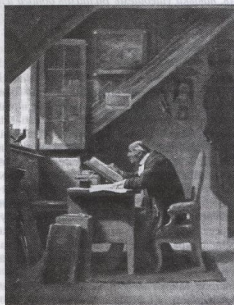
Гравюра 1856 г.

Межъ братіи — также знакомаго нѣтъ.
Онъ смотритъ, онъ ищетъ, своихъ не
найдетъ!
Монахъ приключенье свое разсказалъ;
Ему съ удивленьемъ весь причтъ внималъ.
И мудрый игумень пришельца спросилъ:
Какое онъ имя межъ братій носилъ?
«Антоніемъ названъ въ монашествѣ я.
При мнѣ былъ игуменною Отень Іліюю.
И всѣ изумились ... по книгамъ глядятъ,
Нашли имена ихъ ... лѣтъ триста назадъ ...
«Антоній въ день Пасхи безвѣстно пропалъ,

Внимаетъ безмолвно монахъ молодой.
И мигъ наслажденья боясь потерять,
Звукъ каждый онъ ловить и жаждетъ внимать.
Забьлся! Отрадно забвенью его!
Не слышитъ, не видитъ вокругъ ничего.
Вдругъ пѣнье умолкло, опомнился онъ:
Гдѣ жъ птичка пѣвица? исчезла какъ сонъ!
Ахъ! Птичка взвилася, какъ будто стрѣла,
И въ небѣ сокрылася; была — не была!
Вдохнулъ добрый инокъ, въ келью спѣшитъ,
Казалось ему: — часъ въ отлучкѣ онъ былъ.
Бойтся, что онъ опоздаетъ въ пути,
Что къ трапезѣ ждуть; и пора бы придти.
Но вотъ монастырь ... только чудно ему,
Что ограда не та, — недоступно ему!
За оградою новая церковь видна,
И дивится — откуда взялася она?
Онъ стучитъ въ ворота, воть привратникъ идетъ.
Но ему незнакомъ: прежде былъ, да не тотъ,
Не пускаетъ монаха въ обитель его:
«Ты чужой, не видаль я лица твоего!» —
«И тебя я не знаю». — «Привратникъ я», «Нѣтъ,
Привратникъ здѣсь молодой, ты жъ старъ ужъ и сѣдъ,
Я вышель отсюда не болѣ, какъ часъ,
Съ чего же вдругъ новый привратникъ у насъ?
Иль Спасовъ не здѣсь монастырь». — «Онъ и есть».
— «Такъ пойдѣ же къ игумену дай о мнѣ вѣсть».
Дивится привратникъ, игумена зоветь,
И воть за игуменною весь причтъ идетъ.
Отшельникъ предъ нимъ преклонился лицомъ,

Но только игумень ему не знакомъ;

Такъ писано въ книгѣ!» — Игумень сказалъ.
Тутъ промыслу Божію, какъ диву дивясъ.
И тайну проникъ, и крестомъ осѣнясь,
«Дивенъ Богъ въ чудесахъ!» — такъ монахъ повторилъ.
И вдругъ — перель всѣми — свой видъ измѣнилъ.
Въ немъ виденъ былъ старецъ, взоръ юный угасъ.
Предъ нимъ триста лѣтъ — миновали какъ часъ!
Онъ палъ и молился. — Два дня протекли,
Почилъ онъ и съ честью его погребли.
(Изъ журнала «Кормчій» 1892 г. 36)

«Посѣтитель», картина Карла Штубса.

ВАЛААМСКАЯ ПАТРОЛОГИЯ

ПОЛНЫЙ В АЛААМСКІЙ ПАТЕРИКЪ Молчальникъ Михаилъ СМИРЕННЫЙ ПОВАРЪ ВАЛААМСКІЙ

Память 6-го Сентября (+1939)

*«Молчаніе есть таинство будущаго вѣка,
а словеса суть орудія міра сего»*

Преп. Исаакъ Сиринъ

Да проститъ намъ Господь, если мы не точно передали, слышанное много лѣтъ тому назадъ случайно въ частной бесѣдѣ во время постальгическихъ воспоминаній о дивномъ, навѣки ушедшемъ Валаамѣ одного изъ его преданнѣйшихъ бывшихъ собратій. Да упокоитъ Господь душу приснопамятнаго многостраднаго Епископа Марка Ладожскаго и Санъ-Францискаго. Миръ праху твоему, Владыко Маркъ и Молчальникъ Михаилъ.

БЫВШІЙ ВАЛААМСКІЙ монахъ, Епископъ Маркъ Ладожскій, пребывавшій въ городѣ Санъ-Франциско, однажды рассказывалъ намъ о нѣкомъ «рабѣ Божіемъ», какъ онъ называлъ всѣхъ смиренныхъ Валаамскихъ монаховъ, и показалъ небольшую картинку, которую онъ вырѣзалъ изъ Финскаго журнала въ 1940-ыхъ годахъ. Это было изображеніе повара, окруженнаго горшками, котлами, кастрюлями, сковородками, мисками и черпаками въ кухнѣ, гдѣ готовилась пища для монастырскихъ чернорабочихъ, обрабатывавшихъ землю, и кочующихъ переселенцевъ, частыхъ «осѣтителей» Валаамскаго монастыря, куда они приходили не какъ паломники или будущіе монахи, но въ поискахъ заработка.

Епископъ Маркъ въ 1930-ые годы былъ молодымъ послушникомъ на Валаамѣ и зналъ этого служителя на кухнѣ, о которомъ передавались разные слухи, но никто о немъ не зналъ ничего определен-

наго, потому что онъ взялъ на себя подвигъ молчанія, никогда ни съ кѣмъ не говорилъ, никогда не произносилъ ни одного слова.

Будущій Епископъ Маркъ пришелъ на Валаамъ съ цѣлью стать монахомъ. Монастырь расположенъ глубоко въ Сѣверной Оивидѣ Святой Руси, гдѣ въ продолженіи тысячъ лѣтъ воспиталъ великихъ подвижниковъ и святыхъ на его святыхъ горахъ. Черезъ нѣкоторое время послѣ прихода на Валаамъ у молодого Леонида (его мірское имя) развилась какая-то тяжелая непонятная бользнь, которая по опредѣленію мѣстныхъ лекарей оказалась неизлѣчимой и смертоносной. Онъ лежалъ безъ движенія и на глазахъ быстро угасалъ.

Была Страстная седмица, и приближалась Пасха, Свѣтлое Христово Воскресеніе. Весна была еще далеко, и воскресеніе природы затемнялось оживленной подготовкой и каждый былъ вовлеченъ ради Праздника праздниковъ, Св. Пасхи Господней, Его

Неизвестный праведник Михаилъ, молчальникъ Валаамскій.

Воскресенія. Каждый былъ занятъ уборкой и подготовкой, а кромѣ того длинными церковными службами, въ которыхъ каждый братъ принималъ участіе. И здѣсь, среди всего этого, молодой человекъ, ставшій всеобщимъ любимцемъ, явно приближался къ концу. Жертва этой ужасной внезапной болѣзни, будущій нужный собратъ — умиралъ. Леонидъ былъ любимецъ самого Игумена Харитона, который охотно готовъ былъ бы умереть за него.

Странная недѣля приближалась къ концу. Былъ уже канунъ Великой Субботы, въ этомъ году приходившійся на день памяти Св. Апостола и Евангелиста Марка. Въ безнадежности собравшаяся старшая братія монастыря была крайне озабочена — что же дѣлать? Кто-то подаль мысль слышно постричь Леонида въ монахи на его смертномъ одрѣ, чтобы на Пасху онъ могъ бы явиться Воскресшему Господу какъ новопостриженный монахъ. Когда сказали о такомъ намѣреніи Леониду, который уже былъ извѣщенъ о своемъ неизбежномъ смертельномъ состояніи, послѣдній кивнулъ въ знакъ согласія и потерялъ сознание къ великой скорби Игумена Харитона и тѣхъ, кто окружалъ его постель. Безъ колебаній Старецъ Ефремъ и другіе принесли мантию и все необходимое для совершенія пострига. Такъ какъ это было въ канунъ праздника Апостола Марка, то дали ему имя Маркъ — и къ

полному изумленію всѣхъ и каждого, новопостриженный монахъ Маркъ открылъ глаза и всталъ со своего смертнаго ложа въ полномъ здравьи, и даже принялъ участіе въ пасхальныхъ торжествахъ. Это дѣйствительно было и его собственное воскресеніе.

Послѣ своего выздоровленія, по какой-то непонятной причинѣ, онъ часто думалъ съ удивленіемъ о братѣ Михаилѣ, работающемъ въ кухнѣ. Какъ послушника, Марка часто посылали въ кухню, которая была на далекомъ разстояніи отъ главныхъ монастырскихъ зданій. Тамъ работали многие бѣдные люди и получали пищу въ рабочей трапезной. Онъ зналъ этого Михаила, и зналъ, что до его прихода на Валаамъ онъ далъ обѣтъ никогда не говорить. Теперь новопостриженный монахъ былъ охваченъ любопытствомъ объ этомъ таинственномъ человекѣ, всегда молчаливомъ, никогда не смотревшемъ на лица людей, чьи глаза были всегда опущены, и по его потнымъ щекамъ часто стекали слезы, когда онъ работалъ среди пара, дыма и пламени старомодной плиты.

Однажды, монахъ Маркъ пришелъ въ это зданіе по дѣлу и вошелъ въ кухню въ промежуточное время между трапезами, когда обычно здѣсь никого не было. Онъ никогда не приходилъ сюда въ такое время дня и былъ удивленъ, видя все въ такомъ спокойствіи, для него непривычномъ. Онъ открылъ дверь — и засталъ

Выходъ Игумена Харитона съ Инокомъ Маркомъ изъ Игуменскихъ покоевъ въ Валаамской обители. На оборотѣ написано: «На память о быломъ и канувшемъ въ вѣчность».

Здѣсь его глазами представилась трогательная картина: среди покрытой сажей кухни стоялъ Михаилъ съ поднятыми руками къ небу, глубоко рыдалъ, обливаясь слезами, такъ что все его лицо было мокрые. Не обращая вниманія на незваннаго гостя, онъ громко взывалъ ко Господу о милости и прощенія на какомъ-то иностранномъ языкѣ. Изумленный монахъ отступилъ и быстро закрылъ дверь. Глубоко тронутый, онъ удивлялся мысленно и желалъ знать, какова же должна быть причина такого дуперэздирающаго вопля.

Послѣ этого случая его интересъ возросъ, и онъ началъ спрашивать у людей, работавшихъ съ рабомъ Божіимъ, о его жизни.

Вотъ все, что онъ могъ узнать. Братъ Михаилъ появился въ монастырѣ неизвестно откуда. Никто не зналъ его жизни. Одинъ Игуменъ Харитонъ зналъ его тайну, и онъ благословилъ его быть обычнымъ очереднымъ послушникомъ. Но Михаилъ не пожелалъ этого, онъ хотѣлъ выполнять смиреннѣе послушаніе и просилъ благословеніе взять на себя

покаянный подвигъ абсолютнаго молчанія и быть посланнымъ на такое послушаніе, на которомъ никто бы не ожидалъ отъ него ни единого слова. Игуменъ согласился на это, и Михаилъ заключилъ свои уста, отсѣкая такимъ образомъ весь міръ отъ своего существованія. Онъ зналъ только кухню. Онъ даже почти не ходилъ въ церковь, куда вся братія и рабочіе ходили молиться. Онъ стремился къ уединенію. Его послушаніе было на самомъ бойкомъ, шумномъ мѣстѣ монастыря. Когда оттуда всѣ уходили, онъ могъ урывками стонать и выплакивать свое сердце. Онъ никогда не обѣдалъ съ братьями или рабочими. Никто не зналъ, гдѣ онъ спитъ. Никто не зналъ, въ чемъ онъ нуждается или имѣетъ какую-либо скорбь. Никого это не касалось. Но монахъ Маркъ, разъ увидавъ его такимъ сокровеннымъ образомъ, приносилъ ему кое-что изъ одежды и обуви, и послѣдній, посредствомъ знаковъ, выражалъ ему благодарность.

Видъ углубленнаго въ себя человѣка, стоящаго постоянно среди горшковъ и кастрюль, всегда съ выраженіемъ лица какъ-будто онъ не вопилъ здѣсь, вызывалъ критику и громкія рѣшкіи возмущенія въ большинствѣ рабочихъ и трудящихся въ кухнѣ: моль, почему онъ не говоритъ, когда къ нему обращаются. Почему онъ дѣлаетъ видъ, что не можетъ вести себя, какъ другіе и не можетъ вымолвить, что требуютъ люди. Зачемъ такъ таинственно прятаться въ молчаніи.

Но Монахъ Маркъ зналъ, что этотъ человѣкъ творитъ непрестанную Иисусову молитву и что его сердце было въ постоянномъ умномъ дѣланіи. Физически онъ былъ здѣсь, въ кухнѣ, дѣлая что ожидалось отъ него, и онъ дѣлалъ все хорошо и своевременно. Но въ своемъ сердцѣ онъ безусловно не былъ здѣсь, со всѣми его окружающими.

«Гдѣ же былъ онъ?» удивлялся Маркъ. Былъ ли онъ каюшійся великій грѣшникъ, выполняющій свою зпитемью въ трудныхъ условіяхъ кухни среди шума и даже ударовъ отъ раздраженныхъ, разгнѣванныхъ людей? Но это, казалось, не беспокоило его. Наоборотъ, его часто видѣли съ кажущейся улыбой благодарности къ обижавшимъ его, которая только приводила въ большую ярость нападавшихъ. Онъ былъ всегда въ работѣ, его руки всегда заняты, движенія неторопливы: онъ не былъ ни медлительнъ, ни быстръ. Онъ былъ мысленно тамъ, гдѣ нужна была бдительность, настойрженность къ тому, что онъ дѣлалъ, но его внутреннее присутствіе было въ другомъ мѣстѣ.

Однажды молодой монахъ Маркъ, придя въ кухню по дѣлать монастыря, разговаривалъ съ людьми тамъ находящимися, рассказывалъ какъ онъ былъ «воскрешенъ» въ Великую Субботу, въ день Св. Апостола Марка, когда онъ былъ постриженъ въ монахи. Тутъ онъ замѣтилъ, что братъ Михаилъ приостановилъ свои занятія и видно внимательно слушалъ, не двигаясь, стоя въ полоборота лицомъ къ

Монах Маркъ, будущий Епископъ на дорогѣ послѣ посвященія кухоннаго рабочаго Михаила.

стынь, держа большой черный котелъ; О. Маркъ обратилъ вниманіе, но продолжалъ. Когда онъ кончилъ свое повѣствованіе и его слушатели вышли изъ кухни и удалились въ коридоръ, онъ повернулся въ сторону Михаила, ничего не говоря, удивляясь — «почему Михаилъ съ такимъ интересомъ слушалъ о моемъ чудесномъ выздоровленіи на Пасху?»

Наступила напряженная пауза. Братъ Михаилъ медленно повернулся къ нему, не поднимая головы робко кашляя, точно ощущая испытующее молчаніе Марка. Слыша, что кромѣ нихъ никого нѣтъ, онъ медленно поднималъ лицо и О. Маркъ увидѣлъ его большіе выразительные, серо-голубые глаза. Сдѣлавъ короткий шагъ впередъ, онъ засвѣтился такой таинственной улыбкой сквозь слезы, что слова въ такой моментъ излишни — молодой монахъ такъ сразу же понялъ, что ради его молитвъ онъ былъ такъ чудесно исцѣленъ. Этотъ незабываемый лучистый взглядъ выдалъ его молчаніе и обнаружилъ его секретъ передъ изумленными молодыми монахами, пристально смотрѣвшимъ на этого незауряднаго человѣка. Этотъ Михаилъ, быть можетъ святой, зная въ своей душѣ, что шель въ монастырь гдѣ кто-то страдалъ, кто-то молилъ Господа о помощи, кто плакалъ и нуждался во Христвъ, своемъ Спасителѣ. Тамъ, скрываясь въ закопѣлой кухнѣ, онъ молился за страждущихъ, понимая значеніе и смыслъ любви быть вблизикъ имъ по духу.

Пораженный, стоя среди кухни, монахъ Маркъ въ этотъ моментъ, былъ до глубины души растроганъ; его колѣни дрожали, все его тѣло чувствовало сверхъестественную легкость и въ его сердцѣ, — не ушами, но сердцемъ, — услышалъ: «Дорогой мой, это быть я, по любви къ тебѣ».

И это было все. Его голубые глаза медленно опустили, голова приняла прежнее полу-наклонное положеніе, и его руки снова продолжали чистить черный закопѣлый котелъ. Онъ снова ушелъ въ свой мѣръ молчанія, какъ будто его больше и не было здѣсь.

Слова тамъ не были нужны. Они были излишни. Было ясно, это была тайна, слегка пріоткрывшаяся; она оглашалась сладковзвучной волной небеснаго тепла, какъ будто пріоткрылся Рай черезъ полуоткрытую дверь, и затѣмъ закрылась и слыла навсегда — можетъ быть до Второго Пришествія.

Бьющее сердце молодого монаха медленно стало утихать. Переведа духъ, уходя, онъ снова взглянулъ на сгорбленную фигуру старика, монотонно скребутого дно черной кастрюли. Таинственная музыка замерла, и слѣдъ ея простылъ. Теперь опять стоялъ плотный барьеръ между двумя людьми: молодымъ энергичнымъ монахомъ, будущимъ епископомъ и этимъ невзрачнымъ старымъ кухоннымъ работникомъ. Оба стояли среди кухни — уже далеко отдаленные другъ отъ друга.

Молодой человѣкъ повернулся и тихо вышелъ. Тамъ не было ни звука, выраженного словами, ни прощанія, ничего, что объединило бы ихъ. Все ушло...

Но его сердце продолжало биться, быстро биться и только тогда успокоилось, когда онъ приближался къ монастырю. Больше никогда онъ не видѣлъ брата Михаила. Вскорѣ вспыхнула война. Онъ былъ призванъ въ армию и покинулъ Валаамъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, уже будучи иеромонахомъ, онъ смогъ получить оторочку изъ армии и посѣтилъ свой любимый Валаамъ на какое-то непродолжительное время. Онъ спрашивалъ о Братѣ Михаилѣ-молчальникѣ, но никто не могъ сказать ему о немъ ничего опредѣленнаго, кромѣ того, что онъ умеръ такъ же незамѣтно и усиденно, какъ жилъ. Даже его любимый Игуменъ Харитонъ никогда больше не упоминалъ о немъ. Годами позже въ какомъ-то фискальномъ журналѣ О. Маркъ увидѣлъ картинку, которую вырвалъ и позже подарилъ нашему Братству вмѣстѣ съ разсказомъ.

Вспоминая, Епископъ Маркъ говорилъ, что когда онъ такъ пристально смотрѣлъ на Брата Михаила, то лицо того сіяло благородствомъ и явнымъ великодушіемъ, подобно лицу Царственаго Великомученика Императора Николая II.

Переводъ сдѣлала Ксенія Е. Кибальникъ.

О. Маркъ, воспоминаніемъ священникомъ въ 1940-1944 гг. въ отпуску у родныхъ.

НОВОМУЧЕНИЦА ИГУМЕНІЯ ТИХОНА (или Таисія II).

СОВРЕМЕННЫЙ МАТЕРИКОНЪ

Учужения Тихона

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦА ОРЕНБУРГСКАЯ

Память 8 Октября

Жизнь человеческая есть путь исповѣдническій, даже и безъ кровопролитія. Ежедневно врагъ ставитъ предъ нами препятствія на пути къ трезвенію и героическому выбору чистой совѣсти.

Господь попускаетъ паденія, чтобы душа сильнѣе стремилась къ Нему. Нѣкоторымъ избраннымъ Господь усиливаетъ этотъ ходъ внутренней брани и проявляетъ бытие явлено Свое присутствіе, Свою близость къ душѣ. Одной изъ такихъ была Мать Тихона.

Почитавшая духовная писательница Елена Юрьевна Конацевичъ со словъ сестры ея Татьяной (въ послѣдствіи Инокіи Тавсіей) и ихъ дяди Сергея А. Нилуса, часто намъ толковала про жизнь Монахини Тихоны, стѣла, что не знаемъ какъ закончилась эта интересная героическая жизнь. Сорокъ лѣтъ тому назадъ мы получили эту рукопись и все ждали получить изъ подъ яремной Руси разгадку, почему святой Старецъ Герасимъ Калужскій называлъ и пѣлъ о преподобномученицѣ Тавсіи, когда таковой нѣтъ.

И вотъ изъ Оренбурга его прозорливость открылась.

«Святая Мученица Тавсія, моли Бога о насъ»

I. ИЗЪ СОБРАНІЯ С. НИЛУСА.

ВЕЛИКІЙ православный писатель начала 20-го вѣка Сергей А. Нилусъ, печата свой Оптинскій дневникъ «На Берегу Божьей Рѣки» въ изданіи Епископа Николая Вологодскаго «Троицкое Слово», сталъ широко извѣстнымъ по всей Россіи какъ искренній и вдохновляющій выразитель духовныхъ чаяній русскаго народа. Къ нему писало множество вѣрующихъ какъ человѣку близкому по духу, выливая ему свои переживания и горести. Многое онъ помѣщалъ въ дневникъ своему, но не все можно было опубликовать, т.к. часто то было сокровенное изліяніе души человѣку понимающему изгибы невидимой брани: какъ борется душа со духомъ злобы поддесной, и какъ Господь тайно посылаетъ утѣшеніе, вѣдомое только получившему эту тайну.

Однимъ изъ такихъ корреспондентовъ была Мать Тихона Оренбургская, описавшая ему свое духовное рожденіе, которое по просьбѣ Нилуса она описала подробно. Его племянница, Татьяна Карпова, будучи подъ сильнымъ впечатленіемъ отъ писемъ Оренбургской инокини, переписала себѣ ея исторію, и въ концѣ своей жизни составила книгу о женскихъ монастыряхъ Руси, помѣстила туда, что успѣла записать. Рукопись эту издали въ 1970-хъ годахъ сначала въ Америкѣ, а затѣмъ въ Россіи. Въ Оренбургѣ въ прошломъ году выпустили двухтомникъ «Мученики и Исповѣдники Оренбургской Епархіи XX Вѣка», помѣстивъ туда и рассказъ М. Тавсіи, снабдивъ найденнымъ портретомъ Игуменіи Тихоны. Найдены были и данныя о ея мученической кончинѣ. Эти свѣдѣнія являются большой духовной поддержкой для переходящихъ въ православіе. Въ

лишь Оренбургской праведницы мы имѣемъ небесную заступницу и молитвенницу въ предстоящихъ испытаніяхъ.

2. ДѢТСКОЕ ИЗБРАНЧЕСТВО.

Въ 80-хъ годахъ XIX вѣка въ городѣ Оренбургѣ пріѣхалъ нѣкій еврей со своимъ семействомъ. Онъ открылъ тамъ мелочную лавку, а кромѣ того занялся мелкой адвокатской практикой, такъ называемымъ «хожденіемъ по дѣламъ». Старшимъ его ребенкомъ была дѣвочка Хая. Семи лѣтъ она поступила въ церковно-приходскую школу. Смышленная дѣвочка, обладавшая хорошей памятью, она хотя и не учила Закона Божія вмѣстѣ со своими подругами, но по памяти, безъ книги запоминала, что рассказывалъ законоучитель, и разъ, когда никто не могъ отвѣтить на его вопросъ, неожиданно вызвалась отвѣчать Хая, и батюшка, довольный ея отвѣтомъ, пристыдилъ ея православныхъ подругъ. Какъ-то, бродя по базару, Хая накупила у книгоноши книжечку — ей понравились ихъ обложки. На одной было изображение страданій святой великомученицы Варвары, и Хая решила, что это страшная сказка. На другой было изображение явленія Святаго Живоворящаго Креста святому великомученику Евстаѳію Плакидѣ между рогами оленя — и Хая рѣшила, что это интересная сказка.

Дальше церковно-приходской школы образованіе не пошло, и понятія ея о христіанствѣ были очень запутанныя. Она думала, видя почитаніе святителя Николая, что онъ и есть русскій Богъ. Купаясь съ братьями въ Уралѣ, Хая стала тонуть. «Русскій Богъ Николай, спаси меня», — закричала она, — «я и стану христіанкой!» Волна подхватила ея и выбросила на другой берегъ. Исполнить свое обѣщаніе Хая, конечно, не могла: она была еще мала, да и не знала, какъ это сдѣлать.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Хаѣ минуло 14. Какъ старшая въ семьѣ она помогала отцу въ его дѣлахъ. Однажды она играла съ подругами у дверей лавки, и отецъ, проходя мимо, далъ ей спрятать весель на большую сумму одного изъ своихъ кліентовъ. Дѣвочка, увлеченная игрой, разсыпая сунула важный документъ въ карманъ и забыла о немъ. Въ тотъ же вечеръ платье ея было отдано прачкѣ. Отецъ былъ щепетильно честный и интересы кліентовъ ставилъ выше своихъ. Наконецъ онъ поставилъ дочери условіе, что если она завтра къ

десяти часамъ не найдетъ — гдѣ и какъ хочеть — весель, онъ ее убьетъ.

Всю ночь пробывала по двору, заломивъ руки, обезумѣвшая отъ горя Хая. Въ ея воображеніи рисовались страшныя картины: то ея отпа, по ея винѣ, закопываютъ за утайку векселя въ кандалы и ссылаютъ въ Сибирь, то убивается отъ горя ея мать, свергнутая съ маленькими дѣтьми въ нищету. «Нѣтъ, лучше умереть, чѣмъ дожить до такого позора.» — подумала она. «пойду на Уралъ и брошусь въ воду!» Эта мысль какъ будто успокоила ея, но тутъ же она представила себѣ весь ужасъ насильственной смерти и ожидающихъ самоубійцъ вѣчныхъ мученій. И вдругъ ей вспомнился Святитель Николай, спасшій ея въ дѣтствѣ отъ потопленія. Но здѣсь она пришла въ такое состояніе, которое она впоследствии не могла понять: вмѣсто того, чтобы каяться въ неисполненіи обѣта креститься и просить Святителя ея спасти, она пришла въ ярость и злобу, стала кощунствовать и обвинять Спасителя за то, что онъ ее спасъ. Въ эту самую минуту часы на каланчѣ стали бить девять. Хая вся задрожала. «О, Николай угодникъ!» — взмолилась она, — «если ты Богъ, то ты все можешь сдѣлать! Вѣдь ты могъ бы мнѣ написать весель, и я бы непременно крестилась! Но гдѣ же тебѣ написать весель! Это невозможно, и я должна умереть». Хая уже взялась за шеколку калитки, чтобы бѣжать на Уралъ, какъ вдругъ увидѣла въ рукѣ своей что-то бѣлоснежное.

Игуменя Таисія Оренбургская.
Память 28 Окт. 1891 г.

Это былъ весель. Но не тотъ, погибшій весель, грязный, пропахнувшій табакомъ, сложенный въ нѣсколько разъ, а совершенно новый, безъ малѣйшаго сгиба, бѣлый, какъ снѣгъ, по написанный на ту же сумму и тѣмъ же лицомъ. Хая вбѣжала въ домъ къ отцу съ дикимъ крикомъ: «Папа, весель!». Отецъ оттолкнулъ ея, схватилъ весель и бросился вонъ изъ дома. Хая упала въ обморокъ. Когда она очнулась, около нея хлопотала мать и бабушка. Она имъ сказала, что нашла весель на дворѣ въ мусорѣ, и онѣ ей поѣтрили. Придя въ себя, Хая бросилась къ квартирной хозяйкѣ Аванасевнѣ, простой религиозной женщинѣ, и въ слезахъ рассказала ей все, какъ было, закончивъ вопросомъ: «Скажи мнѣ, гдѣ живетъ Николай угодникъ и могу ли я его видѣть?» Аванасевна, сама въ слезахъ, отвѣтила, что Николай угодникъ живетъ на небѣ у Бога, и видѣть его нельзя, но что въ церкви есть его икона, и Хая должна отслужить ему молебенъ и

поставить свѣчку. На это Хая отгвѣтила: «Въ перковь иди мнѣ нельзя, но ты тамъ сама все сдѣлай и поставь рублевую свѣчку». Въ тотъ же день это было исполнено.

3. КАКОЙ ЦБНОЮ.

Оставалось теперь одно: принять христіанство. Но тѣмъ и какъ это сдѣлать? Не сразу Хая придумала свой планъ: трудно ей было потому, что надо было дѣйствовать втайнѣ, и никому даже изъ христіанъ нельзя было довериться. Наконецъ, она узнала, что самый главный батюшка у христіанъ называется «архирейей», узнала, гдѣ онъ живетъ, и пробралась въ архирейскій домъ. Войдя, она увидѣла на самомъ верху лѣстницы маленькаго старичка, заросшаго длинными сѣдыми волосами и бородой. Онъ показался ей громаомъ. Къ нему-то и обратилась она со своимъ дѣломъ, объяснивъ ему, что она, еврейка, хочетъ креститься и непременно должна видѣть главнаго христіанскаго батюшку — архирея. А это и былъ самъ преосвященный Епископъ Оренбургскій, старецъ высоко-духовной жизни. Онъ внимательно отнесся къ будущей христіанкѣ и отправилъ её въ женскій монастырь къ его престарѣлой настоятельницѣ — Игуменѣ Таисіи (Кононова), прозорливой подвижницѣ.

Хая такъ въ монастырь повралась, что она заявила, что хочетъ послѣ крещенія стать монахиней. Когда святое таинство надъ ней совершили, то Невидимая Сила подняла её у всѣхъ на глазахъ на воздухъ. Нарекли её Таисіей. Ей было тогда 16 лѣтъ. Послѣ этого злая сила въ течение всей ея жизни не переставала её преслѣдовать, какъ непосредственно, такъ и черезъ людей, стараясь выжить её изъ монастыря. Началось съ того, что, когда новообращенная спала въ своей келліи, врагъ нашего спасенія вопелъ къ ней подъ видомъ монахини, въ полномъ монашескомъ одѣяніи, такъ что она не испугалась, и, отдавъ ей знакъ молчать, стала душить её за горло. Таисія захрипѣла. Сестры услыхали и сбѣжались къ ней. Врагъ исчезъ. Таисіиному разсказу никто не повѣрилъ, но на горлѣ ея ясно увидѣли синій отпечатокъ десяти пальцевъ.

Въ самомъ началѣ ея послушнической жизни, её поместили въ живописную мастерскую учиться живописи. Здѣсь ей пришлось перенести горькую обиду отъ старшей. Неопытная еще послушница такъ разстроилась, что ей пришла мысль перемѣнить

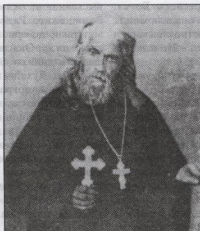
монастырь. Посоветоваться ей было не съ кемъ, а на душѣ становилось все больше и больше тяжело. По какому-то дѣлу она пришла къ матушкѣ игуменіи. Прозорливая старша сразу же поняла ея разстроенное состояніе. Она усадила её на диванъ и начала съ ней бесѣду, приводя подходящіе къ ея состоянію случаи изъ житій святыхъ. Наконецъ, Таисія не выдержала и разрыдалась! Тогда матушка прямо сказала: «Я вижу, что у тебя какое-то горе, но ты не хочешь мнѣ сказать». Тогда Таисія все ей открыла и просила благословенія перемѣнить монастырь. Матушка только руками всплеснула: «Нѣтъ тебѣ на это моего благословенія. Тебѣ живописной не быть! Ты у меня будешь писмоводительницей и много принесешь пользы для монастыря, и хорошая у меня монахиня будешь».

Таисія спросила: «Какъ же я могу быть писмоводительницей, когда курсъ не кончила? Я и понятія не имѣю, что за писмоводительство, и что тамъ пишется. Вотъ учительница Елизавета Васильевна окончила епархіальное училище и навѣрное можетъ быть писмоводительницей, а мнѣ хотя бы живописи немного научиться». На это матушка грустно и загадочно возразила: «Ну, Лиза хотя бы и съ образованіемъ, а писмоводительницей ей не быть, не монастырскаго она духа и уйдетъ въ міръ; а ты — монастырскаго духа, будешь жить и чудесная у меня писмоводительница будешь, и монахиня хорошая будешь, только потерпи».

Это было незадолго до кончины матушки. Оба эти предсказанія сбылись. Сестра Елизавета ушла въ міръ и скоро скончалась, а сестра Таисія при послѣдующихъ игуменіяхъ стала писмоводительницей. Вообще, все, что передъ смертью говорила матушка Таисія, сбывалось.

4. СТАРЕЦЪ ГЕРАСИМЪ.

Какъ-то Таисію отпустили съ монахинями постарше на богомолье по монастырямъ. Пришли онѣ въ Калужскую Тихоновскую Пустынь. Тамъ подвизался въ то время прозорливый старецъ О. Герасимъ, несній подвижникъ юродства. Таисія съ пути сильно устала и долго не могла проснуться, а затѣмъ её стали торопить, и, чтобы не опоздать къ литургіи, она не прочла утреннихъ молитвъ. Послѣ литургіи богомольцы стояли у храма, а старецъ ходилъ между ними, и они ожидали, что онъ кому скажетъ. Подходить онъ къ Таисіи и говорить ей, что вотъ онъ, грѣшный, не прочелъ утреннихъ молитвъ, и

Старецъ Герасимъ Калужскій Старшій, (+1891).

велъ ей прочитатъ ихъ якобы ему. Когда она окончила, онъ сказалъ ей: «Пой: Святая мученица Таисія, моли Бога о насъ!» Таисія пробовала было, возразить, что святая Таисія была не мученица, а преподобная, но старецъ точно ничего не слышалъ, и заставилъ её трижды обойти храмъ съ пениемъ — «Святая мученица Таисія, моли Бога о насъ». Таисія повиновалась. Послѣ этого старецъ сказалъ ей на ухо что-то такое, что онъ запретилъ ей рассказывать.

Такъ проходили годы монашеской жизни Таисіи. Её уже постригли въ рясофоръ и сдѣлали письмоводительницей, какъ ей предсказывала давно уже почившая Матушка Игуменія Таисія. А врагъ не переставалъ ея преслѣдовать. Разъ послѣ причащенія Святыхъ Таинъ она сидѣла за чтеніемъ въ своей келліи, какъ вдругъ увидѣла его около себя. Тщетно читала Таисія псаломъ «Да воскреснетъ Богъ». Исчезъ врагъ только послѣ того, какъ она вспомнила заповѣдь обратившаго её въ христіанство епископа и прочла тропарь: «Христосъ воскрес...» Но исчезая, врагъ грозилъ ей своею мстью.

И вотъ, что вышло. Къ тому времени уже ни Владыки того, ни игуменіи, которыхъ знала Таисія въ ранней юности, не было въ живыхъ. Когда новый епископъ посѣщалъ монастырь, то Таисіи поручалось принимать его келейники, и она въ него влюбилась. Положение ея было тѣмъ труднѣе, что, ничего не подозревавшая игуменія, продолжала его къ ней присылать. Чтобы найти исходъ изъ своего положенія, Таисія взялась за «Добротолюбіе». Книга открылась на томъ мѣстѣ, гдѣ сказано, что, если данное послушаніе приноситъ вредъ, надо сознаться въ этомъ давшему послушанію. Если онъ его не отмѣнитъ, то надо оставаться спокойнымъ, такъ какъ весь грѣхъ будетъ на давшемъ послушаніи. Игуменія была очень строгая и взыскательная, но Таисія, хотя и со страхомъ, заставила себя покаяться. Къ ея удивленію матушка игуменія отнеслась къ ней съ любовью, успокоила её и общала, что она больше этого послушника не увидитъ. И, дѣйствительно, увидѣла его матушка Таисія лишь случайно много лѣтъ спустя, причемъ впечатлѣніе онъ произвелъ на неё отталкивающее. Тогда ей ясно стало, чьи это были козни.

5. КРЕЩЕНІЕ МАТЕРИ.

Много Таисіи пришлось перенести горя за время своей монашеской жизни. Во-первыхъ, она страшно боялась мести со стороны евреевъ, а особенно со стороны своего отца, заявляго ненавистника христіанъ. Разъ она увидѣла его на улицѣ и бѣжала отъ него въ нечеловѣческомъ ужасѣ. Во-вторыхъ, она очень тяжело переживала разлуку съ горячо любимой матерью. Мать ея была женщина темная, необразованная, одинаково ничего не

понимавшая какъ въ христіанствѣ, такъ и въ иудействѣ. Понимала она лишь то, что её разлучили съ ея единственной обожаемой дочерью и она тосковала отчаянно, безумно, вызывая противъ себя яростную злобу своего мужа.

И вотъ однажды, Таисія получая извѣстіе, что мать ея находится при смерти въ Саратовскомъ сумасшедшемъ домѣ. Немедленно она туда поѣхала. Но, къ ея удивленію, ея появленіе въ больницѣ вызвало какую-то непонятную тревогу. Врачи и фельдшерины шептались между собой: «Такъ значить это правда?» Оказалось, что мужъ привезъ несчастную женщину, заявивъ, что она помѣшалась, воображивъ, что ея дочь монахиня. А такъ какъ бѣдная еврейка только и говорила о своей дочери-монахинѣ, то слова ея мужа какъ будто подтверждались. Наконецъ, пытаясь бѣжать, несчастная высочила въ окно и разбилась. Положеніе ея было безнадежно. Радостно и скорбно было свиданіе матери и дочери. Таисія старалась утѣшить мать, какъ могла. Она окропила её привезенной съ собой святой водой со словами: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!» Мазала освещеннымъ елеемъ. Кормила виноградомъ. А мать, въ радостномъ волненіи, рассказывала, что къ ней этой ночью приходила «хорошая, такая красивая Женщина съ маленькимъ Младенцемъ на рукахъ», и Они ей улыбались, а Младенцѣ ручки протягивали. Кто Они были, бѣдная еврейка, конечно, не знала, но Таисія сразу же поняла, что Сама Пресвятая Богородица съ Предвѣчнымъ Младенцемъ посѣтила ея мать. Общавъ ей пріири на другой день, Таисія ушла, но когда она вернулась, то узнала, что мать ея скончалась.

Горе ея усугублялось тѣмъ, что мать ея умерла некрещеной, и молиться о ней она не смѣла. О скорби своей она написала афонскимъ старцамъ. Какова же была ея радость, когда она получила отъ нихъ отвѣтъ: старцы писали ей, что обѣ упокоенія матери она не только можетъ, но и обязана молиться, т.к. скончалась она не только христіанкой, но и мученицей, что Господь вмѣнилъ ей окропленіе святой водой въ крещеніе, помазаніе святымъ елеемъ — въ миропомазаніе, а вкушеніе винограда — въ святое Причащеніе. И что во всѣхъ обителяхъ Святой Горы Афонской служатъ по новопредставленной рабѣ Божіей Саррѣ сорокоусты.

Отецъ Таисіи постигла участь еретика Арія. Были у Таисіи три брата, молодые невбрующіе интеллигенты. Со своей отшельницей-сестрой они поддерживали переписку. Она ихъ никогда не видела, но особенно ей была дорогъ младшій.

6. МУЧЕНИЦА ТАИСІЯ.

Не обычнымъ путемъ достигла Таисія пострига въ мантию. Врагъ продолжалъ противъ нея свои

Оренбургскій Успенскій женскій монастырь, построенъ въ 1859 г. Снимокъ 1900 г.

пронски, возбуждая противъ нея разныхъ людей. Окончилось тѣмъ, что она была вынуждена, хотя и не на долгое время, перейти въ Уфимскій монастырь. Тамъ ее никто не звалъ, и отнеслись къ ней холодно. Когда ее разбилъ параличъ, за ней ухаживали плохо. Она тосковала по своему монастырю и была очень несчастна. Въ это время прѣхалъ въ монастырь мѣстный Уфимскій архіерей и узналъ о ея болѣзни. Онъ ее пожалѣлъ, навѣститъ и сталъ служить въ ея кельи всенощную. Это было подл 13-е августа, день памяти Святителя Тихона Задонскаго. Во время величія она увидѣла себя въ пещерной церкви, гдѣ покоились мощи святителя. Онъ всталъ изъ раки и подаль ей руку. Она очнулась и почувствовала себя исцѣленной. Послѣ этого епископъ постригъ ее въ мантію и, въ память ея исцеленія, назвалъ ее Тихоней.

Она вернулась въ Оренбургскій монастырь. У нея былъ литературный талантъ, и она много писала въ защиту монастырей. По благословенію своего духовника, она описала свою жизнь, какъ исповѣдь, и придала ее духовному писателю С.А. Нилусу.

Послѣ большевицкаго переворота красныя войска заняли Оренбургъ, и начались тамъ звырства. Игуменія Успенскаго монастыря матушка Таисія такъ растерялась и пала духомъ, что монахини рѣшили избрать изъ своей среды на ея мѣсто самую умную, энергичную и сильную духомъ, съ тѣмъ, чтобы имъ помѣняться именами, кельями и послушаніями. Таисія стала монахиней Тихоней, а монахиня Тихона Игуменіей Таисіей.

Мужественно приняла новая игуменія свой крестъ. Участились обыски, и она, подъ именемъ Игуменіи Таисіи, сопровождала ихъ по монастырю. Однажды, въ поискахъ сокровищъ, былъ вскрытъ склепъ основательницы монастыря — Матушки Таисіи, въ міру Татьяны Кононовой.¹ Вскрыли и

гробницу. Къ удивленію присутствующихъ, въ ней оказалось нетлѣнное тѣло игуменіи. Свидѣтельствомъ очевидцевъ тѣхъ дней, Татьяна Аристарховна Дрошина (1900-го года рожденія). Вотъ что она повѣдала:

«Гробъ съ тѣломъ Матушки Таисіи я видѣла въ Домѣ санитарнаго просвѣщенія, гдѣ онъ былъ выставленъ для всеобщей демонстраціи. Я стояла въ ногахъ гроба. Тѣло, дѣйствительно, не было подвержено тлѣнію». Татьяна Аристарховна, несмотря на преклонный возрастъ, сохранила удивительную память и подробно описала, какъ была одѣта Матушка Таисія въ гробу. Она исключительно точно называла событія, происходившіе въ дореволюціонномъ Оренбургѣ.

Послѣ демонстраціи гроба съ тѣломъ Матушки Таисіи, ее тѣло тайно было вывезено въ Москву, въ одинъ изъ научно-исследовательскихъ институтовъ. Дальнейшее мѣстонахожденіе мощей неизвестно.

... Подъ видомъ изысканій реликвій и цѣнностей большевики продолжали расхищать хранившиеся въ православныхъ монастыряхъ и храмахъ національное духовное богатство Россіи. Не оставляли они и Успенскій монастырь. Послѣ очереднаго обыска Монахиня Тихона, теперь какъ Игуменія Таисія, позвала солдатъ въ свою келью, т.е. игуменскіе покои и стала безстрашно угощать ихъ чаемъ, стараясь усовѣститъ. Со слезами отвѣтили ей солдаты, что сами не рады тому, что дѣлаютъ, но иначе поступать не могутъ.

Очень скоро большевики узнали о томъ, что встрѣчаютъ ихъ въ монастырѣ не сама Игуменія Таисія, а Матушка Тихона, принявшая на себя имя игуменія, и въ ярости, съ сатанинскою злобою порубили шашками на куски тѣло Матушки Тихоны... Дѣйствительная же Игуменія Таисія была репрессирована и, отбывъ назначенное наказаніе, вернулась въ родной Оренбургъ. Здесь же и обрела она вѣчный покой.

Итакъ, намъ открылась та тайна, которую провидѣлъ иудействующій Старецъ Герасимъ на зарѣ «Таисіинова» монашества — она стала мученицей. Но что онъ ей тайно сказалъ на ушко, отъ насъ скрыто, а ей очевидно это было сказано къ подготовленію къ мученическому подвигу, за то она и была столь сильной духомъ ибо одной ногой уже сознательно стояла при дверехъ райскихъ.

Святая Мученица Тихона-Таисія, моли Бога о насъ.

Покровскій Женскій Монастырь
Бусси-ан-Отъ,
Франція

¹ Девичья фамилія Амарцева (1806-1891).

СХИМОНАХЪ ТЕОДОРЪ, Иркутскаго Монастыря протозрливый старецъ.
 Фотографія сдѣлана при его жизни. Напечатано въ Типографіи Е. И. Фесенко въ Одессѣ.

СОВРЕМЕННЫЙ ПАТЕРИКЪ

СХИМОНАХЪ ѲЕОДОРЪ

Неизвѣстный Сибирскій Праведникъ

Память 16/29 Января

1884 - 1923

Есть праведники въ такихъ отдаленныхъ частяхъ

свѣта, какъ Австраліи. Знали мы тамъ одного настыря-подвижника,

о. Ростислава, ученика Авоанскаго Старца схимонаха Никодима Карульскаго (†1934),

и переписывались годами. Но когда Господь сподобилъ посетитъ Австралію, тотъ уже

скончался, лицевърты мы сподобились лишь его скромную могилку. Побывали въ его домѣ. И вотъ,

находясь въ его маленькой комнатѣ, обозрѣвая его св. уголокъ и письменный столъ, взглядъ нашъ

упалъ на портретъ невиданнаго намъ ринге подвижника, Иркутскаго Схимника Ѳеодора,

глубоко чтимаго хозяиномъ сей келліи, котораго быть можетъ онъ и лично зналъ, и

котораго по словамъ его Матушки, очень чтилъ. Видя, что наше сердце ёкнуло при

видѣ образа сего небожителя, смилвалась добрая Матушка, сняла со стѣны

этотъ фотографическій портретъ и подарила его намъ.

Но кто она — она не знала. Чѣмъ извѣстенъ — это тайна. Съ годами крохи

свѣдѣній подбрасывали намъ съ того свѣта о. Ростиславъ и кое-что мало по малу скопилось.

Вотъ и дѣлимся мы съ читателями нашего странствующаго по блгу свѣту «Русскаго

Паломника», ожидая отъ нихъ большихъ свѣдѣній для

общаго всѣхъ насыщенія.

I. ИРКУТСКІЙ ВОЗНЕСЕНСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

УДЯ по официальной фотографіи Схимонаха Ѳеодора, изданной в типографіи Фесенко ещё при жизни его, можно сдѣлать заключеніе, что это было допущено по требованію народнаго его популярности.

Вознесенскій монастырь былъ одинъ изъ излюблѣннѣйшихъ мѣстъ, куда стекалось не только всё сибирское паломничество, но и со всѣй Россіи, мѣсто бойкое, многолюдное. О немъ упоминалъ знаменитый «Странникъ» въ своихъ разсказахъ, ставшихъ всѣмірною классикой въ духовной литературѣ. Тамъ безымянный старецъ-духовникъ ведетъ глубокомысленную бесѣду, которая очень даже могла быть исходящей изъ устъ нашего Старца Ѳеодора.

Вознесенскій монастырь былъ основанъ простымъ схимонахомъ Герасимомъ въ 1669-1672 гг. на лѣвобъ берегу рѣки Ангары. Въ немъ было 5 церквей съ величественнымъ соборомъ, нѣсколько

Вознесенскій монастырь въ Иркутскѣ до его полнаго уничтоженія.

разъ перестраивавшимся за эти годы. Въ маломъ храмѣ Тихвинской иконы Богоматери помѣщались св. мощи покровителя всея Сибири Свят. Иннокентія, источавшіе много чудесъ, позже перенесенные въ соборъ, а стѣнные мощи Святителя

Софронія тамъ лежали до его прославленія въ 1918 году. Сто человекъ братіи съ послушниками насыляли знаменитую обитель. Было много духовниковъ, окормлявшихъ массу паломниковъ. Жиль тамъ и прозорливый простой Схимонахъ Ѳеодоръ, почти столѣтній ко времени разоренія обители Совѣтскимъ правительствомъ въ 1921 году.

2. СХИМОНАХЪ ѲЕОДОРЪ

Съ большимъ трудомъ, но всё же кой-какіе биографическіе данныя о старцѣ-прозорливцѣ получили отъ Иркутскихъ свидѣтелей. Схимонахиня Гавриіла пишетъ: «Спѣшу Вамъ отвѣтити на Ваши вопросы. Прошу прошенія, что я уже изъ годовъ вышла и не могу вспомнить всё... Прошущу вамъ про Вознесенскій монастырь, гдѣ были похоронены старецъ Отецъ Ѳеодоръ и схимникъ Синесій, тамъ построили на этомъ мѣстѣ дома. Святитель Иннокентій, чьи мощи стоятъ у насъ въ соборѣ, посылаетъ Вамъ благословеніе. Вознесенскій монастырь разрушенъ».

Получивъ такое благословеніе, могли собрать слѣдующее. «Въ послѣдніе годы онъ жилъ въ землянкѣ. До сихъ поръ въ Иркутскѣ живётъ одна старушка, которая помнитъ, какъ, будучи маленькой дѣвочкой, ходила со своей мамой къ старцу. Старецъ Ѳеодоръ предрекъ ей не выходить замужъ и быть монахиней, тогда она будетъ счастлива. Такъ всё и случилось. Старецъ умеръ приблизительно въ концѣ двадцати годовъ. Точную дату никто не помнитъ... Нѣсколько лѣтъ назадъ по этимъ мѣстамъ проложили шоссе. Такимъ образомъ, могилу найти невозможно».

Старецъ Схимонахъ Ѳеодоръ, въ міру Ѳеодоръ Петровичъ Суторминъ, родился въ 1834 году въ деревнѣ того же имени Суторминово, Туринскаго уѣзда, Тобольской губерніи. Вся эта область намъ дорога, ибо тамъ незадолго до его рожденія подвизались великіе Старцы — преподобные Зосима и Василіскъ, Сибирскіе исихасты.

Когда ему исполнилось 50 лѣтъ, овдовѣвъ, онъ принялъ монашество въ Вознесенскомъ монастырѣ въ Иркутскѣ, съ новымъ именемъ Ѳеодосій. Постригъ состоялся 17-го Ноября 1884 г. Онъ былъ неграмотенъ, черезъ 3 года становится схимникомъ и

получаетъ своё старое имя Ѳеодоръ. Вскорѣ послѣ Успенія, 19 августа, его посылаютъ въ Успенскій монастырь города Красноярска, а затѣмъ онъ былъ перемещенъ въ Абалакскій монастырь, широко известный своей чудотворной иконой Богоматери, но 29 Октября 1908 года онъ возвратился въ свой Вознесенскій монастырь и, очевидно, пробылъ тамъ до позорнаго закрытія сего святаго мѣста.

Въ 1912 г. О. Ѳеодоръ совершилъ паломничество въ г. Кяхту, Забайкальской губерніи, въ 1915 г. въ г. Читу и на другой годъ въ Тобольскъ на поклоненіе св. мощамъ Святителя Іоанна Тобольскаго, котораго прославляли въ тотъ годъ. Навѣрное, гостилъ у Владыки Варнавы.

Жилъ старецъ въ своей монастырской келліи, имѣя преданнаго келейника о. Іеродиаконъ Пахомъ, рукоположеннаго Епископомъ Зосимой Киренскимъ. Онъ охранялъ старца отъ напавша послѣдителей. Къ нему массами шёлъ народъ и старецъ окормлялъ любвеобильно, иногда прозорливостью. Нѣкая Анна Васильевна Бутаева помнитъ, какъ въ дѣтствѣ ея мать Екатерина водила всѣхъ своихъ шестерыхъ дѣтей къ Схимнику Ѳеодору въ Вознесенскій монастырь. Она вспоминаетъ, что онъ спалъ въ грубу, былъ прозорливый, очень старый. Люди возили его къ себѣ на домъ погостить на одинъ-два дня на тележкѣ. Когда ея семья (въ дѣвичестве Логинова) пришла къ Схимонаху Ѳеодору, у его келліи стояло много народа, всѣ стояли и ждали. Вызывалъ къ нему

Схимонахъ Ѳеодоръ, литографія.

келейникъ. Пригласилъ онъ и рабу Божию Екатерину, но она не поняла, что это её, т.к. ни она его, ни онъ её не знали. Келейникъ вызвалъ второй разъ. Онъ снова сказалъ: «Раба Божія Екатерина съ чадами, проходитъ». Она не понимаетъ. Думаетъ, другаго. Тогда люди ей говорятъ: васъ какъ зовутъ, Екатерину? — Да. — Идите, это васъ. — Тогда она вошла, Старецъ сказалъ: «Это всѣ твои дѣти». А одну не пустилъ. — «А это не твои». Пророчество его исполнилось, всѣ были вѣрующими, кромѣ этой — она стала коммунисткой. Жила Анна (дочь Екатерины) тогда въ Иркутскѣ по улицѣ 2-ая Железнодорожная, въ предмѣстьѣ Гласково. Говорятъ, что бывалъ Старецъ по недѣль въ семьяхъ Герасима Кудачкина, Натальи Карповой, Агриппины Артемьевой. Они жили тогда такъ же по 2-ой Железнодорожной улицѣ.

3. ПРОЗОРЛИВОСТЬ

О прозорливости Старца Θεодора сохранились воспоминания Схимонахини Леонтіи, (въ міру Любовь Леонидовна Левница) въ прекрасном изданіи «Московскій журналъ», № 12 за 1993 годъ. Это единственный до насъ дошедшій случай явнаго прозрѣнія. Происходило это въ юные годы будущей инокини въ концѣ Мая 1918-го года.

«Въ Иркутскомъ Вознесенскомъ монастырѣ жить Схимонахъ Θεодоръ, которого всѣ считали прозорливымъ. Монастырь отъ города стоялъ въ пяти верстахъ. И съ одной изъ институтокъ рѣшили пойти къ нему узнать свою судьбу.

Домикъ Схимника Θεодора находился внутри ограды. Народъ толпился возлѣ домика, желая попасть къ Старцу. Мы съ Марусей — такъ звали мою спутницъ — подоидя къ домику, замямлились среди толпы. Спустя нѣкоторое время открылась дверь и на крыльцо вышелъ старецъ въ сопровожденіи послушника. Ему было около ста лѣтъ, какъ говорили въ народѣ. Съдой, въ схимѣ, онъ стоялъ передъ народомъ, опираясь на посохъ. Онъ вглядывался въ толпу и, охвативъ всѣхъ взоромъ, произнесъ: «Всѣ Анны да Маріи стоятъ, а вотъ и Любовь пришла».

«Подоиди сюда, Любовь, — обратился онъ ко мнѣ. Я испугалась и спряталась за спину какой-то женщины.

«Разступитесь!» — сказала Старецъ, отъидя «пропустите Любовь».

Всѣ оглянулись, ища, къ кому относились эти слова. Маруся мнѣ шептала: «Старецъ зоветъ тебя»... Я взяла Марусю за руку, и мы обѣ подошли къ нему.

«Проходите въ келлію.» — пригласилъ Старецъ и самъ пошелъ впередъ. Келлія была довольно обширная: по стѣнамъ много иконъ, лампада, зажженныхъ свѣчей, въ углу стоялъ гробъ. Старецъ пристально взглянулъ на насъ, затѣмъ опустился на колѣни и началъ молитву: «Господи, услышь меня, пошли Своѣ благословеніе на рабовъ Твоихъ — пришли къ Тебѣ и не знаютъ, о чемъ спросить». Долго молился старецъ, а мы всѣ стояли на колѣняхъ, тоже молясь. Затѣмъ Старецъ всталъ, сѣлъ на скамейку, а мы встали передъ нимъ на колѣни.

«Ты будешь фрейлиной Царицы Небесной. Твой путь — монашество: не ищи другого пути, ибо

Господь избралъ тебя изъ чрева матери», благословилъ меня Старецъ, давъ большую просфору.

«Тебѣ уготованъ миръ скорби, блескъ и счастье быстро пройдутъ, скорбями спасешься.» — произнесъ онъ, благословляя Марусю. Я ушла отъ Старца радостная, такъ какъ получила благословеніе на желаемый путь».

На этомъ заканчивается описаніе прозорливости Старца Θεодора и мы не знаемъ, упоминается ли онъ дальнѣе въ жизни праведной старицы Схимонахини Леонтіи.

4. СВАТИТЕЛЬ ИННОКЕНТІИ

Схимонахъ Θεодоръ, сто лѣтъ тому назадъ.

Въ 1931 г. Иркутскій губисполкомъ, на основаніи телеграммы № 606-37 за подписью Калинина, распорядился изъять цѣнности, принадлежавшія Вознесенскому монастырю. Всѣ вещи, представляющія художественное и историческое значеніе, находившіяся въ монастырскихъ храмахъ и богатѣйшей ризницѣ, были безцеремонно отобраны и исчезли. Но до этого въ монастырѣ, какъ и по всей Руси, процла издевательская волна изъятій св. мощей и преданій ихъ поруганію. Пришла коммисія и ко святителю Иннокентію: силой заставили открыть раку Св. Иннокентія, обнаживъ до гола прекрасно сохранившееся тѣло святаго, «коммиссія» трясла и подбрасывала святителя, стараясь доказать, что это кукуля! Народъ страдалъ, тысячами хлынулъ въ монастырь, рыдалъ навзрыдъ, но сдѣлать ничего не могъ, окруженный вооруженной охраной. Научно было доказано и въ прессѣ сообщено, что это подлинное мощи. Рано утромъ, обманувъ народъ, увезли тайно въ Москву. Монастырская братія ужасно страдала: Господь допустилъ надругаться надъ святыню. Но Святитель дѣлалъ свое дѣло: тайно и явно помогалъ заблудшимъ. Вотъ интересный случай описываетъ Епископъ Несторъ, бывший въ то время въ Иркутскѣ, въ своей книгѣ о Святителѣ Иннокентіи.

(Харбинъ, 1931)

«По свидѣтельству Доктора Б., еще передъ вскрытіемъ мощей Свят. Иннокентія произошло такое чудо: въ Августѣ мѣсяцѣ 1921 г. компанія охотниковъ, въ которой былъ докторъ и одинъ изъ комиссаровъ — атѣистъ, отправились на охоту.

Дорогой завязался спор на религиозную тему, а главной темой спора были мощи св. угодников. Среди спора комиссаръ въ ярости выругался самыми бранными словами по поводу мощей Св. Иннокентія — всёмо стало жутко, вѣрующіе же были оскорблены и въ душѣ просили вразумить и наказать безумца. Послѣ охоты подъ вечеръ стали возвращаться домой; в пути ругательникъ комиссаръ заявилъ, что у него въ горлѣ сильная боль, что онъ съ трудомъ глотаетъ слюну. Часовъ въ 12 ночи меня будятъ и приглашаютъ къ больному комиссару, и сообщаютъ, что больной при смерти. Положение больного было ужасно. Горло и шѣя раздуты, опухоль шѣи наравнѣ съ головой — багрово-краснаго цвѣта, и лицо, и глаза налились кровью и больной хрипитъ. Посмотревъ на меня, больной собралъ послѣднія силы и прохрипѣлъ, что онъ наказанъ за богохульство и кается передъ собравшимися, и если ему Угодникъ поможетъ, то онъ отслужитъ молебенъ. Я принялъ мѣры, какія могъ, но положение было безнадежно. Удивительное чудо, какъ близокъ къ намъ Богъ. Который принимаетъ покаяніе грѣшныхъ. Я виделъ комиссара черезъ нѣсколько дней, онъ какъ будто и не болѣлъ. Этотъ комиссаръ отслужилъ молебенъ и сдѣлался вѣрующимъ человѣкомъ».

Всѣ эти событія, какъ и изытія церковныхъ цѣнностей, происходили съ насиліемъ, цинизмомъ и безпощадностью. Цѣль была убить въ народѣ не столько вѣру въ Бога, но вѣру въ своё

прошлое, свою народную святоюрскую культуру, достиженія, унизить человѣческое достоинство и превратить народъ въ безличное, запуганное стадо, уничтожить понятіе Народъ-Богоносць.

Чѣмъ же могли старцы помочь такому неслыханному народному горю. Да они сами гибли, но смѣло призывая не терять своё божеское лицо и человечность. Страдалъ и О. Феодоръ пока и самъ не погухъ. Мы вѣримъ, что его образъ остался живъ и

Святитель Иннокентій Иркутскій. Одно изъ старѣйшихъ изображеній.

Святитель Анатолій Иркутскій, будучи миссіонеромъ на Аляскѣ.

вдохновляеть — дойдя даже до Австраліи, и будетъ вдохновляеть покуда будутъ живы души, ищущіе героизма духа, жаждущія Бога.

5. АРХІЕПИСКОПЪ АНАТОЛІЙ

Въ эти годы правящимъ іерархомъ г. Иркутска былъ бывшій Американскій миссіонеръ, ректоръ Ситхинской семинаріи Анатолій Каменскій. Совѣтская власть его хотѣла уничтожить вмѣстѣ съ Вѣрой православной, требуя отъ него согласія на изытіе церковныхъ сосудовъ и св. утвари на поруганіе. Онъ отказался. Былъ изнурительный судъ. Когда показали, что Владыка — американскій подданный, то освободили. Послѣ пытки и преслѣдованій Владыка былъ изнуренъ до крайности. Архіерейскій домъ былъ разграбленъ, въ покояхъ — новые жильцы. Ему вѣдѣть было преклонить голову. Черезъ нѣсколько дней Владыка Анатолій совершалъ литургію въ Казанскомъ соборѣ, который впоследствии былъ взорванъ большевиками. Во время чтенія Евангелія (со словъ священнослужителей) Владыка, неожиданно поднявшійся, соннѣ съ горняго мѣста, подошелъ къ престолу, со словами: «Иду къ Тебѣ, Господи,» склонивъ голову, тихо скончался (См. «Знамя Россіи» № 152 за 1957, стр. 10-13. Умеръ Арх. Анатолій въ 1925). Такъ отошелъ праведникъ, который мужественно, открыто передъ навральной на него толпой, исповѣдовалъ вѣру православную, до конца претерпѣвъ муки и страданія.

Въ эти годы теряется и слѣдъ Старца Феодора. Монастырь былъ уничтоженъ, послѣ снесенъ съ лица земли. Самъ скитался по разнымъ знакомымъ, жилъ и въ пещерѣ. По однимъ даннымъ скончался на территоріи обители 16/29 Января 1923 г. отъ неизвѣстной причины. Всѣ свѣдѣнія о немъ исчезаютъ. Но то малое, что смогли мы здѣсь собрать, быть можетъ, вдохновитъ «искателей духовныхъ жемчуговъ», и образъ великаго Старца, померкнувшаго въ кровавомъ бунтѣ, возстанетъ какъ изъ пепла и озаритъ намъ путь ко спасенію.

*Царственный Мученикъ и Чудотворецъ,
Россійскій Императоръ*

ПАВЕЛЪ I

1801-2001

Ровно 200 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ былъ злодейски убитъ одинъ изъ величайшихъ русскихъ Монарховъ при жизни и по смерти оклеветанный и по сей день русскимъ народомъ не прославленный какъ защитникъ Православія, пролившій свою царственную кровь. А между тѣмъ, съ самого дня его погребенія чудодѣйственныя знаменія милости Божіей потекли въ доказательство того, что погибъ онъ какъ праведникъ, угодившій Богу и принявшій вѣнецъ Мученика. Говорятъ, что тамъ постоянно на его могилѣ поставляются живые свѣты въ знакъ благодарности за его таинственныя благодѣянія простому вѣрующему русскому народу, который уже два вѣка возносить тайно благодарность своему праведному Монарху. Когда же русскій народъ прославить его и всѣмъ народно покажетъ величіе вѣчноснаго Страстотерца Императора Павла Перваго?

ИСКУССТВО СВЯТОЙ РУСИ

революционную тему, а главной темой спора была мода на славянские узоры. Среди живописцев святились кресты и кресты, а также брачными словами по поводу мощей Св. Игнатия.

Очищающая Сила Природы

Сергѣй А. Виноградовъ

Служение Богу через красоту, претворение ее в жизненную форму реальности есть подвиг угодный Богу. Видеть красоту Божьего мира, «создание рук Его», может каждый. Это удел каждого человека. Далеко не все способны запечатлеть ее в красках, в музыке или в словосочетании поэтической возвышенности.

Один из таких избранных — талантливый художник Сергей Виноградов. Он обладает душой, стремящейся очистить свое внутреннее око, чтобы видеть Божие творение в его красоте и запечатлеть в своих картинах, передать «это виденное» другому, живой души человеку.

«Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ». Матф. 5:8

1. РУССКИЙ ИМПРЕССИОНИСТЪ

СЕРГѢЙ АРСЕНЬЕВИЧЪ Виноградовъ (1869-1938) принадлежит къ поколѣнію Русскихъ художниковъ, испытавшихъ всю тяжесть потрясеній Октябрьскаго переворота въ Россіи 1917 года. Въ послѣреволюціонное время искусство цѣлой плеяды талантливыхъ мастеровъ оказа-

лось ненужнымъ, и многие изъ нихъ покинули Родину. Виноградовъ выехалъ съ выставкой русскихъ художниковъ въ Америку и уже не вернулся въ Москву, поселившись съ осени 1924 года въ Латвію. Талантъ его былъ многограненъ — живописецъ, педагогъ, общественный дѣятель, авторъ интересныхъ воспоминаній о русской культурѣ начала XX вѣка. Особое мѣсто въ его творествѣ заняли картины церковной тематики. Конечно, какъ пейзажистъ онъ въ первую очередь изображалъ красоту соборной архитектуры въ гармоніи съ окружающей природой. Все его полотна пронизаны идѣей созданія мира Творцомъ, служенія человека Церкви. Выходцу изъ семьи священника эта тема была близка и понятна, и художественный интересъ къ ней проявился еще въ студенческие годы. Въ Московскомъ училищѣ живописи, ваянія и зодчества въ 1884 году онъ написалъ конкурсную работу «Утро въ монастырѣ. XVII вѣкъ» и, хотя, у юноши еще не было

Монастырская нищенка, рисунокъ Виноградова. Въ Псково-Печерскомъ Монастырѣ.

опыта въ созданіи исторической картины, однако проявилось желаніе понять жизнь своихъ персонажей, ушедшихъ отъ мірской жизни въ монастырь.

Виноградовъ относился къ молодому, пытли-
вому поколѣнію конца XIX вѣка и въ своихъ карти-
нахъ на бытовую тему использовать новыя дости-
женія живописи, въ частности импрессионизма.
Реалистическіе сюжеты его картинъ оживляли свѣтъ
и воздухъ. Въ началѣ XX вѣка онъ много ѣздилъ по
Россіи, изображалъ дворянскіе усадьбы, изъ кото-
рыхъ две картины отъѣсны на международныхъ
выставкахъ въ Мюнхенѣ, гдѣ художникъ получилъ
золотыя медали. Тогда же ему присуждаютъ на
Родинѣ званіе академика.

По прежнему онъ работаетъ много и надъ темой
Церкви. Лучшія картины — «Московская церковь» съ
сугробами снѣга и протоптанной дорожкой, «Яблони
въ цвѣту» съ лазурнымъ небомъ и падающими на
стѣны храма тенями отъ деревьевъ, «У Иверской».
Незадолго до отъѣзда съ Родины онъ изобразилъ
Марфо-Мариинскую обитель, построенную въ
Москвѣ. Картина въ 1924 году была представлена на
выставкѣ въ Нью-Йоркѣ и приобретена знаменитымъ
композиторомъ С. Рахманиновымъ, поселившимся
въ домъ на берегу рѣки Гудзонъ.

Въ картинахъ Виноградова латвійскаго періода
чувствуется прежнее трепетное отношеніе къ каж-
дому деревцу, травинкѣ, пригорку, цвѣтущей полянкѣ,
и въ этомъ сказывалось особое почитаніе Творца.
«Нѣтъ красокъ, нѣтъ словъ выразить, что творится
въ природѣ, — писалъ художникъ, — стоятъ дни
такой красоты. Трепещутъ на солнцѣ розово-красные
осины, горятъ золотомъ березы, тутъ же хмурая
высокія ели и молоденькія елечки стройныя стоятъ,
точно колоколенки». Черезъ хлѣбныя поля по пыльной дорогѣ идутъ
крестьянки-паломницы съ сосредоточенными лица-
ми «къ Преподобному» (1893). Что заставляетъ чело-
вѣка обращаться къ Церкви? Идутъ туда люди какъ
къ послѣдному прибежищу и надеждѣ.

2. СЫНЪ СВЯТОЙ РУСИ

Больше всего любилъ онъ праздникъ Пасхи, асо-
цирующей съ жизнью, исполненіемъ надеждъ,
верой въ будущее. Вотъ картина «Свѣтлая заутреня»:
выходя изъ храма прихожане съ огоньками въ
Великій Четвергъ, надо донести огонь до дома. А
Великая Пятница, самый скорбный день. «Въ церкви
напряженіе молитвенности и скорби доходитъ до
предѣла. Тишина, все утихло, сосредоточилось. Въ ка-
ми скопилось, сложилось углубленное чувствованіе,
святость его и какъ оно нарастало, и какой радостью
разрывалось — свѣтлымъ Воскресеніемъ! Великимъ
праздникомъ Весны,» — такъ опишетъ свои чувства
Виноградовъ въ статьѣ «Пасха въ Москвѣ».

Въ послѣдній періодъ творчества Виноградовъ
часто выезжалъ въ восточную часть Латвіи. Въ
Латгальской провинціи онъ находилъ мотивы для
своихъ картинъ и на выставкѣ въ 1935 году въ Ригѣ

С. А. Виноградовъ.

посетителей поразили солнечные восходы и закаты,
летнія кучевыя облака надъ лѣсами, озерами, хуто-
рами, перельсками, тяжелая темная волна рѣки
Даугава, цвѣтущіе сады съ бѣлорозовыми яблоками
и россыпью сирени, старинная дворянскія усадьбы.
И среди этого великолепія гармонично смотрѣлись
крѣпкія крѣпостныя стѣны, бѣлая высокая звонница
съ колоколами, синіе бархатные купола съ золотыми
крестами Псково-Печерскаго монастыря (смотри
обложку). Картины были выполнены во время

Большая панорама «У Волжской пристани»; вдали Нижегородские монастыри

пофядки въ святыню Русскаго Православія. Изъ нихъ нѣсколько украсили альбомъ о монастырѣ, изданный въ 1929 году въ Ригѣ совместно съ профессоромъ В. Синайскимъ.

Въ отзывѣ о персональной выставкѣ писалось: «Виноградовъ поразительный художникъ, къ чему бы онъ ни прикоснулся, все вдругъ начинаетъ трепетать и свѣтиться. По этимъ холстамъ разлита ласковая и восхитительная радость, въ этомъ мѣрѣ хочется жить».

Въ концѣ жизни художникъ хотѣлъ запечатлѣть на полотнѣ службу рижскаго и латвійскаго Архіепископа Иоанна Поммера въ главномъ православномъ Христорождественскомъ соборѣ. Но идею претворить не удалось изъ-за мученической смерти Архіепископа Иоанна въ Октябрѣ 1934 года.

Сохранились собственныя записи послѣднихъ лѣтъ его плодотворной жизни. Вотъ записи его послѣдней осени.

3. ОСЕНЬ ЖИЗНИ

«Золотая осень въ неописуемой красѣ! Вода въ озерахъ стала темносиняя, а небо глубокое, темно-голубое... Въ липовую старую аллею какъ войдешь — она подыхаетъ золотомъ... Все время въ восторженномъ волненіи отъ этой несказанной красоты я. А въ домъ войдешь — пахнетъ яблоками, антоновкой. Яблоки всюду: на подоконникахъ глубокихъ оконъ... на столахъ, на полу въ нежилыхъ

сейчасъ комнатахъ... А въ кухнѣ маринуютъ боровики, солятъ рыжики, все впрокъ на зиму. А пахнетъ-то какъ хорошо этими солениями. Никуда не хотѣлъ бы ѣхать изъ деревни. По луговинамъ, по жнивьямъ стѣлется паутина. Въ полѣ копають картошку, и на фонѣ серой земли яркими пятнами горятъ платки и платья копающихъ бабъ. Кончатся послѣднія деревенскія работы на поляхъ. Взойшли уже изумрудныя озими. Что за краски всюду сейчасъ... Какъ хочется жить и писать...»

Осень 1937 года стала послѣдней въ земной жизни Сергѣя Арсеньевича. День ото дня его самочувствіе ухудшалось. Онъ уже почти ничего не слышитъ и постоянно прихварываетъ.

Въ Январѣ 1938 года умеръ Высоцкій, и художникъ всю дорогу до кладбища шель съ непокрытой головой. Черезъ нѣсколько дней онъ тяжело заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ. Слабый организмъ не могъ долго бороться съ недугомъ и 5 Февраля Виноградова не стало. Проживъ въ Ригѣ немногимъ больше тринадцати лѣтъ, онъ до послѣдняго вздоха оставался истинно русскимъ художникомъ.

А въ некролѣ говорилось: «До самого послѣдняго дня своей жизни С. А. Виноградовъ жилъ только искусствомъ». Иными словами — онъ жилъ красотой!

Нина И. Лапидусъ, искусствовецъ, Рига. 2001 г.

Письма Паломнику

Архимандритъ Осеский
Пасха 2001 г.

1. БИЗЮКОВЪ МОНАСТЫРЬ

Напишу немного о нашей св. обители. До большевицкаго переворота въ нашемъ монастырѣ насчитывалось около 2 тысячъ монаховъ. Монастырю принадлежало около 30 тысячъ гектаровъ земли, монастырь имѣлъ доходъ въ 500-800 тысячъ рублей золотомъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ и крупныхъ монастырей Россіи. Монастырь имѣлъ сотни тысячъ головъ скота, нѣсколько разныхъ заводовъ, электростанцію, пароходы и т.д. Въ монастырѣ была единственная въ Россіи Духовная Семинарія исключительно миссіонерскаго направленія, нѣсколько гостиниць, больница, нѣсколько храмовъ, богадѣльня, дѣтскій пріютъ на 200 дѣтей-сиротъ, церковно-приходская школа, духовное училище, около 70 капитальныхъ зданій и др. Въ праздники монастырь посѣщало около 12 тысячъ людей, монастырь былъ большимъ благодѣтелемъ.

Когда къ власти силой оружія пришли пьяницы и воры, то монастырь былъ разрушенъ, монахи разстреляны и разогнаны, имущество разграблено, зданія разрушены. Тѣ, кто говорилъ, что старый міръ разрушатъ, а новый построятъ, оказались лгунами и обманщиками, ибо, все разрушивъ, ничего не могли построить. Тѣ нѣсколько зданій, которые остались въ полуразрушенномъ состояніи, намъ не хотятъ

отдавать въ собственность, мотивируя это тѣмъ, что это памятники культуры, а значитъ собственность государства. Нѣкоторыя зданія намъ передали въ пользованіе, но хотятъ навязать такія условія, чтобы мы все отремонтировали, а они въ любой моментъ могли отобрать у насъ обратно. Но мы собрались здѣсь не для строительства того, что у насъ могутъ забрать, а для спасенія душъ нашихъ, поэтому всѣ силы бросаемъ на строительство внутренняго духовнаго монастыря.

Пробуемъ въ своей жизни обращаться къ уставамъ древнихъ обителей. Видя, какъ сегодня захлестываетъ монастыри волна мірской суеты и мірской жизни, пытаемся не стремиться къ богатству въ обители, не ищемъ наградъ. Въ основу своей жизни пытаемся выдрить ученіе Преп. Іоанна Лѣствичника. Трудно намъ безъ опытнаго духовнаго наставника, но молимъ Господа, чтобы Онъ управилъ нашей жизнью и привелъ ко спасенію. У насъ сейчасъ 5 человекъ братіи, но мы стараемся во всемъ быть единомысленными. Трудно все описать, но хоть немного хотѣлось Вамъ повѣдать о нашей обители. До революціи въ монастырѣ была огромная библіотека — вся пропала. Сейчасъ мы хотимъ хоть что-то имѣть изъ духовной литературы. Очень бы хотѣлось получать всѣ номера Вашего «Русскаго Паломника», братія любятъ читать его... Высылаю

Бизюковъ Монастырь отстраивается.
Дѣтскій пріютъ для сиротъ и хромыхъ, 2001 г.

Братія Бизюкова Монастыря съ
Игуменомъ Евдосіемъ во главѣ.

Общий вид Григорьево-Бизюкова Монастыря съ юго-западной стороны въ Херсонской губерніи.

Дореволюціонная литографія Фесенко. Нылъ почти всѣ храмы спесены безбожной властью.

нѣсколько фото зданій нашей обители, которыя остались отъ разрушенія; описаніе жизни и нравствъ обитателей; описаніе чудъ и знаменій, бывшихъ въ Ф.

2. ЯВЛЕНІЕ КРЕСТА ВЪ Г. ВИННИЦѢ.

24 Сентября 1996 года въ канунъ праздника Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня въ г. Винницѣ рабочіе зеленого хозяйства по просьбѣ настоятеля храма протоіерея Василія Ришко срубали дерево (кленъ). Дерево срубали съ помощью техники. Сначала верхушку и боковые ветки, а затемъ частями основной стволъ. Когда срубали дерево подъ корень, то всѣ присутствующіе были глубоко потрясены. На чисто бѣломъ живомъ срубѣ дерева вырисовывался слегка коричневый, съ четкими контурами православный крестъ... Почти всѣ въ одинъ голосъ воскликнули: «Чудо!»

Вѣсть о происшедшемъ быстро распространилась среди вѣрующихъ винничанъ. Уже къ вечеру люди стали собираться возлѣ среза дерева и прославлять явленный Крестъ Христовъ.

27 Сентября послѣ Божественной Литургіи къ этому мѣсту прибылъ Высокопреосвященнѣйшій Владыка Макарій, Архіепископъ Винницкій и Могилевъ-Подольскій, съ городскимъ духовенствомъ. Владыка осмотрѣлъ крестъ и благословилъ

совершать акафистъ Животворящему Кресту Христову. Съ каждымъ днемъ число людей увеличивалось и становилось все больше и больше. Такъ, 29 Сентября въ воскресенье вечеромъ за акафистомъ молилось около 500 человекъ. Люди стали приходить изъ другихъ сѣль и городовъ Винницкой области.

Храм Воскресения построен в 1910 году на городском кладбище как кладбищенская церковь. Задё до 1950 года велась захоронения. В 1975 году исполкомом Горсовета было принято решение кладбище снести, что в короткие сроки и было сдѣлано. Правда, родственникам была дана возможность осуществить перезахоронение умерших. Теперь территория кладбища находится в ведении парка им. Горького. И только небольшой Воскресенский храм своей миниатюрной архитектурой напоминает небольшой островок, куда собираются вѣрующіе, чтобы помолиться за живых и поставить свѣчу за тѣх, чьи имена навсегда остались в памяти людской, ибо рукотворные памятники исчезли. По свидетельствам винницких старожилов на этомъ кладбищѣ в годы сталинских репрессій были разстрѣляны тысячи ни в чём не повинных мирных жителей города Винницы и Винницкой области, в томъ числѣ и священнослужители (среди них и Мюнисей Подами — археолог, историк, этнограф; протоиерей Иванъ Емельянович — Отецъ Иоанн).

Не вдаваясь в послѣдние выводы, можно предположить, что явление Креста служить знаменіемъ сегодняшнего времени... А тѣмъ временные люди къ Храму все идутъ и идутъ, чтобы приложиться къ явленному Кресту.

Вѣрующіе стараются прикоснуться руками къ сѣзю, опускаются на колѣни, клѣную крестъ. Особый резонанс вызвали слухи о случаяхъ исцѣления. 73-лѣтній житель Винницы Василий Мироненко съ изумленіемъ показывал людямъ правую руку. Полтора десятилѣтія пальцы этой искаленной руки были неподвижными. А тутъ, прикоснувшись къ кресту, старикъ вдругъ почувствовал, что может ими шевелить. Такое же исцѣление рукъ пришло и къ Екатеринѣ Турчиановой, прибывшей на чудо изъ города Черновцы. А у тринадцатилѣтней Наденьки Пилипчукъ изъ поселка Агрономического подъ Винницей, страдавшей нервными расстройствами, прекратились тики на лицѣ и подергивания тѣла... Случаи исцѣления продолжаютъ множиться. На дняхъ почти ослѣпшая жительница Винницы Любовь Сынчукъ послѣ паломничества ко кресту почувствовала, что ея глаза стали видѣть намного лучше.

Многие считаютъ, что нынешнее явление креста можетъ свидѣтельствовать о мученикахъ, чья кровь пролилась на этомъ мѣстѣ. Кровь Христа и кровь человѣческая слилась вмѣстѣ какъ единая жертва за

человѣчество, за его грѣхи, во имя его спасенія. Это своего рода призывъ къ народу пробудиться къ вѣрѣ и покаянію.

Тамъ, гдѣ росло это огромное дерево, надъ его сѣзью построена небольшая съ куполомъ часовня. Вокругъ сѣзю установлены части ствола дерева, пронзенныя крестомъ и въ любую погоду люди могутъ прийти сюда прикоснуться къ кресту и помолиться.

Архимаандритъ Оеодосій
Пасха 2001 г.

3. ЧУДО ВЪ ЭСТОНІИ

Горю желаемъ помогать вамъ. У насъ въ Александро-Невскомъ соборѣ муро источается по стѣнамъ, особенно изъ большой картины «Входъ

Господень въ Иерусалимъ». Эта картина расположена выше всѣхъ иконъ и большого размѣра. Особенно сильное муротечение было въ самъ день праздника. А такъ же сильно муроточили буквы славянскаго шрифта: «Вѣрующіи въ Меня да не погибнутъ во вѣкъ». Это изречение Спасителя расположено тоже высоко и написано крупнымъ славянскимъ шрифтомъ. Многие съ каменными сердцами не вѣрятъ, говорятъ, что это испарина отъ большого количества людей. Но это масло, а не влага.

Спаси Васъ Господи. Съ любовью,

р. Б. П. К. с супругой.

4. ПАМЯТИ О. НЕСТОРА

Здравствуйте. Я — русская, православная, живущая сейчасъ въ Канадѣ. Недавно подруга дала мнѣ вашъ журналъ, № 14 за 1996 годъ. Я не могла оторваться отъ него. Словами трудно описать то, что чувствуешь, когда читаешь всѣ статьи, особенно про О. Нестора. Передъ этимъ я прочитала «Жизнеописание Оптинскаго Старца Амвросія» и подумала, что всѣ великіе старцы и святые жили, къ сожалѣнію, до насъ. Вотъ Господь вашимъ журналомъ и далъ мнѣ отвѣтъ и показалъ, что и въ наши дни есть такіе святые люди. Отъ этой мысли великая радость въ сердцѣ. Очень хотѣлось бы получать вашъ «Русскій Паломникъ».

Таня Оберковичъ, Онтарио,
Канада, 2001 г.

5. СВЯТИТЕЛЬ ОЕОФАНЪ ЗАТВОРНИКЪ

Предпразднество Богоявленія 2000 г.
Хочу описать и постараюсь то сдѣлать подробно, какъ Святитель Оеофанъ помогъ мнѣ, хотя я

Архимаандритъ Оеодосій
читаетъ «Русскій Паломникъ».

недостойн даже и описать то, да и кто я, чтобы меня онъ посѣтилъ, да и какъ мнѣ понять такое благодѣяніе Святителя?

Какъ Вы знаете, я былъ тогда въ смятеніи и не полностью въ своемъ умѣ отъ глубокой неотступающей депрессіи, въ состояніи полного отчаянія. Я опущалъ себя Богомъ оставленнымъ и подавленнымъ, что благодать Божія отошла отъ меня. Это ощущение оставленности причинило поголовное и непрестанное душевное страданіе. Когда эта одержимость достигла всепоглощающей интенсивности, я тогда не могъ ни спать, ни ѣсть, ни днемъ ни ночью. Я причинялъ отчаянные страданія какъ себѣ, такъ и моей семьѣ, и жизнь моя погружалась въ бездонную бездну.

Какъ-то ночью, изнемогая отъ бессонницы, я вдругъ почувствовалъ, что какой-то старый человекъ съ длинными волосами и бородой, одѣтый въ рясу, вошелъ въ мою комнату и сѣлъ рядомъ со мною. Въ глазахъ его было состраданіе, но не жалость ко мнѣ. Въ немъ была ипѣкая глубокая проникновенность, что я ясно сознавалъ и это тронуло мою душу такъ, что я освободился отъ отчаянія.

Онъ ничего не говорилъ, только продолжалъ сидѣть рядомъ со мною, наполняя меня надеждой, невыразимой словами. Какъ долго это взаимное общеніе продолжалось, я не могу сказать, ибо время какъ бы остановилось. Я чувствовалъ къ нему любовь и мнѣ чистосердечно хотѣлось что-нибудь подарить ему. Я очнулся,

но не ото сна, а отъ состоянія полного трезвеннаго пробужденія. Хотя я больше не видѣлъ моего посѣтителя, но былъ полностью убежденъ, что онъ все еще былъ рядомъ со мною и его взглядъ какъ бы наполнял мое умственное видѣніе.

На другой день я уже былъ въ состояніи перенести любое испытаніе, вспоминая глубоко осмысленное лицо моего посѣтителя, что до какой-то степени поддерживало надежду и самообладаніе и достоинство, т. к. все рушилось передо мною!

Но кто былъ мой посѣтитель, открылось только черезъ нѣсколько дней. На столѣ дома я увидѣлъ книгу «Что Есть Духовная Жизнь и Какъ на Неѣ Настроиться» Святителя Ѳеодана Затворника, оказавшуюся въ нашемъ домѣ, которую прислала жене монахиня мать Ольга. Спаси ее Господи! (Это изданіе Братства Преп. Германа на англійскомъ языкѣ).

Съ удивленіемъ и недоумѣніемъ я взглядывался въ фотографіи въ той книгѣ. Глаза Святителя Ѳеодана оказались безошибочно те, что были у моего посѣтителя! Увѣренность наполнила мою

душу отъ сознанія, что это былъ тотъ самый, кто появился чтобы утѣшить и укрѣпить меня въ ту мрачную ночь, ночь моего отчаянія, и мысленно оставался со мною въ продолженіи нѣсколькихъ послѣдующихъ дней.

Какъ вы знаете, вскорѣ послѣ этого я пріѣхалъ въ монастырь на три недѣли. Въ храмѣ мнѣ все время почему-то хотѣлось стоять въ одномъ и томъ же мѣстѣ возлѣ одной колонны. Въ концѣ моего паломничества, когда я удостоился стать оглашеннымъ съ именемъ Ѳеодана, я обернулся лицомъ къ западу храма и увидѣлъ въ первый разъ въ жизни икону Святителя Ѳеодана, висѣвшую на той колоннѣ, передъ которой я обычно стоялъ! Онъ, оказывается, былъ тамъ все время со мною, смотря внизъ на меня, невидимо укрѣпляя и исцѣляя меня.

И удивленію моему не было конца: Евангельское чтеніе въ тотъ день при моемъ оглашеніи, когда я получилъ новое имя Ѳеодана, было повѣствованіе о Крещеніи Господнемъ и Богоявленіи, что въ переводѣ на греческомъ языкѣ есть Ѳеоданъ, т. е. Богоявленіе!

Слава Господу за Его милость и моему дорогому святому покровителю Святителю Ѳеодану, о которомъ я недостойный и говорю не смѣю. Простите. Ваше недостойное чадо,

Ѳеоданъ Уайсъ,
Бозманъ, Монтана

6. ЦАРСКАЯ ПОМОЩЬ.

Благодарю Васъ за журналы «ПАЛОМНИКИ»; особенно мнѣ дороги тѣ, что про Царскую Семью. Я только сейчасъ прозрѣла и осознала какой я имѣю журналъ съ такими богатыми портретами, фотографіями Царской Семьи. И только сейчасъ я стала читать, все что у меня есть и молиться Царскимъ Мученикамъ. Они очень помогаютъ, особо прошу Царевича Алексѣя чтобы вывелъ изъ житейскаго болота сына, какъ Царевичъ молитвами вывелъ казаковъ съ обозомъ изъ болота.

Во времена посѣщенія монастыря въ Печѣрахъ на Рождество, я молилась только одному Царю-Батюшкѣ и просила Его, чтобы послалъ сыну работу по его способностямъ и чтобы до конца дней она его кормила. Меньше чѣмъ 2 недѣли вывилось такъ, что сыну предложили учиться на повара-лекаря, онъ согласился. Мѣсяца черезъ полтора по Божіей милости онъ, дасть Богъ, получитъ дипломъ и сможетъ работать по этой специальности. Молитвами Царя Николая II въ нашей семьѣ налаживается. А до этого и придумать не могли въ какой области сынъ можетъ себя примѣнить...

Св. Ѳеоданъ Затворникъ,
(1815-1894).

Помоги Вамъ Господи молитвами Августѣйшей Царской Семьи и всѣхъ святыхъ укрыльятъ вѣ духѣ и ближе къ Богу быти.

р. Б. Елена К.
Эстонія

7. АООИЪ ДЛѦ ЖЕНЩИИЪ

Богомъ данный мнѣ духовный отецъ благословилъ ежегодно 2-го Сентября устраивать день памяти О. Серафима (Роуза). Въ томъ году ко мнѣ домой приходилъ знакомый батюшка иеромонахъ и служилъ панихиду. Вмѣстѣ со мной шли мои подруги, искательницы монашества. Мы очень хотѣли бы жить по-монашески въ монастырѣ, но по разнымъ причинамъ пока не получается. Напримѣръ, я за 1997 и начало 1998 года перенесла тяжелую болѣзнь и теперь сомнѣваюсь, хватить ли мнѣ силъ жить вѣ обители. Но какъ бы то ни было, я желаю оставаться вѣ безбрачїи.

Вы прислали такое теплое изображение О. Серафима, плодъ любящего сердца кого-то изъ почитателей О. Серафима. Глядя на него, я немедленно написала стихи.

Какъ будто вижу скитъ льсной
И горъ заснѣженныхъ уступы,
Мы шли вдвоемъ во тѣмъ зимой
На самодѣльныхъ снѣгоступахъ.
Совсѣмъ не страшно было мнѣ
Съ Отцомъ, который не оставитъ.
Не помышляя я о днѣ,
Когда у насъ его не станеть.
Онъ вѣ небо силится какъ могъ
Открыть мнѣ Отчїе объятїя,
Онъ вель меня на огонекъ,
Гдѣ вѣ теплотъ насъ ждали братья.
Мой добрый пастырь, другъ, отецъ,
Я благодарна безконечно,
Но кто бы зналъ, какъ скоръ конецъ
Стези, ведущей къ жизни вѣчной.
Ушелъ отъ насъ, но слышитъ Богъ
Твою мольбу. Отецъ незримый,
Но вѣ сердцѣ скитской огонекъ
Съ тѣхъ поръ горитъ, тобой хранимый.
И память свѣтлая живеть
Вѣ листочкѣ каждомъ и травинкѣ,
Что украшаетъ каждый годъ
Твои глубинныя тропинки.

Ваши слова, что есть же сейчасъ тоже скиты, келлїи, отшельники и вѣ наше время, немедленно перенесли мою мысль и сердце на Аоонь, къ любимымъ книгамъ «Письма Святогорца» и тѣмъ, что собралъ архимандритъ Херувимъ, а вы издали. Можно и не жить на Аоонѣ, но постоянно собирать нектаръ его святости.

Мнѣ ближе всего по сердцу каливка на 2-3 челоука подъ водительствомъ Старца (или

Старицы), но это мечта, а пока я живу ближе къ «уединенїю», и мое житїе, навѣрное, послужило бы примѣромъ тому, какъ жить не стоить. Вашъ отвѣтъ доставилъ бы мнѣ большую радость.

Х. П., Г. Москва

Монашеская жизнь вѣ скитахъ и каливахъ по соседству съ монастыремъ, какъ на Аоонѣ, конечно, идеаль. Но это не значитъ, что самостоятельная малая группка черничекъ, да и еще внѣшние вѣ монашескую жизнь такъ начинался. У отшельника или двухъ-трехъ жизнь налаживалась на самостоятельное существование и затѣмъ росло, прибавляясь вѣ количество подвижающихся Христа ради, вѣ храненїи сердца отъ помысловъ. Конечно, пустынное окруженїе очень способствовало. Такъ и Аоонь образовался и уже позже развился вѣ монашескую страну, благодаря, конечно, тому, что монахи были обособлены отъ мїра островами.

На Валаамѣ, интересно замѣтить, одинъ изъ острововъ со скитомъ вѣ честь св. Тихвинской иконы Богоматери былъ предназначенъ исключительно для женщинъ, какъ бы женскїй Аоонь, почему-то существовалъ только недолгое время какъ таковой. Говорятъ, что не было удобнаго берега для причала лодокъ. Не знаю. Но идѣя такая вѣ наше время очень подходящая, т.к. женщины могли бы прекрасно устроить подобное мѣсто какъ убѣжище для современныхъ искательницъ монашества и тамъ, если Богу угодно, устроить и каливы и малыя келлїи — помимо члгоаго монастыря. У насъ вѣ Америкѣ дѣлаются такїя попытки. Помоги, Господи.

8. МОИАШЕТИРЪ ЦАРСТВЕННЫХЪ СТРАТОТЪРЦЕВЪ

Монастырь Св. Царственныхъ Стратотѣрцевъ возводится вѣ 10 километрахъ отъ Екатеринбургa вѣ урочищѣ Ганина Яма — мѣстѣ уничтоженїя останковъ разстрѣлянной вѣ Екатеринбургѣ Царской Семьи. Главнїй монастырскїй храмъ — во имя Святыхъ Царственныхъ Стратотѣрцевъ былъ выстроенъ вѣ теченїи трехъ мѣсяцевъ и освященъ 27-го Декабря 2000 г. Второй храмъ — во имя Преп. Серафима Саровскаго съ подземнымъ придѣломъ во имя Иконы Божїей Матери «Умиленїе» былъ отстроенъ также за 3 мѣсяца. По мнѣнїю Архїепископа Викентїя, «это монастырь особый. Всѣ, кто тамъ бываетъ, чувствуютъ, что тамъ присутствуетъ особая благодать Божїя. И люди тянутся туда, чтобы получить тамъ духовныя силы для побѣды надъ своими немощами, грѣхами, зломъ вѣ себѣ и обновиться духовно. Это мѣсто — тотъ источникъ силъ, который поможетъ намъ вѣ нашемъ духовномъ возрожденїи. Да отмолятъ Царственные Стратотѣрцы все наше общество».

А фамилїя первого игумена Романовъ.

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

Древній Валаамскій Крестъ.

Возобновляющийся 43-ий год издания, послѣ перерыва съ 1917 года.
Журналь обладаетъ правами Copyright by St. Herman of Alaska Brotherhood.

Печатается и редактируется
ВАЛААМСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ АМЕРИКИ — VALAAM SOCIETY OF AMERICA
P. O. Box 70, Platina California 96076 USA, Факс: (530) 352-4432 тел.: (530) 352-4430

ВАЛААМСКОЕ ОБЩЕСТВО АМЕРИКИ является миссионерскимъ движеніемъ, цѣль котораго сохраненіе и распространеніе древне-христіанской монашеской мудрости вѣдъ всѣхъ церковныхъ раздѣленій, для всѣхъ юрисдикцій, исповѣдующихъ Православную Вѣру во всѣхъ странахъ міра. Основано въ 1983 году какъ результатъ 20-лѣтнихъ трудовъ Братства Преп. Германа Аляскайскаго, исходящаго съ благословенія Аримандрита-пустынника Герасима, что на Еловомъ островѣ (+1969), и утвержденаго Святителемъ Иоанномъ Максимовичемъ (+1966). Валаамское Общество Америки основано Епископомъ Маркомъ Ладожскимъ и Сан-Францискскимъ.

ЖЕЛАЮЩЕ СТАТЬ ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВА ВНѢ РОССІИ призываются усердно молиться за Россію, Валаамское Общество и его миссионерскія цѣли. Каждый членъ Общества, кромѣ своей подписки на «Русскій Паломникъ», также автоматически оплачиваетъ одну годовую подписку, которая пойдетъ въ Россію.

Годовое членство: 25 ам. дол. Пожизненное членство: 250 ам. дол.

Благословеніе Святѣйшаго Патриарха Алексія II.

Статьи принимаются, но безъ полемики.
Посылать по адресу: P. O. Box 70, Platina CA. 96076, U.S.A.

СОДЕРЖАНІЕ № 24, 2001

1. Карульскіе Пустынники 78
2. *Афонскій Патерикъ*
О. Θεοδοсій въ Воспоминаніяхъ
Современниковъ 84
3. Духовный Дневникъ Иеросхимонаха
Θεοδοсія Карульскаго (часть 2) 96
5. Письма Св. Θεοφана Затворника къ Будущему
Старцу Θεοδοсію Карульскому 105
6. *Иночская Лура*
Легенда о Райской Птичкѣ 110
7. *Валаамская Патрологія*
Молчанникъ Михаилъ 112
8. *Современный Материковъ*
Иг. Тихона, Преп. Муч. Оренбургская 116
9. Схимонахъ Θεοδορ Сибирскій 122
10. Павелъ I 127
11. *Искусство Св. Руси* — С.А. Виноградовъ 128
10. Писма «Паломнику» 131

ЧИТАТЕЛИ ВЪ РОССІИ!

Ввиду того, что въ настоящее время въ Россіи получать журналь по почтѣ затруднительно, советуемъ спрашивать нашъ журналь въ церковныхъ лавкахъ Россіи.

Письма слѣдуетъ направлять по адресу:
105318 Москва
ул. Звѣрицкая, 14-14
Θομъ Βεττςъ.

Екатеринбург:
Монастырь в честь Царственных
Страстотерпцев, построенный на
Ганиной яме, где была их могила.

Икона Царственных
Мучеников на фоне
леса и той страшной
ямы.

На задней обложке: Иверская
Икона Божией Матери, которая
находится на Афонь.

